

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПРИВОЛЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ
СООБЩЕНИЯ»

На правах рукописи

Гнатюк Максим Александрович

**ИНЕРЦИОННОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКИХ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ**

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант –
доктор философских наук, профессор
Воленко Константин Викторович

Самара, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Социокультурная инерция: методологические проблемы и основания исследования.....	24
1.1. Феномен инерции в социально-гуманитарном и философском дискурсе.....	24
1.2. Инерция в социокультурной динамике: методологические конструкты.....	42
Глава 2. Механизм инерции в исторической проекции социокультурных изменений российского общества.....	69
2.1. Социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской истории.....	69
2.2. Советское общество в фокусе механизма культурно-исторической инерции	94
Глава 3. Советское прошлое в пространстве социокультурных изменений современного российского общества.....	113
3.1. Динамика инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого.....	113
3.2. Феномен «социального повторения» в социокультурных изменениях современного российского общества: институциональное и ценностное измерение.....	136
Глава 4. Культурные инварианты инерционной траектории социокультурной динамики российского общества: анализ социокультурных практик.....	151

4.1. Инерция в социально-политических и управленческих практиках современного российского общества: культурные инварианты.....	151
4.2. Культурные инварианты в адаптивных практиках повседневной жизни российского общества: инерционное измерение.....	174
Глава 5. Фактор социокультурной инерции в практике российской модернизации.....	191
5.1. Социокультурная инерция в практике российской модернизации.....	192
5.2. Вектор и альтернативы социокультурных изменений в российском обществе в координатах специфики проявления инерционных процессов.....	213
Заключение.....	230
Список литературы.....	238

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В общей динамике социокультурных изменений феномену инерции отводится ключевая роль. Ни одно общество и не одна культура не функционирует вне инерционных процессов, которые в каждой конкретной социокультурной реальности и ситуации разворачиваются по собственному сценарию и логике развития. Именно поэтому процессы социокультурных изменений отличаются ярко выраженным диалектическим характером, что проявляется в сочетании черт и характеристик устойчивости и нестабильности, неопределенности и прогнозируемости, прогресса и регресса, архаизации и модернизации. При этом констатация феномена ускорения социокультурных изменений, которая отличает многие современные исследования, зачастую является предуведомлением тезиса об упрощении повседневных практик и самой культуры. Сложная социокультурная реальность упрощается и как бы «застывает», являя нам пример инерции и связанных с ней сложных процессов деградации, регресса, отката назад и кризиса.

В российских реалиях воспроизводство и трансформация культуры происходит в сложных и противоречивых условиях, когда деятельностные тренды доминирующих субъектов культуры, актуальные культурно-антропологические практики, традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы массового сознания зачастую противостоят нововведениям, препятствуют усвоению инноваций и укоренению современных социальных институтов, но, с другой стороны, в условиях жесткого геополитического противостояния позволяют сохранить устойчивость, а возможно, и просто выжить. Заметную роль в этих процессах играет феномен социокультурной инерции, все еще недостаточно отрефлексированный и тем более не извлеченный из «темноты наличного бытия» на уровень концептуального осмысления.

Теоретическая и практическая необходимость исследования социокультурной инерции связана с проблемным полем изучения культурной и социальной реальностей через выявление противоречий, обусловленных «запаздывающим», инерционным характером социокультурных преобразований, противоречием между традицией и новацией. Тематика социокультурной инерции как свойства социальных систем сохранять свое привычное состояние, возвращаться к сложившимся пластам культуры и культурной памяти, элементам социальных отношений, культурно-антропологических и властных практик в пространстве социокультурных изменений все более отчетливо позиционируется в философском дискурсе и сфере социального познания и требует своего осмысления, особенно в границах языка философии культуры.

Обращение к феномену социокультурной инерции в контексте российских общественных трансформаций позволяет сформулировать проблему исследования, в основе которой лежит вопрос о том, каким образом проявляется инерционность в социальных и культурных процессах в ходе изменений, происходящих с нами здесь и сейчас. Концептуальный анализ и фиксация феномена социокультурной инерции также позволяют выявить значимые элементы преемственности (в том числе и квази-преемственности) между императорской Россией и советским периодом истории, между советской и постсоветской эпохами, определить роль культурно-антропологических практик, унаследованных от советского прошлого, в условиях современных социокультурных изменений.

Обращение к явлению социокультурной инерции обуславливается, конечно же, и тем, что Россия уже более 25 лет позиционирует себя как «общество реформ», изменяющееся и изменчивом мире, который за это время трансформировался от стремления построить с нашей страной партнерские отношения к явной конфронтации. Эти обстоятельства определяют высокую степень актуальности темы диссертации, прежде всего в практическом плане. Что касается научной стороны проблематики, то она актуализирована в той же степени, в какой очевиден пробел в области концептуализации и методологической разработанности

социокультурной инерции как философской категории, при всем том, что инерционные процессы в развитии российского общества довольно часто попадают в фокус научных исследований, в том числе и философских. Однако эти исследования опираются, как правило, на основательную, но не собственную теоретическую базу, сформированную на основе положений неинституциональной концепции, теории исторической колеи, теории архаизации и др., абсолютизирующих изменения и отрицающих позитивную роль традиции.

Социокультурная инерция как концепт философского дискурса и как феномен культуры предполагает единство индивидуально-практического и культурно-институционального модусов-измерений. В итоге проблема инерции в ее разнообразных воплощениях и конфигурациях оказывается ключевой для понимания механизмов социокультурной трансформации, динамики антропологических практик как фундаментальных, глубинных оснований жизни, вслед за которыми изменяется и все то, что М.К. Петров называл «интерьером».

В этих условиях практическая актуализация инерции выступает своеобразной формой редукции сложности и противоречивости мира культуры, сведение актуализированных процессов к ограниченному перечню изменений, фундированных динамикой культурно-антропологических практик и представленных новыми формами репрезентации. Значение исследования инерционности в гносеологическом, методологическом и прагматическом плане обуславливает актуальность избранной темы исследования.

Таким образом, **проблема диссертационного исследования** и его актуальность в контексте понимания социокультурных оснований и перспектив развития российского общества обусловлена, во-первых, теоретико-методологической значимостью изучения проблемы социокультурной инерции, способной повлиять как коррелят на иные области исследований не только в рамках философии культуры, но и в смежных социальных науках; во-вторых, назревшей потребностью экспликации концепта социокультурной инерции, связанного с рефлексией касательно фундаментальной проблемы оценки динамики

социокультурных изменений, интенциями повторения и воспоминания о прошлом опыте на основе формирования методологической базы исследования социокультурных изменений через выявление функционального механизма и инвариантов проявления инерционности как свойства и характеристики сложившихся культурных практик; в-третьих, отсутствием в предметно-проблемном поле философии культуры комплексных изысканий по данной теме.

Степень научной разработанности темы. История изучения социокультурной инерции имеет определённую традицию.

Опыт понимания сущности и дефинирования данного явления в социально-гуманитарном и философском познании свидетельствует об отсутствии единой и общепризнанной его интерпретации. Существует немало подходов, привнесённых из разных научных отраслей (психология, социальная психология, социология, экономика), по-разному освещающих теоретические и практические аспекты данного концепта.

Так, экономисты подходят к анализу инерционных процессов с целью выявления закономерностей развития социально-экономических систем, выявления связи между экономическими кризисами и инерционным фактором, поиска путей преодоления инерционной составляющей в экономических процессах (М.Ю. Журавский, К.В. Павлов, А.С. Самохин, В.Л. Сиднина, В.В. Поддубный, О.В. Романович, Д.А. Сакович, Е.Б. Дворядкина, Е.В. Голошейкин, И.В. Арагилян).

Связывая социокультурную инерцию с политическими процессами, исследователи стремятся осмыслить зависимость от социокультурных реалий, анализируют традиционные и современные способы легитимизации власти, методы управления в контексте влияния прошлого политического опыта, социокультурных детерминант феномена политической власти (М.С. Ильченко, В.И. Казакова, В.П. Макаренко).

Определенный пласт работ сложился в пространстве связи инерции и исторических процессов (В.К. Захаров, С.Р. Динабург, Ю.К. Кондратчик). Это

направление очень ценно тем, что показывает не только историческую зависимость настоящего от прошлого, но и сам механизм этой зависимости, сформированный на основе положений теории исторической колеи, неинституционального подхода и ряда других методов, в рамках которых историческая динамика социума определяется как детерминированная его институциональной траекторией, сложившейся на предшествующих этапах исторического развития.

Отдельного внимания заслуживают исследования, связывающие состояние и эффективность управления в различных сферах общественной жизни с инерционными процессами (М.П. Муравьева, В.В. Узунов, Ю.С. Панфилова, В.П. Хоценко, В.К. Захаров.). В управленческой практике и теории фактор инерционности является одним из ключевых в расчетах параметров управления при оценке объекта управления с учетом его перехода от одного состояния к другому.

К этим исследованиям можно присоединить по принципу тематической близости работы, в которых анализируются различные, в том числе инновационные аспекты развития российских регионов с позиций негативного влияния фактора инерции, выступающего препятствием на пути эффективного функционирования институциональной систем общества и формирования субъектного потенциала у социальных акторов (М.Д. Розин., С.Я. Суций., В.В. Узунов, И.Г. Напалкова, А.С. Солдатов). Особое внимание обращено на пространственную характеристику регионов России и необходимость учета изучения инновационных процессов этого явления – пространственной инерционности. При этом пространственные факторы рассматриваются и как определяющие «предел возможностей» инновационного развития российского государства, и как значимый потенциал регионального развития в инновационном направлении. В отношении последнего аспекта интерес представляет позиция И.Г. Напалковой и А.С. Солдатовой указывающих на недооценку влияния традиций, обеспечивающих инерционность в развитии пространства России и возможности регионального потенциала в осуществлении инновационной стратегии экономического развития страны.

Не столь развито направление, в котором инерция и инерционность включены в контекст исследования отдельных явлений и процессов, но, тем не менее, такие работы наличествуют. В частности, представляет интерес обращение О.Ю. Посуховой к проблеме профессиональных династий с позиций осмысления характера и степени влияния инерционного фактора, а также выстроенную в работах других исследователей взаимосвязь между институциональной инерцией и состоянием российской системы образования, а также реформированием системы защиты детства в России (В.В. Вольчик, М.М. Скорев, М.А. Костенко). Ученые проследили также взаимосвязь социального настроения и фактора инерции (Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова).

Анализ указанных направлений и множества авторских позиций по проблеме социокультурной инерции показал, что однозначной оценки данное явление не получило. Различия в позициях фиксируются и на уровне теоретической интерпретации инерции (она рассматривается и как свойство, и как состояние социокультурной сферы, механизм ее воспроизводства, и как условие существования и функционирования социальных институтов, характеристика их особенностей), и на уровне ее оценки с точки зрения влияния на динамику общественных процессов и культурных изменений. Негативные оценки инерционных процессов даются, преимущественно, в контексте оценки реалий российской действительности.

В целом же можно констатировать, что в научном пространстве еще сохраняется противостояние мнений в отношении оценки роли инерции, в осмыслении ее как сугубо социальной характеристики и культурной составляющей, представляющей собой необходимое условие существования и воспроизводства общества и человека.

Сам исторический процесс, с точки зрения В.В. Деркача, возможен благодаря социальной инерции, а, согласно мнению Н.А. Матвеевой, одной из немногих, обратившейся к самому понятию социальной инерции как предмету теоретической рефлексии, природная сущность социальной инерции как характеристики

социальной системы определяет значимость социально-философской интерпретации понятия инерции.

Основные подходы к концептуализации феномена социокультурной инерции связаны с такими направлениями как теория социокультурной динамики и социокультурного раскола, теория модернизации, теория зависимости от предшествующего пути развития, теория исторической колеи, теория социокультурной травмы и социальной энтропии, архаизации и неотрадиционализации и др. И здесь, конечно же, следует указать на работы таких исследователей как А.С. Ахиезер, П. Бурдьё, Г.А. Воробьев, А.Д. Похилько, А.Б. Гофман, В.В. Деркач, В.И. Ильин, В.А. Лапшин, Р. Патнем, Д.В. Сергеев, П.А. Сорокин, Ж.Т. Тощенко, Л. Хариссон, Ю.А. Шестаков которые по праву можно включить в методологический базис фундаментальных исследований инерции любой отраслевой направленности и философской в том числе.

Необходимый философский контекст социокультурной инерции составляет широкий круг исследований на пересечении фундаментальных для науки проблем движения, изменения и покоя в трудах досократиков, Платона, Аристотеля, стоиков и далее Аврелия Августина, Фомы Аквинского. Начиная с эпохи Возрождения в общей теме социокультурных изменений появляются социально-политические коннотации (Т. Гоббс., Дж Локк., Ж.-Ж Руссо. и другие). Современная рефлексия культурных изменений и столь сильное влияние идеи развития не могло сложиться без все еще сохраняющих свою актуальность идей классической философии и Г.В.Ф. Гегеля прежде всего. Прогрессизм духа есть прогрессизм культуры, и только Ф. Ницше и позднее психоанализ внесли долю сомнения касательно этой общей установки. И конечно, нельзя не отметить влияние марксизма и особенно разработанного в нем понятия практики для изучения культуры современными философами. Проблемы социокультурной динамики в тесной связи с изменением культурно-антропологических практик активно разрабатывались ростовской философской школой (М.К. Петров, А.В. Потемкин, Е.Я. Режабек, В.П. Римский).

Предметом острой научной полемики выступает проблема модернизации российского общества, также включенная в дискурс социокультурных изменений и влияния фактора инерционности (Ю.Г. Волков, И.И. Горлова, Л.Л. Пшеничникова, В.Ж. Келле, С.Ю. Казеннов, В.Н. Кумачев, Г.Б. Клейнер, Е.А. Когай, Т.Л. Прокопчук, Н.И. Лапин, П.А. Меркулов, С.А. Морозов, А.В. Кудинова, Я.А. Пляйс, В.В. Тянь). Ученые рассматривают источники, ресурсы, типы модернизации, причины модернизационных неудач России, а в последнее время дискурс постепенно смещается в сторону анализа архаизационных и неотрадиционалистских явлений и процессов в новой реальности России. В этом направлении работают такие ученые как Д.М. Абдрахманов, В.П. Бабинцев, А.М. Буранчин, Л.В. Карнаушенко, С.Н. Комиссаров, Ч.К. Ламажаа, Н.Г. Хайруллина, В.А. Лапшин, Я.С. Мариненко, С.В. Хоружая, А.Р. Салчинкина, зачастую констатируя или прогнозируя развитие деструктивных и деградиационных процессов в развитии страны.

Таким образом, в философской и социально-гуманитарной мысли накоплен определенный опыт изучения различных аспектов проблемы социокультурной инерции, ее проявленности в экономических и исторических процессах, в отдельных сферах жизнедеятельности и социальных институтах. Однако в отечественной философской литературе феномен инерции еще не стал предметом комплексного философского исследования и концептуального анализа с позиций философии культуры.

Объект исследования – социокультурная реальность как пространство изменений, детерминированное влиянием инерционных процессов.

Предмет исследования – механизм и инварианты проявления инерции в динамике российских социокультурных изменений.

Цель диссертационного исследования – экспликация механизма и инвариантов проявления инерции в динамике социокультурных изменений в российском обществе.

Задачи диссертационного исследования:

- рассмотреть теоретико-методологические проблемы исследования социокультурной инерции в философском дискурсе;
- разработать методологический конструкт исследования инерции в динамике социокультурных изменений;
- выявить социокультурные основания проявления инерционной составляющей в российской истории;
- рассмотреть социокультурные особенности советского общества в фокусе механизма исторической инерции;
- проанализировать динамику инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого;
- рассмотреть феномен «социального повторения» в рамках социокультурных изменений современного российского общества;
- выявить культурные инварианты инерции в отечественных социально-политических и управленческих практиках;
- исследовать культурные инварианты инерции в повседневных практиках;
- определить характер влияния социокультурной инерции в практике российской модернизации;
- выявить вектор и альтернативы социокультурных изменений в российском обществе в контексте проявления инерционных процессов.

Теоретико-методологическая основа исследования. Основой методологического пространства данного исследования с целью обеспечения интегрального характера использования имеющегося дисциплинарного опыта в философском понимании инерции в социокультурных изменениях была выбрана неоклассическая модель научного исследования.

Методологический каркас исследования составили идейные положения и принципы неоинституционализма (в варианте теории исторической колеи, теории «Path dependence»), теории модернизации, архаизации и неотрадиционализации, социокультурного подхода, теория энтелехии культуры, концепции социальной имитации.

Центральное место в конструировании методологического поля исследования занимает социокультурный подход, разработанный П.А. Сорокиным. В частности, были использованы положения теории социокультурной динамики и социокультурных флуктуаций, послужившие теоретической базой при разработке индикаторов измерения социальных изменений, их направленности, выборе основных источников.

При конструировании методологической схемы исследования и понятийной конструкции были использованы идеи и разработки в области осмысления феномена социокультурной динамики российских философов (В.П. Римского, М.К. Петрова), акцентировавших внимание на практиках трансляции культуры, воспроизводстве социокультурной системы и возникновении в ней новаций.

Составным элементом методологического конструкта выступает теория энтелехии культуры, раскрывающая механизм социокультурного воспроизводства через формирование и взаимодействие/противостояние культурных инвариантов и вариантов, а также элементы теории социальной энтропии, характеризующей особенности протекания социокультурных процессов и изменений в контексте заложенной в социальной системе инерционной траектории развития. В данном методологическом ключе немаловажное значение отводится концепциям архаизации и неотрадиционализации, раскрывающим суть инерционного эффекта в соотношении с внедряемыми в обществе инновациями в конкретных исторических и социальных условиях, характеризующихся воспроизводством архаичных социальных практик.

В работе использованы также идеи и положения парадигмы «социального повторения» и «социальной памяти»; концепция «социальной имитации»; теоретические положения концепции «общества спектакля».

Решение поставленных в диссертации проблемных задач потребовало также комплексного использования системного и сравнительно-исторического методов исследования.

Научная новизна исследования заключается в следующих тезисах.

– зафиксировано отсутствие самостоятельного теоретического поля философской рефлексии социокультурной инерции и обоснована необходимость разработки методологического пространства интегрального характера с возможностью использования имеющегося дисциплинарного опыта в изучении инерции в культуре;

– авторский методологический конструкт позволил определить социокультурную инерцию как механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления новациям, не соответствующим социокультурному ядру, образованному совокупностью культурно-антропологических практик и системой ценностей; а также выделить три типа социокультурной инерции: прогрессивный, регрессивный и нейтральный;

– раскрыт социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской истории, условно названный «турбулентным»; определены его ресурсный потенциал и функции в социокультурной динамике российского общества;

– проведен философский анализ советского общества и культуры в фокусе специфического механизма инерции турбулентного типа, способного обеспечить социокультурной системе траекторию устойчивого развития в экстремальной ситуации за счет повышения антиэнтропийного (энергийного) потенциала системы путем активизации культурных инвариантов;

– показана динамика инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого и обоснован ее мобилизационный характер в условиях постсоветской социокультурной реальности и глобального вызова;

– обоснована инерционная составляющая в парадигме «социального повторения» как зависимости от предшествующего пути развития в социокультурных изменениях современного российского общества, выступающего прямым продолжением общества советского в контексте практики «равнения на прошлое»;

– выявлены культурные инварианты инерции в социально-политических и управленческих практиках современного российского общества и фактор субъектности как определяющий показатель инерционных властно-управленческих практик, направленных на развитие и возникновение нового;

– исследованы культурные инварианты инерции в адаптивных практиках повседневной жизни российского общества и обоснован их противоречивый характер с позиций снижения потенциала субъектности, упрощения социальных практик, но также появления новых алгоритмов активного конструирования социокультурной реальности;

– выявлен прогрессивный характер инерционности в социокультурных изменениях современного российского общества, детерминирующий устойчивость модернизационных тенденций и вектор социокультурных изменений по типу социокультурного развития на основе содержания социокультурного ядра.

Основные положения, выносимые на защиту, состоят в следующем.

1. Анализ существующих теоретических подходов к исследованию инерции в социальной и культурной сферах позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время концепт «социокультурная инерция» употребляется как в онтологическом смысле, отражающем объективно существующие процессы и явления, так и в эпистемологическом смысле, заключающемся в использовании данного концепта для анализа социальной и культурной реальности в конкретных науках. В диссертационном исследовании предпринята попытка концептуального схватывания совокупности феноменов, связанных с изменениями в культуре и обществе, через обращение к понятиям культурно-исторической и культурно-антропологической практики как основы возможного изменения или его отсутствия. С этой методологической позиции культура не столько «имеет значение», несет определенную ценностную установку, сколько «действует», причем вариативно, посредством изменений (социокультурной динамики) и сохранения сложившихся практик (социокультурная инерция).

2. Использование в качестве базовой неоклассической модели исследования, позволяющей рассматривать социокультурную реальность в ее многомерности, определило построение методологического конструкта, основанного на положениях и принципах неоинституциональной теории, теории модернизации, архаизации и неотрадиционализации, деятельностного и социокультурного подходов, теории энтелехии культуры, а также ряда других, сформированных в смежных отраслях социально-гуманитарного знания. Их интегральное использование в формате комплиментарности позволило определить социокультурную инерцию как механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления новациям, не соответствующим социокультурному ядру, образованному совокупностью культурно-антропологических практик и системой ценностей. Сам механизм инерции в социокультурных изменениях обеспечивается конфигурацией и характером взаимодействия культурных инвариантов и вариантов, порождаемых самой социокультурной системой под влиянием факторов внешней и внутренней среды. Степень инерционности социокультурной системы как свойства сохранять свое состояние в условиях продолжающегося воздействия определяет характер социокультурных изменений. В рамках предлагаемого методологического конструкта выделяются три типа социальной инерции и инерционности: прогрессивный, регрессивный и нейтральный.

3. В плоскости исторической реальности российского общества фактор инерционности в социокультурных изменениях наиболее явно активизируется в периоды потрясений и кризисов, когда общество не готово к инновациям (культурным вариантам) и в стремлении к самосохранению актуализирует опыт прошлого (культурные инварианты), адаптируясь к изменившейся социокультурной реальности. Этот опыт содержит в себе в качестве устойчивых ориентиров исторического выбора, сформировавших «историческую колею» турбулентного типа, характеристики-антиномии такого типа как «порядок (сильная власть) – свобода (смута, бунт, анархия)», «историческая амнезия – ностальгия», «Восток – Запад» и др., провоцируя «ответ» на культурно-цивилизационный

«вызов» в формате поступательного развития и культурной преемственности как стратегии самопознания и саморазвития, выстраиваемой на основе «культурного ядра». Такой «турбулентный» механизм социальной инерции как самосохранение и воспроизводство социокультурной системы содержит в себе, прежде всего, ресурсный потенциал для выживания, во вторую очередь потенции стратегического и долговременного развития. Его роль не ограничивается «спасательной функцией», в период стабилизации его функциональность трансформируется в алгоритм комплиментарного и эффективного взаимодействия традиционных (культурных инвариантов) и новых (культурных вариантов) форм, ценностей и форм бытия. Выполняется задача предотвращения нарушений механизма культурной преемственности как сбоя работы механизма социальной инерции в социокультурных изменениях, когда социокультурная система входит в состояние новой фазы турбулентности.

4. С указанных позиций советское общество предстает не просто как продолжение общества имперского периода российской истории в координатах преемственности ментальных характеристик в воспроизводстве социокультурных практик, но и как реализация специфического механизма социальной инерции турбулентного типа, когда он способен обеспечить социокультурной системе траекторию устойчивого развития в экстремальной ситуации за счет повышения антиэнтропийного (энергийного) потенциала системы путем активизации культурных инвариантов. Политика исторического забвения (амнезии), отторжения западного пути в цивилизационной траектории, формирования образа врага как способа социальной консолидации при сохранении державных амбиций и авторитарных устоев социально-политической реальности в целом не противоречили инерционной логике развития имперской России. Прогрессивное влияние инерционности на характер социокультурных изменений в советский период завершилось со стабилизацией социокультурной ситуации. Снизившая степень инерционности социокультурная система советского общества отреагировала ростом энтелехийного потенциала, но появившиеся новые

культурные формообразования (культурные варианты), антиномийные традиционным (инвариантам), стали источником очередного витка турбулентности, так как не состоялся общий «диалог» культур, включенных как в европейскую, так и советскую культурные ойкумены.

5. Распад советского государства вновь актуализировал механизм исторической инерции с характерными культурными инвариантами — на определенное время советское прошлое было предано анафеме, все западное стало образом прогресса и подражания, поиск «врага» остановился на самом обществе и консолидированное против этого внутреннего «врага» постсоветское общество погрузилось в череду конфликтов, войн и межнациональных столкновений. Эта инерционная стратегия стала разрушительной и травматичной для постсоветского общества, но в итоге позволила перезапустить механизм исторической инерции с опорой на традиционные ценности и позитивные практики мобилизации в условиях противостояния вызовам. Положительное восприятие этого курса населением России обеспечено отчасти постсоветской реальностью с ее продолжительным кризисом, вызвавшим ностальгические настроения по бывшему СССР. Советское общество, в свою очередь, продолжило имперскую традицию государственного строительства и управления, унаследовав многое из старых институций эпохи Российской империи.

6. Механизм инерционной зависимости настоящего от советского прошлого коррелирует с явлениями, связанными с повторяемостью форм общественной жизни и культуры. Российское общество во многих отношениях выступает прямым продолжением общества советского в контексте практики «равнения на прошлое» — от сохранения и воспроизводства культурно-исторических практик до консервации культурных норм, стереотипов, ритуалов. Инерционная сила стереотипов и норм советского прошлого накладывается на усталость российского общества от реформ и кризисов, неоправдавшихся надежд и социальной несправедливости. В этой ситуации повторяющиеся черты и свойства социокультурного устройства общества, ставшие на протяжении существования

России ее традиционными доминантами, стали источником запроса на перемены в модусе перехода к устойчивости, что сформировало зоны стабильности, послужившие точками роста социокультурных новаций. Инерционная составляющая в парадигме зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого отчетливо проявляется в социокультурных изменениях современного российского общества, имеющего для этого все необходимые ценностные и институциональные основания, но она же служит основой для неизбежного появления новаций, основанных не на заимствовании, а на гармоничном, эволюционном росте.

7. Инерция власти и управления подчиняется общей логике инерционного механизма в социокультурных изменениях, т.е. характеризуется способностью сохранять или очень медленно изменять состояние властной и управленческой систем в условиях продолжающегося воздействия прошлого социального опыта. Сложности социальной трансформации привели к тому, что российская власть, осознав свои корпоративные интересы и ценности в условиях глобального противостояния, стала эволюционировать в направлении «сильного государства», а тема культурно-цивилизационного вызова становится одной из актуальных. Инерция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты отчетливо воспроизводит прежние, советские представления о государственном строительстве и управлении – о государственном величии и державной солидарности, о значимости героизма и самопожертвования. Однако в условиях, когда политическая эффективность неизбежно должна отвечать актуальным вызовам, субъектность выходит в число определяющих показателей инерционных властно-управленческих практик, направленных на сохранение и развитие. Механизм и инварианты инерционности в социально-политической и управленческой практике проявляются в стремлении их субъектов: а) перейти от установки на сохранение существующего состояния дел к концепции развития, с опорой на предыдущие социальные практики и элементы прошлого социального и

культурного опыта; б) в целях поддержания устойчивости социокультурной системы сохранить социальный порядок.

8. Инерционность в адаптивных практиках повседневного существования связана с повседневной социокультурной средой («давление повседневности»), структурными элементами которой являются: система социальных отношений и взаимодействий в определенном пространстве деятельности; культура, традиции и обычаи; условия непосредственной жизнедеятельности. Адаптивные практики повседневного существования в современной социокультурной среде во многом базируются на инерции отчуждения в контексте социокультурных изменений, но также и на практиках выхода из собственных микромиров с принятием в качестве нормы активных практик социального участия. Кризис субъектности и культуры участия, упрощение социальных практик, зачастую в формате архаизации, в условиях противостояния есть один из возможных вариантов адаптации к кризисной социокультурной реальности российского общества. Другим фактором влияния является разворачивающийся алгоритм конструирования этой реальности через активное ее преобразование в духе любви в Родине. На данный момент дискурс государственного патриотизма являет собой важнейшую составляющую инерционного механизма в социокультурной динамике российского общества, используемый в качестве инструмента не только социально-политической стабилизации, но и развития в целом. Важным измерением инерционности в адаптивных практиках повседневности выступает социальная адаптация в пространстве праздничной культуры как составной части повседневного существования, когда власть стремится закрепить свои позиции, в том числе и во внешних формах повседневной культуры.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Научно-теоретическая значимость исследования состоит в приращении научного знания в области изучения феномена инерции в рамках разработки философской концепции социокультурной инерции, ориентированной на исследование изменений в современном российском обществе и культуре.

Теоретические позиции диссертации, в том числе связанные с разработкой когнитивной схемы исследования и понятийного инструментария, могут стать основой перспективных разработок в области дальнейших «замеров» инерционных процессов в различных сферах общественной жизни и в социокультурной системе общества в целом, расширяя горизонты осмысления трансформаций российской культуры.

Проведенное исследование, связанное с выявлением средствами философского анализа механизма инерции в динамике социокультурных изменений в современном российском обществе, может привлечь внимание к дальнейшей разработке соответствующих проблем не только научной общественности, но и практических работников, специалистов и экспертов в сфере социального развития и прогнозирования, социокультурной динамики.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты проведенного исследования, теоретические подходы и некоторые положения прикладного характера могут быть использованы для расширения диапазона консультационных возможностей политической власти и управленческих структур, для реализации образовательных программ в учебно-образовательной деятельности, при подготовке учебных пособий и разработке специальных курсов в вузах по таким дисциплинам как социальная философия, социология, культурология, а также стать основой для подготовки соответствующих спецкурсов, научно-методических и учебно-методических вузовских пособий.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный университет путей сообщения» при разработке курса «Социология» по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом.

Личный вклад автора заключается в разработке авторской концепции социокультурной инерции, под которой понимается механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления новациям, не

соответствующим социокультурному ядру, образованному совокупностью культурно-антропологических практик и системой ценностей, в выделении трех типов социокультурной инерции – прогрессивного, регрессивного и нейтрального, в выявления в социокультурной ткани российской реальности культурных инвариантов инерции в социально-политических и управленческих практиках, повседневности, актуального прошлого, в обосновании не только регрессивных стратегий инерционного механизма, но также и позитивных сценариев, основанных на субъектности и активных стратегиях участия в жизни страны.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций диссертационного исследования подтверждается обоснованной авторской концепцией социокультурной инерции, выраженной в постановке цели, задач, положений новизны и положений, выносимых на защиту; достаточной разработанностью степени изученности заявленной проблемы, обращением к адекватной объекту методологии исследования. Достоверность выводов и результатов обусловлена применением междисциплинарной, философско-культурологической методологии к исследованию феномена социокультурной инерции.

Соответствие паспорту научной специальности. Исследование соответствует Паспорту научной специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры, а именно: п. 46. «Тенденции динамики культуры»; п. 62. «Традиции и инновации в философии культуры»; п. 68 Культура и социум; п. 74. «Исследование конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры».

Апробация диссертации. Основные положения, выводы и рекомендации, изложенные в диссертации, апробированы на конференциях международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях. Результаты диссертации отражены в 32 научных публикациях, а основные результаты опубликованы в 21 статье в журнала из Перечня ВАК при Минобрнауке России.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, включающих десять параграфов, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНЕРЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая глава посвящена выявлению и обобщению концептуальных подходов и исходных понятий, имеющих теоретико-методологическое значение для осмысления проблем и принципов, связанных с описанием и анализом феномена инерции в социокультурной сфере.

Российская социокультурная трансформация происходит в сложных и противоречивых условиях, когда традиционные компоненты ценностной системы, сложившиеся типы массового сознания, доминирующие стратегии и установки социального поведения, повседневные практики играют сложную роль, с одной стороны, стабилизируя социально-политическую составляющую социокультурной системы, а с другой стороны – замедляя процессы возникновения нового. Угрозы потери преемственности и порядка, с одной стороны, и выгоды от динамичного развития – с другой выступают извечной дилеммой не только социальной и политической составляющих, но также социально-культурной. Поиск баланса дает преимущества поступательного развития на основе собственных органичных оснований, возможность реализации смысловых кодов своей культуры, тогда как заимствование чужого содержит риски утратить собственную идентичность.

Это определяет актуализацию и рост интереса к концепту и феномену инерции в условиях торможения инновационного обновления, политически ангажированного обращения к социокультурному опыту прошлого, изжившим себя идеям, доктринам и практикам, что заставляет рассмотреть предпосылки актуализации и проблематизации социокультурной инерционности в социально-гуманитарном знании, сформировать теоретико-методологический конструкт исследования, в рамках которого производится структурная операционализация

базовых понятий, уточняются методологические принципы решения поставленных задач и намечаются когнитивные контуры последующего авторского анализа.

1.1. Феномен инерции в социально-гуманитарном и философском дискурсе

Тематика инерции в самых различных аспектах ее исследования в пространстве социокультурных изменений постепенно актуализируется в научном познании и требует своего философского осмысления применительно к российским реалиям.

Постановка и актуализация проблематики инерции диктуется соображениями, связанными с особенностями проявления данного феномена в социальной и культурной реальности и насущной необходимостью его дальнейшей концептуальной проработки. Введение соответствующего концепта в проблемное поле философского дискурса вызвано соответствующими проявлениями состояния социальных и культурных процессов, когда те или иные силы и субъекты стремятся затормозить его развитие и нейтрализовать нововведения, вплоть до того, что сама система по инерции становится сдерживающим фактором креативности.

Автор методики траекторий расчетов инерционности социальных процессов, базирующейся на теории социальной турбулентности (метод моделирования «социальных вихрей»), О.В. Доброчеев исходит из того, что движение социума имеет флуктуационную природу, а не волновую. Физической моделью истории

социума у него выступает «облако» (хаотичное и одновременно колебательное), которое в России «сгущается и рассасывается» примерно в 80-летнем цикле¹.

Необходимость в тщательном теоретическом анализе феномена инерции объясняется возросшей популярностью данной тематики на уровне теоретических и эмпирических исследований.

История изучения инерции как социокультурной проблемы имеет определённую традицию и исследуется в ряде научных направлений и теоретических подходов.

Попытки понять сущность и логику дефинирования явления социокультурной инерции в социально-гуманитарном познании свидетельствует об отсутствии единой и общепризнанной его интерпретации. Существует немало подходов, привнесённых из разных научных отраслей (психология, социальная психология, социология, экономика), по-разному освещающих теоретические и практические аспекты данного концепта.

Так, экономисты подходят к анализу инерционных процессов с целью объяснить проблемы и выявить закономерности развития социально-экономических систем, связать экономический кризис с инерционным фактором, показать пути инновационного прорыва в экономической сфере через преодоление инерции экономических процессов².

¹ Доброчеев, О. В. Россия 2006 года – лидер мировой экономики. Оптимистический сценарий национальной истории / О. В. Доброчеев // Независимая газета. – 1994. – 19 авг.

² Сидина, В. Л. Влияние финансовой глобализации на инерционность экономики России / В. Л. Сидина // Финансы и кредит. – 2005. – № 35(203). – С. 25-29 ; Журавский, М. Ю. О воздействии экономического времени на инвестиционную инерцию / М. Ю. Журавский // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 292-2. – С. 322-327 ; Павлов, К. В. Инерционность социально-экономических и экологических систем: сущность и оценка / К. В. Павлов, А. С. Самохин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 19. – С. 45-53 ; Поддубный, В. В. Рынок как оптимально самоуправляемая инерционная система с запаздыванием / В. В. Поддубный, О. В. Романович // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. – 2008. – № 3(4). – С. 5-18 ; Сиднина, В. Л. Проявления инерционности в существовании российской экономической элиты / В. Л. Сиднина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2009. – Т. 9, № 1. – С. 11-15 ; Сакович, Д. А. Современный экономический кризис в контексте проблематики инерционности рынков финансового капитала / Д. А. Сакович // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3-1(15). – С. 95-99 ; Дворядкина, Е. Б. Инерционность как свойство экономического развития городов традиционно-промышленного региона / Е. Б. Дворядкина,

Связывая инерцию с политическими процессами, исследователи стремятся осмыслить их зависимость от социально-политических реалий, дать сравнительную оценку традиционным и современным способам легитимизации власти, методам управления и политической оппозиции в контексте влияния прошлого политического опыта и социокультурных детерминант феномена политической власти³.

Значимый пласт работ сформировался в пространстве связи инерционных и исторических процессов⁴. И это направление очень ценно для науки тем, что показывает не только историческую зависимость настоящего от прошлого, но и раскрывает сам механизм этой зависимости, с опорой на положения «теории исторической колеи» неoinституционального подхода⁵ и ряда других, в которых

Е. В. Голошейкин, И. В. Арагилян // *Управленец*. – 2014. – № 5(51). – С. 72-78 ; Хайруллин, В. А. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В. А. Хайруллин, С. В. Макаров, Э. Н. Ямалова // *Дискуссия*. – 2021. – № 5(108). – С. 88-104 ; Журавский, Ю. А. Формы проявления инвестиционной инерции / Ю. А. Журавский // *Передовые технологии в науке и образовании : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Кемерово, 14 июня 2023 года*. – Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью "Западно-Сибирский научный центр", 2023. – С. 36-39 ; Родионова, Л. Р. Инерционность эволюционных процессов в экономической системе / Л. Р. Родионова // *Modern Economy Success*. – 2024. – № 3. – С. 385-391.

³ Ильченко, М. С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу / М. С. Ильченко // *Социум и власть*. – 2013. – № 3(41). – С. 20-24 ; Казакова В.И. Инерция и власть: к вопросу о политических основаниях сопротивления инновациям // *Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии»*. 2013. № 1. С. 19-27 ; Пусько, В. С. Фактор социальной инерции в российских управленческих практиках: региональный аспект / В. С. Пусько, С. А. Ляшева, Г. А. Воробьев // *Социально-гуманитарные знания*. – 2019. – № 11. – С. 39-46 ; Телепень, С. В. Военное командование и инерция сознания: римские военачальники перед лицом императорской власти / С. В. Телепень // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 24-30 ; Краснов, М. А. Федерация vs Империя, или Как выпрыгнуть из «колеи» / М. А. Краснов // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2023. – № 1(152). – С. 48-71.

⁴ Деркач, В. В. Принцип историзма в исследовании современного общества / В. В. Деркач // *Вестник Башкирского университета*. – 2007. – Т. 12, № 3. – С. 142-143 ; Кондратчик, Ю. К. Преодоление исторической инерции как основа осуществления трансформации социально-экономической системы России / Ю. К. Кондратчик // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. – 2015. – № 1(79). – С. 53-59 ; Деркач, В. В. Роль принципа историзма в прогнозировании социальных процессов / В. В. Деркач // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. – 2016. – № 3(17). – С. 163-168 ; Динабург, С. Р. Современные исследования будущего: между утопией и форсайтом / С. Р. Динабург // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право*. – 2016. – № 3. – С. 86-97 ; Ильин, В. И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии / В. И. Ильин // *Мир России. Социология. Этнология*. – 2017. – Т. 26, № 4. – С. 30-50.

⁵ Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва : Фонд экономической книги "Начала", 1997. – 180 с.

историческая динамика социума определяется как детерминированная его институциональной траекторией, сложившейся на предшествующих этапах исторического и цивилизационного развития⁶.

Отдельного внимания заслуживают исследования, связывающие состояние и эффективность управления в различных сферах общественной жизни с инерционными процессами⁷. В управленческой практике и теории фактор инерционности является одним из ключевых исходя из расчета параметров управления при оценке объекта управления на пути его перехода от одного состояния к другому.

К этим исследованиям можно добавить по тематической близости работы, в которых анализируются различные, в том числе инновационные аспекты развития российских регионов с позиции негативного влияния фактора инерции, выступающего препятствием на пути эффективного функционирования институциональной систем общества и формирования субъектного потенциала у социальных акторов⁸. При этом обращается внимание на пространственную

⁶ Гнатюк, М. А. Социальная инерция в динамике социокультурных изменений российского общества: специфика научного дискурса и методологические параметры исследования / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 5. – С. 78-96.

⁷ Муравьева, М. П. Свойство инерционности в изучении проблемы управления социально-экономическими процессами рынка труда / М. П. Муравьева // Инженерный вестник Дона. – 2013. – № 3(26). – С. 128 ; Узунов, В. В. Социальный опыт советского прошлого в управленческих практиках в регионах Юга России в контексте российской модернизации / В. В. Узунов, Ю. С. Панфилова, В. П. Хоценко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 4. – С. 191-194 ; Захаров, В. К. Историческая инерционность самосознания и самоустроения общества / В. К. Захаров // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник, Москва, 12–13 сентября 2018 года / Ответственный редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 1, Часть 2. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 615-617 ; Верещагина, А. В. Трансформация семейной культуры молодежи в условиях инерционной траектории социокультурной динамики российского общества / А. В. Верещагина // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. редактор В.А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 3367-3374.

⁸ Напалкова, И. Г. Пространственная инерционность России и проблемы перехода к инновационному типу развития / И. Г. Напалкова, А. С. Солдатова // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2011. – № 3. – С. 20-26 ; Розин, М. Д. Современный Северный Кавказ - между системным кризисом и инерционным развитием / М. Д. Розин, С. Я. Суций // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 2(20). – С. 585-594 ; Узунов, В. В. Институциональная инерция в инновационном развитии российских регионов: теоретический дискурс / В. В. Узунов // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 56-66 ; Vereshchagina, A. Social Inertia as a Destructive Factor in the Development of the Innovative Economic System in the Russian Federation / A. Vereshchagina, M. Gnatyuk, I.V. Pechkurov, S. Kulikov, N. Osipova // *Journal of Applied Economic Sciences*. – 2018. – Vol. 13. – №5(59). – P. 1406 – 1421.

характеристику регионов России и необходимость учета в изучении инновационных процессов этого явления пространственной инерционности. Пространственные факторы рассматриваются как определяющие «предел возможностей» инновационного развития российского государства⁹.

Не столь развито направление, в котором социальная инерция и инерционность включены в контекст исследования отдельных явлений и процессов, но, тем не менее, такие работы имеются. В частности, представляет интерес обращение О.Ю. Посуховой к проблеме профессиональных династий с точки зрения осмысления характера и степени влияния инерционного фактора¹⁰, а также выстроенную в работах других исследователей взаимосвязь между институциональной инерцией и состоянием российской системы образования, а также реформированием системы защиты детства в России¹¹. Ученые проследили также взаимосвязь социального настроения с фактором инерции¹², а также адаптивными практиками жителей страны¹³.

Каждое из направлений характеризуется своими достижениями в концептуализации социальной инерции, в ее интерпретации, но работ, непосредственно посвященных глубокой разработке понятия социальной инерции, практически, нет, а потому обращает на себя внимание статья Н.А. Матвеевой, в которой ею дается авторское определение этого понятия как «свойства социальной

⁹ Гнатюк, М. А. Социальная инерция и социокультурные изменения в российском обществе в фокусе социально-философской теоретической рефлексии / М. А. Гнатюк – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. – 48 с.

¹⁰ Посухова, О. Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? / О. Ю. Посухова // Власть. – 2013. – № 12. – С. 100-103.

¹¹ Вольчик, В. В. Институциональная инерция и развитие российской системы образования / В. В. Вольчик, М. М. Скорев // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1, № 4. – С. 55-63 ; Костенко, М. А. Эффекты институциональной инерции в реформировании российской системы защиты детства / М. А. Костенко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2014. – Т. 20, № 3. – С. 165-168.

¹² Балацкий, Е. В. Эффект инерции в формировании социальных настроений / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2007. – № 3(83). – С. 85-94.

¹³ Гудков, Л. В. Инерция пассивной адаптации / Л. В. Гудков // Pro et Contra. – 2011. – Т. 15, № 1-2(51) – С. 20-42 ; Vereshchagina, A. Sociocultural Parameters of Demonstrative Consumption in Russian Society: The Effect of Social Inertia. / A. Vereshchagina, M. A. Gnatyuk, I. V. Pechkurov [et al.] // Revista San Gregorio. – 2019. – No. 36. – P. 261-276.

системы развиваться независимо от прямых внешних воздействий среды, сохраняя свою целостность за счет воспроизводства функций, структуры, потенциала и форм взаимодействия социальных субъектов как элементов данной системы¹⁴». Так, Н. А. Матвеева также указывает на тот факт, что сама природа инерции как свойства социальной системы в контексте ее динамики определяет значимость социально-философской интерпретации понятия инерции¹⁵. Мы бы к этому добавили, что философская природа данного явления ставит со всей необходимостью вопрос о разработке философской концепции социокультурной инерции, и для этого сложились определенные условия в виде методологических разработок в различных дисциплинарных практиках и научно-исследовательских парадигмах.

Основные подходы к концептуализации феномена социокультурной инерции связаны с такими направлениями как теория социокультурной динамики и социокультурного раскола; теория модернизации; теория зависимости от предшествующего пути развития, теория исторической колеи, теория социокультурной травмы и др.¹⁶.

Известный отечественный философ А.С. Ахиезер рассматривал социальную инерцию (и инерцию истории) в рамках своей теории социокультурной динамики и социокультурного раскола. По А.С. Ахиезеру, в глубинах социума всегда есть место самоизменению, самокритике, что является необходимым и неизбежным элементом самого исторического процесса. Историческая инерция, сохранение привычных ценностей, структур и институтов, передача опыта из прошлого в будущее всегда дополняется постоянным их преодолением. Согласно А.С. Ахиезеру, в основе содержания инерции истории лежит система

¹⁴ Матвеева, Н. А. Социальная инерция : к определению понятия / Н. А. Матвеева // Социологические исследования. – 2004. – № 4(240). – С. 15-23.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Гнатюк, М. А. Феномен социальной инерции как предмет социально-философского изучения / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 118-125.

ценностей¹⁷. Для него инерция истории – это некая противоположность социальному изменению, консервативная сторона человеческой истории, давление прошлого на настоящее и будущее. Концентрируясь в культуре, инерция истории прочно привязывает людей к прошлому.

В своем развернутом предисловии ко второму изданию книги А.С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» известный культуролог и философ С.Я. Матвеева пишет о том, что данный труд называют критикой исторического опыта, но его можно было бы также назвать «критикой исторической инерции». Именно в отставании рефлексии, самосознания, способности к самоизменению общества, отхода от сложностей подлежащих решению проблем видит автор главную трагедию России.

В сущности, низкие способности к самопознанию и самоизменению способствуют утверждению в массовых масштабах утопических – мифологических и псевдо-мифологических – представлений о социальной реальности и траекториях эволюции общества, что привело к разрушительным последствиям, дезорганизации общественного бытия во всех его проявлениях.

По А.С. Ахиезеру, инерция истории может быть преодолена только постоянной и широкомасштабной критикой исторического опыта. Он полагает, что инерционность и ныне является угрозой для общественного развития России. В своем научном труде А.С. Ахиезер предупреждает об опасностях примитивизации, архаизации, катастрофического упрощения культуры и общественных структур, которые подстерегают его на путях следования исторической инерции¹⁸. Таким образом, А.С. Ахиезер рассматривает социокультурную инерцию и инерцию истории в рамках теории социокультурной динамики и социокультурного раскола. Этот подход был актуализирован целым рядом отечественных исследователей.

¹⁷ Ахиезер, А. С. Возможность прогноза социокультурной динамики России / А. С. Ахиезер // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития : Материалы Международного симпозиума, Москва, 17–19 декабря 1993 года. – Москва: Интерпракс, 1994. – С. 287-293.

¹⁸ Ахиезер, А. С. Россия. Критика исторического опыта : социокультурная динамика России / А. С. Ахиезер ; Российская Акад. Наук, Ин-т философии РАН. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Новый хронограф, 2008. – 934 с.

В свою очередь, теория модернизации позволяет понимать модернизацию как перевод функционирования общества с инерционной траектории на траекторию национального развития¹⁹. Изучение характера и направленности тенденций движения современного общества является одной из важнейших проблем социального познания. В рамках научного осмысления сложились модели как однолинейной эволюции, так и параллельного циклического развития социума. Модернизация как самоосознающая интеллектуальная парадигма является продуктом недавнего прошлого и представляет собой отход от тех путей осознания мира, которые доминировали в последние два столетия. В последние десятилетия модернизация в качестве теоретической парадигмы заняла место концепции развития в общественном сознании. Дискурс модернизации утверждает разрыв с более ранним этапом развития²⁰.

Модернизация как социокультурный процесс – это область социальной и культурной реальности, а модернизационная парадигма есть совокупность рассуждений и доводов о модернизации, то есть о конкретной социальной, политической, экономической, культурной ситуации индустриальной эпохи. Однако человечество вступило в эпоху постиндустриализма и глобализации, в информационную эру, поэтому речь следует вести именно о модернизационном дискурсе как конкретном способе рассуждений. Поскольку модернизация в России – это процесс противоречивый, то налицо и противоречивость модернизационного дискурса.

В отечественной научной литературе уже было обращено внимание на то, что теория модернизации есть не столько теория развития, сколько теория социальных изменений, кардинальной модификации «стилевых» характеристик модернизируемого социума как воплощения определенной социальной реальности.

¹⁹ Магарил, С. А. Модернизация и стратегические риски путинского режима / С. А. Магарил // Ежедневный журнал. – 2010. 24 мая.

²⁰ Шевелев, В. Н. Россия: от модернизации к трансформации / В. Н. Шевелев – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. – 307 с.

Философ В.Н. Шевелев²¹ пишет, что главным критерием модернизации выступает ответ на вопрос: «совершенствуется ли человеческая природа»?». Соответственно, он предлагает модель российской модернизации как не реализуемой в полной мере, «спорадически возобновляемой интенции властных элит ввести общество «социальной молодости», отягощенное мощью традиционализма, в «упорядоченный мир»²².

Теория зависимости от предшествующего пути развития также входит в число теоретических подходов при анализе феномена социокультурной инерции. Ряд философов, историков, политологов, говоря о влиянии исторического пути государства и общества на потенциал модернизации, предпочитают говорить о наличии «исторической колеи», когда историческая необходимость рассматривается как широкая колея, в русле которой люди сами прокладывают маршруты собственной истории. А.Аузан предлагает при переводе «path dependence» использовать термин «колея»²³. Историческая колея как разновидность траектории развития народа, с точки зрения В.И. Ильина, описывает как использованные, так и упущенные возможности с акцентом на зависимости настоящего от прошлого, возникающей на пересечении разных исторических эпох. В этой связи он утверждает, что материалом исторической колеи являются освоенные ресурсы, символизирующие использованные возможности, в то время как неиспользованные ресурсы становятся упущенными шансами и, по сути, трансформируются в колею упущенных возможностей²⁴.

Теория исторической колеи, как было уже сказано, самым непосредственным образом связана с концепцией «пат-зависимости» («path dependence»), т.е. зависимости настоящего от прошлого. Эта концепция, по мнению В.И. Казаковой, позволяет выявить характерные для различных культур и обществ специфические

²¹ Шевелев, В. Н. Россия: от модернизации к трансформации / В. Н. Шевелев – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. – 307 с.

²² Там же.

²³ Аузан, А. А. "Колея" российской модернизации / А. А. Аузан // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 54-60.

²⁴ Ильин, В. И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии / В. И. Ильин // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – Т. 26, № 4. – С. 30-50.

черты противостояния времени²⁵. Прошлое, согласно данной концепции, словно в «тисках истории» держит настоящее, ограничивая свободу выбора, не давая развиваться в русле внедряемых инноваций, и потому, видимо, в российской гуманитарной мысли термин «path dependence» стал ассоциироваться с постсоветским периодом и такими понятиями как «догоняющая» и «запаздывающая» модернизация²⁶. Сам же неинституционализм как направление, вобравшее в себя эту концепцию «path dependence», получил широкое распространение в русле изучения институциональных изменений²⁷, с акцентом на определяющей роли сложившихся практик и установлений, жестко детерминирующих возможности и перспективы выбора в настоящем институциональными нормами прошлого. Этот механизм воздействия прошлого на настоящее получил название «институциональная инерция».

Другой критерий условной типологии ракурсов исследования социокультурной инерции связан с дисциплинарно-отраслевыми подходами, на которых мы уже останавливались в рамках анализа сложившихся направлений в изучении данного явления. Теперь же рассмотрим их несколько подробнее.

Социологический подход. Социологи обращают внимание на инерционность социальных процессов и социальных взаимодействий. Для Т.И. Заславской «механизмы социальных процессов... отличаются высокой инерционностью»²⁸. И.А. Гуськов исходит из того, что социальная зависимость в российском обществе связана, в том числе, с социальной инерционностью «советского прошлого»²⁹. Для А.В. Дятлова догоняющая модернизация в качестве институционального переноса

²⁵ Казакова, В. И. Концептуализация "path dependence" в современной социальной науке / В. И. Казакова // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 3. – С. 6-16.

²⁶ Там же.

²⁷ Сусименко, Е. В. Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений / Е. В. Сусименко. – Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2008. – 256 с.

²⁸ Заславская, Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т. И. Заславская // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 2-16.

²⁹ Гуськов, И. А. Социальная зависимость в российском обществе (сущность, специфика, формы проявления) : специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы" : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Гуськов Игорь Александрович. – Ростов-на-Дону, 2008. – 308 с.

западных экономических и социальных образцов дает эффект демодернизации, возвращения к сословности, к структурам взаимопомощи и клиенталистского образа жизни масс, а инерционный сценарий копирует иерархию, централизацию и «стабильность» мобилизационных обществ, создавая иной вектор развития, включающий «скольжения вниз»³⁰.

Исследуя социум, Н.А. Матвеева исходит из априорного тезиса, исходя из которого инерция предстаёт в виде одного из механизмов, действующих в процессе взаимодействия в диаде «социальный субъект – социальное окружение»³¹. В свою очередь, Д.Е. Фурман, характеризуя крайне противоречивую ситуацию в современной России, пишет: «система погружается в период чисто инерционного существования, аналогичный периоду «застоя»³².

До сих пор понятие социальной инерции, как правило, несло в себе достаточно отчетливые негативные обертоны, фактически отождествляясь со стагнацией. Однако, как считает Н.А. Матвеева, инерция по смыслу ближе к таким понятиям как «воспроизводство» и «традиция». Инерция выступает как показатель целостности, устойчивости социальной системы, а значит – условие движения, развития³³.

В политической науке сложилась своя традиция исследования социокультурной инерции, свое отношение к ней. Так, этнополитолог и политический философ Э.А. Паин не разделяет ни идей о «незыблемом и извечном пути» России, ни положений о радикальном отрицании исторически обусловленных особенностей, которые принято называть «исторической колеей»³⁴.

³⁰ Дятлов, А. В. Социальные ресурсы развития российского общества : специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы" : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Дятлов Александр Викторович. – Ростов-на-Дону, 2005. – 268 с.

³¹ Матвеева, Н. А. Социальная инерция : к определению понятия / Н. А. Матвеева // Социологические исследования. – 2004. – № 4(240). – С. 15-23.

³² Фурман, Д. Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем / Д. Е. Фурман ; Дмитрий Фурман. – Москва : Весь Мир, 2010. – 165 с.

³³ Матвеева, Н. А. Социальная инерция : к определению понятия / Н. А. Матвеева // Социологические исследования. – 2004. – № 4(240). – С. 15.

³⁴ Паин, Э. А. Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России / Э. А. Паин. - Москва : РОССПЭН, 2009. - 269 с.

Куда точнее в этом смысле, по его мнению, понятие «инерция», так как в социокультурной природе общества невозможно создать идеальную гармоничную среду, не отягощённую воздействием импульсов извне и трений внутри, а значимую роль в специфике инерции играют механизмы социальной регуляции, и в частности традиционная культура, задающая единую систему координат жизнедеятельности через этические критерии поведения. Об этом же он пишет в своей последней работе «Распутица: Полемические размышления о предопределённости пути России», подчеркивая, что концепция «исторической колеи», пусть и в мягкой форме, создает образ некой предопределённости сложившегося направления развития.

Об этом, по сути, пишет и М.С. Ильченко, не соглашающийся с трактовкой прошлого как тяжелого наследия, что, с его точки зрения, следует из самой теории «path dependence»³⁵. В такой трактовке прошлое довлеет над развитием политической системы, а зависимость от предшествующего пути, от «исторической колеи» становится, по его мнению, зависимостью от самого хода исторического процесса во всей его масштабности, что не позволяет, если использовать принцип «история имеет значение», прийти к выводам неописательного характера. Только тогда, с его точки зрения, имеет смысл говорить об инерции, когда сама траектория развития общества в настоящем определяется устойчивым воздействием механизмов воспроизводства, в которых обнаруживается зависимость от прошлого, четко фиксируются его эффекты. Перенос же инерции как эффекта зависимости от предшествующего исторического пути в пространство более широкого исторического контекста на сам процесс формирования цепочки исторических событий и их столкновения, зачастую фиксируемый в современных исследованиях, с точки зрения этого ученого, неправилен. При этом им не отрицается сдерживающая роль инерции в становлении новых политических ценностей и институтов, «однако, во-первых, это

³⁵ Ильченко, М. С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу / М. С. Ильченко // Социум и власть. – 2013. – № 3(41). – С. 20-24.

не отменяет необходимости анализировать такие механизмы в их изменении, с выявлением особенности режимов их функционирования в различных институциональных условиях. А во-вторых, фактор «торможения» не исключает способности инерционных механизмов производить определённый стабилизирующий эффект на систему политических институтов. И та и другая характеристика являются принципиально важными при анализе трансформации российского политического порядка...»³⁶.

Отход от жесткой критики и негативной оценки социальной инерции характерен также и для экономической науки, при всем том, что в его рамках при анализе российской экономической действительности акцентируется внимание на выявлении наследия административно-командной системы в экономике страны³⁷.

В рамках же теоретических оснований исследования социокультурной инерции и инерционности как свойства экономической системы подчеркивается ее противоречивый характер, проявляющийся в том, что, с одной стороны, она тормозит становление новых элементов и характеристик в развитии экономической системы, а с другой – способствует ее устойчивости в формате сохранения сложившихся форм хозяйствования. Сила инерционности, ее интенсивность и характер проявления зависят от факторов, связанных с самой экономической системой и ее средой, детерминированной национальными и историческими особенностями, спецификой социальных процессов, действием других акторов (государств, международных сообществ)³⁸.

С инерционностью, как полагают К.В. Павлов и А.С. Самохин, не стоит связывать только факторы, тормозящие внедрение реформ и нововведений, так как может быть и иначе, и нередко случаи противоположного – прогрессивного

³⁶ Ильченко, М. С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу / М. С. Ильченко // Социум и власть. – 2013. – № 3(41). – С. 20-24.

³⁷ Ермакова, М. Л. Инновационность и инерционность в развитии трудовых отношений на микроуровне : специальность 08.00.05 "Экономика и управление народным" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ермакова Марина Львовна. – Саратов, 2009. – 29 с.

³⁸ Сидина, В. Л. Влияние финансовой глобализации на инерционность экономики России / В. Л. Сидина // Финансы и кредит. – 2005. – № 35(203). – С. 25-29.

влияния инерции на экономическое развитие. Этими исследователями выделяется три уровня воздействия инерционности на развитие социально-экономической системы – позитивный, негативный и нейтральный, что предопределило и выделение соответствующих типов инерционности³⁹. О том, что в экономике инерционность как свойство социально-экономических систем выступает величиной неоднозначной и интерпретируется в категориях высокой и низкой инерционности, пишут также и другие исследователи⁴⁰.

Конечно же, социокультурная инерция как явление широко включена в контекст исторических и философских исследований, в которых не только современное, но и будущее осмысливается сквозь призму принципа историзма и его связи с инерционными механизмами. В частности В.В. Деркач⁴¹ указывает на значимость принципа историзма в прогнозировании социальных процессов. При этом объективность данных прогнозов во многом обусловлена учётом социокультурной инерции. Сама социокультурной инерция рассматривается им как механизм формирования будущего через взаимосвязь прошлого с настоящим в координатах устойчивого соотношения традиционного и инновационного, и в этом ему видится основная сущность историзма как отражающего инерциальность социокультурной динамики в траектории взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего⁴².

В исторических, культурологических исследованиях подчеркивается роль инерции в формировании и динамике самосознания народа. Так, А.В. Атоян обращает внимание на фактор инерции в культурном самосознании, подчеркивая

³⁹ Павлов, К. В. Инерционность социально-экономических и экологических систем: сущность и оценка / К. В. Павлов, А. С. Самохин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 19. – С. 45-53.

⁴⁰ Муравьева, М. П. Свойство инерционности в изучении проблемы управления социально-экономическими процессами рынка труда / М. П. Муравьева // Инженерный вестник Дона. – 2013. – № 3(26). – С. 128.

⁴¹ Деркач, В. В. Роль принципа историзма в прогнозировании социальных процессов / В. В. Деркач // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2016. – № 3(17). – С. 163-168.

⁴² Деркач, В. В. Принцип историзма в исследовании современного общества / В. В. Деркач // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12, № 3. – С. 142-143.

при этом, что влияние инерционных факторов культурного самосознания на движение разнообразных форм культуры часто скрыто анализом традиций и инноваций, что не позволяет обособить культурную инерцию как самостоятельную сферу исследования. Преимущество философско-антропологического рассмотрения инерции в культуре заключается в отсутствии безусловного центра и пролонгации линий культурного развития за пределы какого-либо конкретного обозначения личности. На основе же исторической инерционности самосознания, согласно В.К. Захарову, воспроизводится определенный тип бытия на том или ином этапе общественного развития⁴³.

Упорное сопротивление изменениям специалисты в области синергетики С.П. Курдюмов и Е.Н. Князева называют «феноменом инерции парадигмального сознания». Они отмечают, что феномен инерции имеет место во всех областях и сферах культуры и что разумный иммунитет парадигмального знания играет здесь позитивную роль, так как служит защитой системы от хаоса, но высокий порог защиты может привести ее к стагнации⁴⁴.

Существенный интерес в этой связи представляет рассмотрение В.В. Вольчиком и М.М. Скоревым современных проблем российской системы образования сквозь призму институциональной инерции и зависимости от предшествующего пути развития. Авторы подчеркивают, что реформы российского образования являются перманентным процессом, реакцией на который становится усиливающаяся инертность институциональной структуры. Институциональная инерция, выполняя защитную функцию, также является негативным фактором, замедляющим модернизацию образования⁴⁵.

⁴³ Захаров, В. К. Историческая инерционность самосознания и самоустройства общества / В. К. Захаров // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник, Москва, 12–13 сентября 2018 года / Ответственный редактор В.И. Герасимов. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 615-617.

⁴⁴ Князева, Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – Санкт-Петербург : Издательство Алетей, 2002. – 414 с.

⁴⁵ Вольчик, В. В. Институциональная инерция и развитие российской системы образования / В. В. Вольчик, М. М. Скорев // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1, № 4. – С. 55-63.

Ряд исследователей связывают социальную инерционность с социальной преемственностью и социальным опытом.

Так, Г.И. Исхакова обращает внимание на то, что социальная преемственность – это воспроизведение в смене кратко живущих поколений определенных характеристик, навыков, умений, ориентиров, установок, ролей, ролевых наборов, институтов, то есть всего того, что составляет социальный опыт. В социальной преемственности выделяются две составляющие: а) константная составляющая, которая обеспечивает стабильность основных форм общественной жизни и выступает в виде традиции. б) изменяющаяся, преобразующая составляющая (творческая деятельность), что обеспечивает трансформацию унаследованных обстоятельств.

Диалектика социального процесса состоит в постоянном переходе от прошлого к настоящему и будущему. Накопленному опыту противостоит повседневная практика, требующая постоянной расшифровки прежнего опыта, его приспособления, отбора, интерпретации и обогащения. В этом поле между прошлым и настоящим могут присутствовать и привязанность к привычным ритуалам, постоянно возрождающим прошлое, и погружение в повседневность с ее практическими заботами⁴⁶.

Итак, многообразие теорий и теоретических подходов привело к тому, что в настоящее время термин «социокультурная инерция» употребляется как в онтологическом смысле, отражающем объективно существующие процессы и явления, так и в эпистемологическом смысле, заключающемся в использовании данного понятия для анализа социокультурной реальности в конкретных науках.

Постановка и актуализация в философском познании проблематики социокультурной инерции диктуется соображениями, связанными с особенностями проявления данного феномена в культурно-антропологической и социальной реальности и насущной необходимостью его дальнейшей

⁴⁶ Исхакова, Г. И. Социальная преемственность (Философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Исхакова Гузель Ильдусовна. – Уфа, 2002. – 162 с.

концептуальной проработки. Введение соответствующего концепта в проблемное поле философского познания вызвано соответствующими проявлениями состояния процесса культурогенеза, когда те или иные общественные силы и конкретные субъекты стремятся затормозить его развитие и нейтрализовать нововведения⁴⁷.

Необходимость в тщательном теоретическом анализе феномена социокультурной инерции объясняется возросшей популярностью проблематики на уровне теоретических и эмпирических исследований. Как проблема социокультурная инерция (инерционность) имеет свою историю исследования в направлениях и подходах в гуманитарно-ориентированных науках. Философско-антропологический анализ актуализации и проявления социокультурной инерционности базируется на определенных теоретических подходах как способах философской концептуализации антропологической и культурной реальности⁴⁸.

Опыт понимания сущности и дефинирования явления социокультурной инерции в социально-гуманитарном и философском познании свидетельствует об отсутствии единой и общепризнанной его интерпретации. Существует немало подходов, привнесенных из разных научных отраслей (психология, социальная психология, социология, экономика, история), по-разному освещающих теоретические аспекты данного концепта.

В то же время включенность инерционных процессов в механизм социокультурной динамики ставит жестко вопрос о необходимости разработки методологического пространства исследования данного явления, обеспечивающего интегральный характер использования имеющегося дисциплинарного опыта в изучении социокультурной инерции. Такое методологическое пространство возможно сконструировать в границах философской рефлексии социокультурной инерции, чему и будет посвящен следующий параграф данной работы.

⁴⁷ Гнатюк, М. А. Социальная инерция в контексте диалектики общественного развития: исследование российского общества / М. А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 8. – С. 49-52.

⁴⁸ Гнатюк, М. А. Изучение проблематики социальной инерции в социально-гуманитарном знании / М. А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 7. – С. 58-63.

1.2. Инерция в социокультурной динамике: методологические конструкты

Прежде всего разработка методологического пространства данного исследования ориентирована на обеспечение интегрального характера использования имеющегося дисциплинарного опыта в изучении социокультурной инерции как включенного в механизм социокультурных изменений в российском обществе. Такое методологическое пространство возможно в границах философской рефлексии, а его основой выступает неоклассическая модель научного исследования как наиболее соответствующая все более усложняющейся, динамичной социокультурной реальности с высокими рисками социальной неопределенности и непрогнозируемости культурных процессов. В такой ситуации целостный подход к исследованию социокультурной явлений и процессов крайне важен и целесообразен.

Социокультурная динамика как целостный процесс, включающий в себя все многообразие проявлений и направлений изменений в социальной и культурной сферах общества, не может быть всесторонне описана в рамках дисциплинарной специализации. Использование в качестве базовой неоклассическую модель исследования, позволяющую рассматривать социокультурную реальность в ее многомерности и дисциплинарной неограниченности познания⁴⁹, определило построение многомерного методологического конструкта данного исследования с позиций имеющихся в пространстве различных дисциплинарных практик представлений и идей о социокультурной инерции.

Методологический каркас исследования составляют идейные положения и принципы неоинституциональной теории, теории модернизации, архаизации и

⁴⁹ Лубский, А. В. Методология социального исследования / А. В. Лубский. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2017. – 154 с.

неотрадиционализации, социокультурного подхода, а также ряда других, сформированных в смежных отраслях социально-гуманитарного и философского знания. Их интегральное использование в формате комплиментарности обеспечивается непротиворечивой конструкцией базовых понятий, таких как социальная инерция, инерционность, инварианты и варианты, механизм социокультурной инерции, социокультурные изменения и др.

Анализ и обобщение накопленного теоретического потенциала в области изучения социокультурной инерции, преломленные через призму авторского замысла, позволяют рассматривать ее как феномен, включенный в механизм социокультурных изменений, как обладающий свойством сохранять в рамках социокультурной системы ее собственные (уникальные) характеристики, препятствуя формированию новых под влиянием эндогенных и экзогенных факторов и закрепляя, тем самым, траекторию устойчивого развития в формате актуализированного опыта прошлого.

В этой своей функциональной предзаданности социокультурная инерция может рассматриваться как механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления инновациям, не соответствующим социокультурному ядру с его системой ценностей и форм жизнедеятельности.

Здесь мы основываемся на идеях В.В. Деркача, который обоснованно доказывает тезис о том, что «инерция предполагает устойчивость социальной системы, потенцию развития» и по своему смыслу приближается к понятию «воспроизводство»⁵⁰, отражая присущее всем социокультурным системам свойство развиваться независимо от внешних воздействий среды в соответствии с собственным потенциалом, накопленным в прошлом, что перекликается с теорией социокультурных флуктуаций П.А. Сорокина в контексте описания имманентной теории социокультурных изменений⁵¹.

⁵⁰ Деркач, В. В. Принцип историзма в исследовании современного общества / В. В. Деркач // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12, № 3. – С. 142-143.

⁵¹ Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – Москва : Издательство "Астрель", 2006. – 1176 с.

Нам также близка и методологически важна идея В.В. Деркача о социокультурной инерции как имеющей универсальный характер для описания различных формы культурных изменений, так как «инерционность – свойство общества, выражающее его качество и динамику развития»⁵².

Таким образом, можно резюмировать, что степень инерционности социокультурной системы как свойства сохранять или очень медленно изменять свое состояние в условиях продолжающегося воздействия прошлого опыта определяет характер социокультурных изменений и их вектор в координатах «устойчивости-неустойчивости», «прогрессивности-регрессивности», «архаизации-модернизации» в зависимости от того, какой характер примет сама социальная инерция – прогрессивный, регрессивный или нейтральный.

Сам механизм социокультурной инерции в социокультурных изменениях обеспечивается конфигурацией и характером взаимодействия инвариантов и вариантов, порождаемых самой социокультурной системой, имманентно обладающей свойством инерционности. Их конфигурация и уровень комплиментарности обеспечивают степень интенсивности, тип социокультурной инерции и характер ее влияния на социокультурные процессы.

В рамках предлагаемого методологического конструкта выделяются три типа социокультурной инерции, в зависимости от характера ее влияния на социокультурные изменения: прогрессивный, регрессивный и нейтральный. Данная типология апробирована в практике научных исследований⁵³, что стало основанием для ее использования в данной работе, но в контексте авторского замысла и ракурса исследования. Мы предполагаем, что соответствующий тип социокультурной инерции детерминирует уровень и качество модернизации как мерила социокультурных изменений и социокультурного развития. Здесь мы солидаризируемся с мнением Н.И. Лапина: «Параметры, характеризующие

⁵² Деркач, В. В. Принцип историзма в исследовании современного общества / В. В. Деркач // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12, № 3. – С.136.

⁵³ Павлов, К. В. Инерционность социально-экономических и экологических систем: сущность и оценка / К. В. Павлов, А. С. Самохин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 19. – С. 45-53.

социокультурное развитие, – суть человеческие измерения модернизации, а процесс качественного повышения их уровня и сбалансированности есть социокультурная модернизация»⁵⁴.

Итак, тип инерционности как свойства социокультурной системы, согласно нашей концепции, детерминирует характер модернизационных процессов, которые могут принять прогрессивный, регрессивный или нейтральный формат. В первом случае речь идет об эффективной модернизации, во втором – о регрессивной (по сути, о демодернизации), а в третьем – о стагнации, когда реализуемые инновации, реформы никак не влияют на динамику общественного развития и состояние социокультурной системы⁵⁵.

Определение результата модернизации через характер влияющей на нее социокультурной инерции позволит определить вектор социокультурных изменений, реализуемых в современном российском обществе в пространстве выбора из трех возможных (в рамках нашей концептуальной схемы) вариантов:

- 1) социокультурное развитие (ему соответствует эффективный характер модернизации);
- 2) социокультурная деградация (регрессивная модернизация (демодернизация));
- 3) социокультурная стагнация («нейтральная» модернизация).

Данная типология типов социокультурного развития основывается на типологии П. Сорокина и его теории социокультурной динамики⁵⁶. В ней содержится еще один тип – деструкция, которая является результатом длительных деградиационных процессов, сопровождающихся архаизацией и примитивизацией массового сознания и социокультурных практик, а потому не включена в нашу

⁵⁴ Лапин, Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9(329). – С. 3-18.

⁵⁵ Гнатюк, М. А. Теоретико-методологический конструкт изучения социальной инерции в динамике российских социокультурных изменений / М. А. Гнатюк // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 3. – С. 21-26.

⁵⁶ Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – Москва : Издательство "Астрель", 2006. – 1176 с.

конструкцию, которая условно, с целью визуализации исследовательских ориентиров, может быть представлена в виде схемы (Рисунок 1)⁵⁷.

Рисунок 1. Методологическая схема исследования социокультурной инерции в социокультурных изменениях российского общества

Понятие «социокультурные изменения», как известно, было введено в научный оборот П.А. Сорокиным, который не разделял в контексте своей теории социокультурной динамики социальное и культурное, считая подобное разделение

⁵⁷ Гнатюк, М. А. Социальная инерция в динамике социокультурных изменений российского общества: специфика научного дискурса и методологические параметры исследования / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 5. – С. 78-96.

довольно условным, поскольку сами социальные изменения на уровне функционирования, изменения и развития общества своим источником имеют межгрупповое и внутригрупповое взаимодействие, в процессе которого создается и трансформируется культура, т.е. она существует и изменяется только под влиянием действий социальных групп, включенных в культурное пространство, принадлежащих к тому или иному типу культуры. Социокультурные изменения, согласно типологии П.А. Сорокина, могут носить духовный и материальный характер в соответствии с их (социокультурными изменениями) системными элементами, дифференцирующимися по принципу нематериальных норм, ценностей, ориентаций, стандартов, присутствующих в сознании социальной группы, индивида, социума, а также по материализованным ценностям общественной жизни в совокупности взаимодействующих в социальном пространстве и времени групп и индивидов⁵⁸.

Иными словами, именно ценности в социокультурной теории П.А. Сорокина выступают внутренним источником социокультурных изменений, которые подвержены также влиянию внешних факторов, по-разному влияющих на эти изменения – «облегчая или затрудняя внутреннее развитие»⁵⁹. Тем не менее, акцент в социокультурной теории П.А. Сорокина делается на внутренних основаниях изменения социокультурной системы, в отличие от экстерналистского подхода, гласящего о влиянии прежде всего факторов, находящихся за пределами самой социокультурной системы. В рамках развиваемой П.А. Сорокиным теории имманентного социокультурного изменения социокультурная система изменяется даже тогда, когда все условия ее внешней среды остаются неизменными, т.е. даже в условиях неизменности внешних условий существования социокультурная

⁵⁸ Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.

⁵⁹ Лапшин, В. А. Проблема источников социокультурных изменений в социальных теориях XVIII–XXI веков / В. А. Лапшин // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 259-264.

система обречена на изменения в силу особенностей своего собственного бытия и логики функционирования⁶⁰.

Методологический потенциал социокультурного подхода П.А. Сорокина заключается также в разработанной им теории социокультурных флуктуаций, в рамках которой им выделяются такие типы флуктуаций, в зависимости от вектора их направленности, как: линейные и нелинейные, циклические и вариантно повторяющиеся⁶¹. Причем последний из них он считал наиболее адекватным для анализа социокультурных изменений в условиях современного, динамично меняющегося и разнообразного мира.

Суть этого тип флуктуаций – вариантно повторяющегося – заключается в тезисе о том, что исторические и социальные процессы в динамике своих изменений, несмотря на постоянно возникающие новые вариации этих изменений, обнаруживают черты старых тем, т.е. того, что уже было в историческом бытии народа, в социокультурной истории общества. И эта мысль напрямую пересекается с предметным полем нашего исследования – с социокультурной инерцией, которая является источником социокультурных изменений, в своей основе базируясь на механизме воспроизводства форм общественной жизни и деятельности, культурных практик, включенных в исторический опыт социальных групп и сообществ. Варианты инерционной траектории развития социокультурной системы достаточно сложно предсказуемы, поскольку, включая в себя предшествующий исторический опыт, они в своем новом формообразовании могут значительно отличаться от них и иначе воздействовать на ход социокультурных изменений. Именно об этом пишет П.А. Сорокин, обосновывая сложно предсказуемый характер флуктуаций вариантно повторяющегося типа.

Таким образом, социокультурные изменения могут иметь различный вектор, связанный с позитивными явлениями, прогрессивным характером развития общества, и негативный – как выражение регрессивных факторов в

⁶⁰ Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – Москва : Издательство "Астрель", 2006. – 1176 с.

⁶¹ Там же.

социокультурной динамике общества, утратившего положительные (прогрессивные) результаты, достигнутые им ранее. Следовательно, анализ социокультурных изменений в контексте влияния инерционного фактора правомерно проводить с позиций выделения прогрессивного или регрессивного вариантов социокультурной динамики, а также нейтрального, характеризующегося нечувствительностью системы или минимальной чувствительностью к внешним и внутренним воздействиям среды.

Методологическим индикатором измерения характера влияния социокультурной инерции на социокультурные изменения, как следует из указанных позиций социокультурной теории П.А. Сорокина, выступает система ценностей общества в сфере духовного и материального производства, соотношения духовного и материального в этой системе, а также деятельность социальных акторов (индивидов, социальных групп, слоев) в жизненно важных сферах общества, анализ которой в дискурсе соотношения традиционного и инновационного в условиях влияния факторов внешней и внутренней среды порождает эффект инерции как результат реакции социума на вызовы современной эпохи, ибо, согласно той же теории социокультурной динамики П.А. Сорокина, фактор социального пространства и социального времени является ключевым для нормализации социальных процессов и их научного измерения.

Социокультурное пространство само по себе рассматривается учеными как результат всех совершенных в прошлом действий⁶², которые, в свою очередь, совершаются субъектами, имеющими определенные позиции в различных системах (социальной, экономической, политической, культурной и др.) и перемещающимися в социокультурном пространстве, измеряемом, помимо пространственных характеристик, и временными⁶³. В данном контексте можно отталкиваться от определения социокультурного пространства как «специфической пространственно-временной целостности, являющейся

⁶² Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр. – Москва : Strelka Press, 2015. – 432 с.

⁶³ Бурдьё, П. Социальное пространство и генезис "классов" / П. Бурдьё // Социология социального пространства: перевод с французского языка. – Москва : Издательство Алетейя, 2007. – С. 14-48.

результатом генезиса и функционирования культуры во взаимосвязи с социальными параметрами»⁶⁴.

Таким образом, человеческие взаимоотношения, составляющие структуру социокультурного пространства, определяют его многомерность, как и сложность пространственных отношений и изменений, в категориях социокультурных изменений и их направленности, как самую важную из характеристик этих изменений⁶⁵.

Автор Н.А. Матвеева предельно ясно обозначила эту мысль в своей статье: «Зная характер инерционности системы, мы можем с большей долей вероятности предположить направление и темпы ее изменения»⁶⁶.

Раскроем суть указанных в схеме 1 направлений социокультурных изменений, под которыми мы понимаем широкий спектр социальных и культурных процессов, в своей совокупности и взаимозависимости детерминирующих социокультурную траекторию движения общества в пространственно-временных координатах прогресса, регресса или стагнации в зависимости от характера взаимодействия между культурными инвариантами и вариантами как производных социокультурной динамики культуры в условиях динамично меняющейся социокультурной реальности.

Социокультурное развитие – не такой простой тип социокультурного изменения, как может показаться изначально, исходя из базового понятия «развитие», поскольку, как отмечают исследователи, в нем заложено «диалектическое единство стабильной основы и модифицируемых акциденций»⁶⁷,

⁶⁴ Естрина, О. В. Российское социокультурное пространство и детерминирующие его факторы / О. В. Естрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2009. – № 1(9). – С. 47-51.

⁶⁵ Ищенко, Н. С. Проблемы теоретического осмысления социокультурных трансформаций / Н.С. Ищенко – Текст : электронный // Философско-культурологические исследования. – 2018. – № 1. – URL: <https://www.fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления/> (дата обращения: 02.08.2024).

⁶⁶ Матвеева, Н. А. Социальная инерция : к определению понятия / Н. А. Матвеева // Социологические исследования. – 2004. – № 4(240). – С. 15-23.

⁶⁷ Ищенко, Н. С. Проблемы теоретического осмысления социокультурных трансформаций / Н.С. Ищенко – Текст : электронный // Философско-культурологические исследования. – 2018. – № 1. –

но противоречия этих процессов настолько значительны, что в каждом конкретном обществе одни и те же признаки развития (к примеру, упрощение форм социальной и культурной жизни или их усложнение) могут свидетельствовать о совершенно различном уровне бытия общества – как прогрессивного, так и регрессивного.

Иными словами, в каждом конкретном случае анализ социокультурных реалий с позиции их изменения в категории развития предполагает обязательный учет социокультурной специфики общества в контексте его пространственно-временных, ценностных, субъектных и иных характеристик. Тем не менее, в рамках нашей концепции социокультурное развитие интерпретируется как положительный (прогрессивный) вектор социокультурных изменений, характеризующих развитие социальной и культурной сфер общества с позиций качественных изменений в функционировании социума. А потому прогрессивная инерционность, способствующая более длительному периоду развития социокультурной системе в модусе прогрессивных инноваций и процессов, выступает основанием эффективной модернизации и, как следствие, – социокультурного развития общества с тем же вектором прогрессивных (положительных) изменений, выводящих общество на качественно новый и более высокий уровень жизни, как в плане духовного, так и материального производства.

С понятием социокультурной деградации, казалось бы, ситуация должна быть проще, поскольку сама этимология этого термина не оставляет сомнений в его негативной коннотации, но и здесь заложены определенные противоречия, производные от самой социокультурной реальности, в которой разворачиваются процессы, соотносимые с понятием социокультурной деградации, а именно – примитивизация, упрощение социальных практик и массового сознания, архаизация сознания⁶⁸. Существует вероятность того, что возврат к прежним

URL: <https://www.fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления/> (дата обращения: 02.08.2024).

⁶⁸ Хоружая, С. В. Социокультурная деградация (Социологический анализ) : специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Хоружая Светлана Владимировна. – Краснодар, 2003. – 171 с ; Зарубина, Н. Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме / Н. Н. Зарубина // Историческая психология и социология истории. – 2013. – Т. 6, № 2. –

формам культуры и практикам деятельности в условиях неэффективности современных институциональных форм жизнедеятельности и невозможности адаптации новых, предлагаемых современностью, есть наилучший выбор в институциональной траектории социокультурной системы в сложившийся период времени, а стремление к усложнению социокультурной системы может привести к разрушительным последствиям и даже, как пишут ученые, к гибели⁶⁹.

Тем не менее, в границах нашей концептуально-познавательной схемы исследования социокультурная деградация интерпретируется как явление, имеющее негативный вектор в пространстве социокультурных изменений и характеризующее общество в категориях снижения уровня и качества его жизни, а также способности к социокультурному воспроизводству в координатах социокультурного развития, т.е. прогресса. Длительный период социокультурной деградации может привести общество к социокультурной деструкции, т.е. разрушению и последующей гибели общества как социокультурного целого.

С термином «социокультурная стагнация» в системе типов социокультурных изменений несколько проще, поскольку традиционно со стагнацией ассоциируется отсутствие прогресса – в данном случае в сфере социальной и культурной жизни, а потому это понятие по праву рассматривается как антонимичное модернизации и инновации и синонимичное понятию «застой». Иными словами, социокультурная стагнация – социальное явление, характеризующее общество в контексте социокультурного движения как «застывшее», в котором не наблюдается какого-либо прогресса в сфере социальной и культурной жизни. Это направление социокультурных изменений обычно характеризует как промежуточный этап

С. 29-45 ; Ламажаа, Ч. К. о. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы / Ч. К. о. Ламажаа, М. Ш. Абдулаева // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3. – С. 68-80 ; Абдрахманов, Д. М. Архаизация российских регионов как социальная проблема / Д. М. Абдрахманов, А. М. Буранчин, И. В. Демичев. – Уфа : Казенное предприятие Республики Башкортостан Издательство «Мир печати», 2016. – 404 с.

⁶⁹ Ищенко, Н. С. Проблемы теоретического осмысления социокультурных трансформаций / Н.С. Ищенко – Текст : электронный // Философско-культурологические исследования. – 2018. – № 1. – URL: <https://www.fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления> (дата обращения: 02.08.2024).

между двумя выше описанными – социокультурным развитием и социокультурной деградацией.

Индикаторами рассмотренных направлений социокультурных изменений, детерминированных социальной инерцией, выступают как формальные признаки (упрощение/усложнение, создание/деструкция)⁷⁰, так и содержание процесса социокультурного воспроизводства через формирование и взаимодействие/противостояние культурных инвариантов (условно назовем их традиционными образцами культурных форм, соответствующих социокультурному ядру, культурной матрице общества) и вариантов (современных культурных форм, возникающих в результате реакции на внешние вызовы и инновации). В этой связи обратимся к положениям теории энтелихии культуры, в которой раскрываются закономерности динамики культуры и порождаемых ею форм – инвариантов и вариантов.

Динамика культуры – закономерный и непрерывный процесс, с какой бы степенью он ни развивался в разные исторические эпохи в различных культурных сообществах.

В современную эпоху динамика культуры приняла высоко интенсивный и во многом унифицирующий характер, отражающийся на специфике трансформации культуры и динамике культурных инвариантов. Процесс их формирования рассматривается учеными сквозь призму теории энтелихии культуры, впервые обозначенной в идеях Аристотеля и раскрывающей сам механизм ее изменения через воспроизводство своих сущностных оснований в форме инвариантов. В.П. Визгин сказал об этом очень точно, подчеркивая, что культура, словно волна «приходит и уходит и снова возвращается, не утрачивая при этом своей сущностной антиномии, выступающей ее инвариантом»⁷¹.

⁷⁰ Ищенко, Н. С. Проблемы теоретического осмысления социокультурных трансформаций / Н.С. Ищенко – Текст : электронный // Философско-культурологические исследования. – 2018. – № 1. – URL: <https://www.fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления> (дата обращения: 02.08.2024).

⁷¹ Визгин, В. П. Еще раз об энтелихии культуры / В. П. Визгин // Философский журнал. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 5-22.

Таким образом, культура сама порождает новые культурные формы, сохраняя при этом сущностное начало, антиномии или инварианты как противостоящие новым культурным формам, также генерируемым этой культурой. Этот механизм можно назвать еще внутренним диалогом культуры, который обеспечивает энтелехия культуры как процесс ее рождения и перерождения в строго заданной траектории ее личной логики в соответствии с собственной субстанциональной структурой.

Таким образом, механизм социальной инерции, обеспечивающий механизм социокультурных изменений в траектории исторической зависимости, по сути, есть механизм культурной зависимости, связанный с энтелехией культуры, определяющей культурную динамику как процесс самопостижения и самопознания культуры через различные формообразования культуры⁷². В современном обществе этот процесс детерминируется двумя разнонаправленными, но взаимообусловленными процессами унификации и диверсификации культур⁷³. Они формируют пространство пересечения, встречи и противоречивого взаимодействия культурных локаций традиционного и современного типа. Иными словами, речь идет о кросс-культурном пространстве, в котором взаимодействие и противостояние происходит между образцами традиционной культуры – культурными инвариантами и культурными образцами нового формата, порожденными современным глобализирующимся обществом.

Варианты этого взаимодействия-противостояния могут самыми разными и противоречивыми, несущими особенный энергийный заряд, определяющий степень энтропийности социокультурных процессов и изменений. Специалисты в области теории социальной энтропии утверждают, что «главная опасность для развития общества заключается не в усложнении конфликтов, а в энтропийной тяге

⁷² Визгин, В. П. Еще раз об энтелехии культуры / В. П. Визгин // Философский журнал. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 5-22.

⁷³ Голубинская, А. В. Диверсификация и унификация культур в глобальном веб-пространстве / А. В. Голубинская // Век глобализации. – 2017. – № 1(21). – С. 98-105.

к инертности, усреднению и гомогенности»⁷⁴. Как видим, стремление к инерции заложено в социокультурном механизме воспроизводства общества и энтелехия культуры «работает» на этот процесс, порождая культурные инварианты в социальной и культурной сферах общественного бытия, что способствует воспроизводству в границах исторической преемственности политической, экономической, духовной культуры общества.

Культурная преемственность есть основа стабильности и устойчивости в развитии общества, но в условиях модернизации общества, его инноватизации этот механизм может стать значительным тормозом к реализации инновационных замыслов – все зависит от характера самих инноваций в их ценностном измерении и внедряемых культурных формах и, соответственно, степени инерционности социокультурной системы, от характера противостояния культурных инвариантов новым культурным формообразованиям.

Культура, утратившая потенциал энтелехии, т.е. энергичности как самовоспроизводства в условиях адаптации к меняющейся реальности, не может противостоять рискогенным факторам, разрушающим ее основания, т.е. утрачивает свой антиэнтропийный потенциал, не способна к самообновлению на основе вырабатываемых культурных инвариантов как субстанциональных оснований культуры⁷⁵.

Таким образом, мы полагаем, что в основе философского познания социокультурных изменений под влиянием социальной инерции в свете представленной теории энтелехии должно находиться:

1) выявление субстанциональных оснований социокультурной системы российского общества в форме ее культурных инвариантов, порождаемых в процессе социокультурной динамики в жизненно важных для социокультурного

⁷⁴ Тетерина, Е. В. К вопросу о понятии социальной энтропии / Е. В. Тетерина, С. Ю. Пискорская // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2011. – Т. 2, № 7. – С. 271-272.

⁷⁵ Визгин, В. П. Еще раз об энтелехии культуры / В. П. Визгин // Философский журнал. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 5-22.

воспроизводства российского общества сферах (социально-политической, экономической, управленческой, духовной, сфере повседневных практик);

2) сравнение культурных инвариантов с культурными вариантами, порожденными социокультурной системой в ходе ее изменения (энтелехии) и выявление степени инерционности ключевых подсистем социокультурной системы как фактора социокультурных изменений и их направленности;

3) определение характера социокультурных изменений (социокультурное развитие, социокультурная деградация, социокультурная стагнация) через результат модернизации общества как основного индикатора социокультурных процессов и движения общества в рамках общей траектории развития;

4) определение возможных альтернатив социокультурных изменений российского общества в контексте его инерционной составляющей и дискурса модернизации как ключевого индикатора в концепции развития общества.

При этом авторская стратегия предполагает выявление условий и инвариантов воплощения инерционной составляющей в российской реальности в проекции различных исторических эпох вплоть до современности. Такой ракурс позволит проследить влияние социокультурной инерции на изменения в России в динамике и выявить историческую зависимость в инерционных и модернизационных процессах.

Предложенная исследовательская стратегия предполагает уточнение авторских позиций по поводу понятия модернизации, весьма неоднозначно представленного в гуманитарной науке и выступающего основой одного из самых значительных научно-исследовательских дискурсов. Не разбирая все имеющиеся по данному вопросу подходы, мы обратимся к идеям социального философа В.В. Никитаева, который всесторонне проанализировал понятия (в том числе и понятие модернизации), используемые в исследованиях социокультурных изменениях, назвав сложившуюся ситуацию «понятийной катастрофой»⁷⁶, что не

⁷⁶ Никитаев, В. В. Субъекты и типология социокультурных изменений / В. В. Никитаев – Текст : электронный // Центр гуманитарных технологий. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6606> (дата обращения: 02.08.2024).

может не сказываться на анализе в социальных процессов и явлений с точки зрения их предрасположенности к изменениям и их оценке.

В отношении понятия модернизации им совершенно четко проводится граница между этим понятием и инновациями, ибо зачастую их употребляют в контексте взаимозаменяемости, а между тем «модернизация во всех своих предметных трактовках так или иначе предполагает наличие образца – будь то образец технологии для промышленного производства, или Запад (общество модерна) как стандарт общественного благоустройства»⁷⁷. Это отличает модернизацию от инновации, направленной на еще несуществующее, и потому инновация может интерпретироваться как «движение из настоящего в будущее, а модернизация – из прошлого в настоящее». В этом случае модернизация может рассматриваться как приведение общества в соответствие с требованиями и вызовами современности, с теми стандартами, которые уже индицируются в социуме как символ современности. Оттого и возникает догоняющий эффект модернизации как вполне закономерный – к ней стремятся те страны, которые еще не достигли уровня модернизированных стран, но важно при этом не ошибиться, не отказаться в погоне за шансами, которые сулит модернизированное настоящее, от ценного «прошлого», и наоборот – «не перепутать ещё конкурентоспособное «настоящее» с уже отслужившим своё, никчемным «прошлым», от которого более продвинутые страны стремятся освободиться»⁷⁸.

Данная позиция находит выражение в понимании модернизации экономистом Г.Б. Клейнером, который исходит из того, что «Модернизация (в собственном смысле слова) – это не просто улучшение, развитие, а обновление, «осовременивание» данного объекта или процесса, т.е. трансформация его в целях придания черт, присущих более продвинутым аналогичным объектам или процессам... Иными словами, модернизация подразумевает внедрение наиболее

⁷⁷ Никитаев, В. В. Субъекты и типология социокультурных изменений / В. В. Никитаев – Текст : электронный // Центр гуманитарных технологий. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6606> (дата обращения: 02.08.2024).

⁷⁸ Там же.

современных в том или ином аспекте достижений («лучших практик»), относящихся к другим, сходным с данным, объектам»⁷⁹.

Данное положение не отрицает другое важного тезиса о том, что путь к осовремениванию у каждого общества свой, определяемый целями, ресурсами, культурным многообразием и другими факторами социокультурной среды, подвергающейся модернизационным преобразованиям. А потому и типы модернизации могут быть разными – догоняющая, опережающая, системная и т.д. Потому и выбор пути модернизации очень не прост, и об этом свидетельствует значительное количество исследований⁸⁰, проведенных российскими учеными и научными коллективами в разные периоды времени в постсоветский период, на протяжении которого данная проблема никогда не утрачивала своей актуальности.

В современной научной литературе при осмыслении социокультурных реалий и изменений в российском обществе фокус исследовательского внимания несколько сместился – теперь в нем оказались проблемы архаизации и неотрадиционализации⁸¹. Они также привлекают и наше внимание, а потому имеет

⁷⁹ Клейнер, Г.Б. Системная модернизация экономики России / Г. Б. Клейнер – Текст : электронный // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию юбилею ВЗФЭИ. – Москва: ВЗФЭИ, 2011. – URL: <http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/12/Sistemnaya-modernizatsiya-e%60konomiki-Rossii.pdf> (дата обращения: 02.08.2024).

⁸⁰ Пляйс, Я. А. Тотальная системная модернизация – абсолютный императив для России / Я. А. Пляйс // Власть. – 2009. – № 8. – С. 3-10 ; Готово ли российское общество к модернизации : Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.]. – Москва : Институт социологии РАН, 2010. – 179 с ; Лапин, Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9(329). – С. 3-18 ; Морозов, С. А. О современных модернизационных процессах и опережающей модернизации / С. А. Морозов, А. В. Кудинова // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 4(47). – С. 5-7 ; Горлова, И. И. Культура как фактор модернизации: краткий обзор теорий зарубежных ученых / И. И. Горлова, Л. Л. Пшеничникова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 12. – С. 13-15 ; Меркулов, П. А. Демографический фактор модернизации современной России / П. А. Меркулов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2015. – № 4(19). – С. 11-14 ; Когай, Е. А. Модернизация и культура: ценностное измерение / Е. А. Когай, Т. Л. Прокопчук // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 17(266). – С. 56-63.

⁸¹ Лапшин, В. А. Неотрадиционализм в Центральной России: формы, движения, идеология / В. А. Лапшин // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 102-108 ; Ламажаа, Ч. К. о. Архаизация и неотрадиционализм в регионах Уральского федерального округа / Ч. К. о. Ламажаа, Н. Г. Хайруллина // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 29-38 ; Карнаушенко, Л. В. Институт права в аспекте процессов архаизации и модернизации современного общества / Л. В. Карнаушенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2(32). – С. 88-92 ; Мариненко, Я. С. Тенденция архаизации российского общественного сознания в свете акций Александра Бренера и Pussy Riot /

смысл коротко остановиться на теоретических позициях, напрямую пересекающихся с проблемой социальной инерции.

Архаизация и неотрадиционализация, следуя теоретическим посылам российских специалистов, развивающих данное направление, два близких понятия, поскольку ситуация и в том и в другом случае связана с восстановлением или возрождением традиционных практик в жизни общества в условиях изменившейся социальной реальности, т.е. можно было бы говорить о процессе неотрадиционализации, но ученые замечают, что это характерно только для тех традиций, которые возрождаются осознанно, в процессе жизнедеятельности социума. В ситуации, когда процесс возрождения традиции базируется на стихийном (неосознанном) обращении к социальным и культурным практикам, имевшим место в прошлом социума, речь идет об архаизации⁸².

Тем не менее, нам важна причина обращения к имевшим место в прошлом социума социокультурным практикам. Эта причина кроется в самой социокультурной реальности, в ответ на вызовы которой, связанные с появлением и внедрением инноваций, реформ и иных модернизационных явлений, общество реагирует таким образом, что возвращается к прежним, апробированным социальным практикам, которые понятны и позволяют более успешно адаптироваться в меняющихся условиях, сохраняя устойчивое положение в системе социальных координат.

Именно на пересечении традиций и инноваций заявляет о себе инерция как механизм социокультурных изменений и значительно влияет на социокультурные процессы, определяя их вектор. И вектор архаизации и неотрадиционализации –

Я. С. Мариненко // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 420. – С. 105-107 ; Хоружая, С. В. Архаизация и деградация в социокультурном пространстве / С. В. Хоружая, А. Р. Салчинкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5(79). – С. 194-196 ; Ситников, А. П. Архаизация российского общества: культурные детерминанты, формы проявления и перспективы развития : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / А. П. Ситников. – Новочеркасск, 2023. – 307 с.

⁸² Ламажаа, Ч. К. о. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы / Ч. К. о. Ламажаа, М. Ш. Абдулаева // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3. – С. 68-80.

один из вероятных вариантов этого влияния, в российской действительности, по мнению ряда ученых, фиксируемый в более чем явной форме⁸³.

Значимую роль в социокультурных изменениях, в том числе в реализации инерционных практик, играет фактор субъектности. Социокультурная инерция проявляется в динамике социокультурных изменений, отражающих эволюцию социальной реальности в ходе совокупных действий социальных субъектов по реализации своих функций. В условиях, когда современная политическая конструкция отвечает интересам окол властных слоев российской элиты, субъектность переходит в разряд главного показателя инерционных практик, предназначенных для манипуляции сознанием масс, групп, личности. Именно правящий класс задает тон, формирует социальный и нравственный климат в обществе.

В логике предложенной философской рефлексии существенное значение приобретает вывод О.М. Роя о том, что свойство социокультурных процессов подпадать под воздействие внешних или внутренних факторов обуславливает их деление на *инерционные и направленные* процессы. Динамика инерционных процессов определяется непосредственно набором определенных свойств, присущих процессу, обусловленным исходными параметрами этого процесса, в то время как направленный процесс вызывается активным вмешательством в его ход одного из участников, заинтересованного в каком-либо из вариантов его функционирования. Инерционность процесса поддерживается пассивным поведением большинства его участников, неспособных или незаинтересованных в изменении его вектора⁸⁴.

Обладая свойством проявляться в динамике социокультурных изменений, отражающих эволюцию социальной реальности, социальная инерция тесно связана с концептом прецедента.

⁸³ Ситников, А. П. Оценка практик архаизации в сложившейся интеллектуальной традиции российского общества / А. П. Ситников // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 4. – С. 138-144.

⁸⁴ Рой, О. М. Исследования социально-экономических и политических процессов : Учебник / О. М. Рой. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 369 с.

Для Т.В. Шарнаускене прецедент является конкретно-историческим, индивидуальным (имеющее авторство) событием, принятым в данной культуре, что создает основания для формирования традиции. По существу, это – имеющий авторство в национальной культуре образцовый факт, который служит эталоном для воспроизводства сходных фактов. Прецедент трактуется в качестве средства сохранения культурной преемственности, воспроизведения с опорой на достигнутое в прошлом, повторения ранее найденного, трансформации апробированного образца в настоящем и будущем. Прецедент есть форма трансляции социокультурного опыта посредством освоения каждым поколением не только предметного мира культуры, но и ценностей культуры, образцов поведения⁸⁵.

Нам представляется, что, принимая в расчет вышесказанное, в изучении социокультурной инерции значимую роль могут играть также положения таких теоретических подходов как: а) парадигма «социального повторения» и «социальной памяти»; б) концепция «социальной имитации»; в) подход, обобщающий теоретические наработки «общества спектакля» Ги Дебора, концепции играизации, концепции театральности.

В основе парадигмы «социального повторения» и «социальной памяти» – феномен «повторения», который проявляется во многих сферах человеческой жизни. Согласно Н.Н. Ворониной, в образовании онтологических представлений участвуют различные формы повторений: повторение в природе, социальное повторение (традиция), повторение как воспоминание и повторение-утверждение (волевой выбор). Социальные формы повторения, одной из которых является традиция, создают культурное пространство познания. Традиция формирует у человека набор утверждений, который позволяет состояться мышлению, поскольку

⁸⁵ Шарнаускене, Т. В. Прецедент как феномен социокультурной реальности (социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шарнаускене Татьяна Васильевна. – Москва, 2012. – 22 с.

для формирования личностного, критического осознания действительности изначально должен существовать хотя бы материал для критики⁸⁶.

В свою очередь, содержание социальной памяти (памяти общества) образуют социальные смыслы – знания, умения, стимулы, эмоции, полезные для жизни этого общества. Бесполезные смыслы из памяти выпадают. Социальные смыслы по происхождению бывают: а) естественными, внекультурными, передаваемыми генетически; б) искусственными, т.е. культурными, созданными коллективным разумом общества.

Социальная память складывается из двух слоев – это генетическое наследие и культурное наследие, которое, в свою очередь, состоит из не овеществленной, не опредмеченной части или духовной культуры, представляющей собой общественное сознание в виде национального языка, обычаев, знаний и умений, полученных от предыдущих поколений или созданных данным поколением и овеществленной, опредмеченной части – материальной культуры, состоящей из памятников культуры в виде артефактов, т.е. искусственно созданных изделий, документов и освоенной обществом природы – пашни, полезные ископаемые и др.

В философском осмыслении социальной памяти выделяется ряд подходов: функциональный (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, М. Мосс) и феноменологический (Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Рикер, П.Бергер, Т. Лукман); культурно-семиотический (Ю. Лотман, Я. Ассман). В качестве основной функции социальной памяти отечественный философ Д.А. Аникин определяет самоидентификацию сообщества путем его отличий от других сообществ и уменьшением внутренних разногласий. Социальная группа, заинтересованная в пролонгации своего существования, репрезентирует свое прошлое. Способы фиксации содержания социальной памяти могут существовать гораздо дольше, чем существование того или иного сообщества.

⁸⁶ Воронина, Н. Н. Повторение как предпосылка формирования онтологических представлений : специальность 09.00.01 "Онтология и теория познания" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Воронина Наталья Николаевна. – Нижний Новгород, 2004. – 177 с.

Как способы конструирования социальной памяти Д.А. Аникин рассматривает коммеморативные практики, эффективность которых определяется целенаправленной деятельностью человека⁸⁷. В результате социальное повторение выступает как традиция, реализуемая через социальную память.

Концепция «социальной имитации» представлена прежде всего в диссертационном исследовании философа Т.А. Шалюгиной, которая делает акцент на том, что природа и роль имитации в социальной жизни связаны с «процессами социального действия, которые направлены на подмену предметно-смысловой реальности»⁸⁸.

Анализ феномена имитации в философском контексте акцентирует внимание на внутренне глубинных смыслах этого явления, так как понимание его истинных свойств, эффекта проявления и возможностей особенно насущно ныне, когда в современном обществе собственно человечность подменяется социальностью⁸⁹.

В свою очередь, А.А. Зиновьев связывает имитацию с сознательным действием людей по созданию объектов-имитантов, которые, по их замыслу, должны восприниматься как объекты-подлинники. В истории это предстаёт в виде одного из аспектов театра жизни (*«театрального аспекта»*) человеческой. Вследствие этого можно провести аналогию и выйти на анализ уровня «имитационности того или иного человеческого объединения в целом, его отдельных событий, действий властей, партий и т.д.»⁹⁰.

Ги Дебор показал роль современных технологий манипуляции сознанием в деле разрушения в человеке знания, полученного от реального исторического опыта, замены его знанием, искусственно сконструированным «режиссерами». Человек, погруженный в «зрелище», теряет способность к критическому анализу

⁸⁷ Аникин, Д. А. Память как социальный феномен / Д. А. Аникин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2007. – Т. 7, № 1. – С. 3-9.

⁸⁸ Шалюгина, Т. А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Шалюгина Татьяна Александровна. – Ростов-на-Дону, 2012. – 60 с.

⁸⁹ Там же. С. 6.

⁹⁰ Зиновьев, А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев ; Александр Зиновьев. – Москва : Эксмо, 2006. – 528 с.

происходящего и выпадает из социокультурного диалога, оказываясь тем самым в социальной изоляции⁹¹.

Существенное методологическое значение приобретает также рассмотрение социокультурной инерции как *модели игры*, порождающей, в том числе, знаковость и символические ценности.

Играизация подается как коллективная реакция на жизненные новации, связанные с переходом общества определенного порога развития и возрастанием сложности социокультурных структур, когда качественно увеличивается их внутренняя саморефлексия и утрачивается гомогенность и стабильность при возрастании непредсказуемых флуктуации.

Играизация включает такие компоненты как: «внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, что позволяет индивидам посредством саморефлексии достаточно эффективно выполнять основные социальные роли, адаптироваться к обществу в «действии»; новая, формирующаяся парадигма рациональности, характерная для современных условий неопределенности, распространения институциональных рисков; фактор конструирования и поддержания виртуальной реальности неравновесного типа; социологическую парадигму с теоретико-методологическим инструментарием, позволяющим анализировать постмодернистское общество»⁹².

Играизация особенно явно проявляется в культуре, через которую она входит в повседневную жизнь, образуя играизированные массы. Играизация обеспечивает также «функционирование институтов, коммуникативных процессов, посредством которых социально активные акторы, как правило, обладающие значительными экономическими, политическими и символическими капиталами, выполняют роли значимых других».

⁹¹ Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза ; Сергей Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2006. – 862 с.

⁹² Кравченко, С. А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) / С. А. Кравченко // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 143-155 ; Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко ; Институт социологии РАН. – Москва, 2010. – 392 с.

Таким образом, основные теоретические и научно-практические проблемы философского исследования феномена социокультурной инерции в значительной мере обусловлены «непроясненностью» онтологических оснований и слабой разработанностью теоретико-методологического инструментария.

Налицо достаточно противоречивая ситуация, обозначенная различными когнитивными подходами и позициями, которая требует соответствующего разрешения, в чем и заключается сложность решения научной проблемы. Системное осмысление и концептуальная рефлексия над проблемой – в чем заключается природа социокультурной инерции в динамике социокультурных изменений в современной российской культуре и как она проявляется – связано прежде всего с введением концепта социокультурной инерции в проблемно-теоретическое поле философского познания, в координатах постановки вопроса о сущности, механизме и инвариантах проявления инерции⁹³.

Выстроенное методологическое пространство философской рефлексии социокультурной инерции базируется на неоклассической модели научного исследования как наиболее соответствующей усложняющейся и динамичной реальности с высокими рисками неопределенности и непрогнозируемости процессов.

Методологическую основу исследования составляют идейные положения и принципы неоинституциональной теории, теории модернизации, архаизации и неотрадиционализации, социокультурного подхода, теории энтелехии культуры, а также ряда других, сформированных в смежных отраслях социально-гуманитарного знания. Их интегральное использование в формате комплиментарности обеспечивается непротиворечивой конструкцией базовых понятий, таких как социокультурная инерция, инерционность, инварианты и варианты, механизм социокультурной инерции, социокультурные изменения и др.

⁹³ Гнатюк, М. А. Концепт социальной инерции: функциональные механизмы и проявление в социальности и социокультурных изменениях / М. А. Гнатюк // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 5-6-1. – С. 167-174.

Социокультурная инерция рассматривается как феномен, включенный в механизм социокультурных изменений как обладающий свойством сохранять социокультурной системе ее собственные (уникальные) характеристики, препятствуя становлению новых под влиянием эндогенных и экзогенных факторов и закрепляя тем самым траекторию устойчивого развития в формате актуализированного опыта прошлого.

В этой своей функциональной предзаданности социокультурная инерция предстает как механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления инновациям, не соответствующим социокультурному ядру с его системой ценностей и форм жизнедеятельности.

Степень инерционности социокультурной системы определяет характер социокультурных изменений и их вектор в координатах «устойчивости-неустойчивости», «прогрессивности-регрессивности», «архаизации-модернизации», в зависимости от того, какой характер примет сама социальная инерция – прогрессивный, регрессивный или нейтральный.

Под инерционностью социокультурной системы понимается ее свойство сохранять или очень медленно изменять свое состояние в условиях продолжающегося воздействия прошлого социального опыта.

Механизм социокультурной инерции в социокультурных изменениях обеспечивается конфигурацией и характером взаимодействия инвариантов и вариантов, порождаемых самой социокультурной системой, имманентно обладающей свойством инерционности. Их конфигурация и уровень комплиментарности обеспечивают степень интенсивности, тип социальной инерции и характер ее влияния на социокультурные процессы.

Под социокультурными изменениями понимается широкий спектр социальных процессов, в своей совокупности и взаимозависимости детерминирующих социокультурную траекторию движения общества в пространственно-временных координатах прогресса, регресса или стагнации, в

зависимости от характера взаимодействия между культурными инвариантами и вариантами как производных социокультурной динамики.

В рамках предлагаемого методологического конструкта выделяются три типа социальной инерции в зависимости от характера ее влияния на социокультурные изменения: прогрессивный, регрессивный и нейтральный. Определение результата модернизации через характер влияющей на нее социальной инерции позволяет определить вектор социокультурных изменений, реализуемых в современном российском обществе в пространстве выбора из трех возможных (в рамках нашей концептуальной схемы) вариантов: 1) социокультурное развитие (ему соответствует эффективный характер модернизации); 2) социокультурная деградация (регрессивная модернизация (демомодернизация); 3) социокультурная стагнация («нейтральная» модернизация).

Данная типология типов социокультурного развития основывается на типологии П.А. Сорокина в его теории социокультурной динамики, которая выступает основой методологического конструкта данного исследования. Методологическим индикатором измерения характера влияния социальной инерции на социокультурные изменения, согласно социокультурной теории П.А. Сорокина, выступает система ценностей общества в сфере духовного и материального производства, соотношения духовного и материального в этой системе, а также деятельность социальных акторов (индивидов, социальных групп, слоев) в жизненно важных сферах общественной деятельности.

Индикаторами указанных направлений социокультурных изменений (развития, деградации, стагнации), детерминированных социокультурной инерцией, выступают как формальные признаки (упрощение/усложнение, создание/деструкция), так и содержание процесса социокультурного воспроизводства через формирование и взаимодействие/противостояние культурных инвариантов (условно назовем их традиционными образцами культурных форм, соответствующих социокультурному ядру, культурной матрице общества) и вариантов (современных культурных форм, возникающих в результате

реакции на внешние вызовы и инновации). Теоретическим основанием данной методологической стратегии выступает теория энтелехии, раскрывающая механизм динамики культуры через появление, взаимодействие и/или противостояние культурных инвариантов и вариантов.

В основе философского познания социокультурных изменений под влиянием социальной инерции, в свете теории энтелехии, должно находиться:

1) выявление субстанциональных оснований социокультурной системы российского общества в форме ее культурных инвариантов, порождаемых в процессе социокультурной динамики в жизненно важных для социокультурного воспроизводства российского общества сферах (социально-политической, экономической, управленческой, духовной, сфере повседневных практик);

2) сравнение культурных инвариантов с культурными вариантами, порожденными социокультурной системой в ходе ее изменения (энтелехии) и выявление степени инерционности ключевых подсистем социокультурной системы как фактора социокультурных изменений и их направленности;

3) определение характера социокультурных изменений (социокультурное развитие, социокультурная деградация, социокультурная стагнация) через результат модернизации общества как основного индикатора социокультурных процессов и движения общества в траектории развития;

4) определение возможных альтернатив социокультурных изменений российского общества в контексте его инерционной составляющей в дискурсе модернизации как ключевого в концепции развития общества.

В рамках авторской стратегии предполагается выявить условия и инварианты воплощения инерционной составляющей в российской реальности в проекции различных исторических эпох, вплоть до современности. Такой ракурс позволит проследить влияние социокультурной инерции на социокультурные изменения в России в динамике и выявить историческую зависимость в инерционных и модернизационных процессах.

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМ ИНЕРЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Проявление социокультурной инерции в современном российском социуме и культуре накладывается на культурно-исторические тренды, действовавшие продолжительное время на основе закрепившихся социально-исторических условий и факторов и по-прежнему частично формирующие состояние массового сознания.

В условиях социокультурной и политической определенности инерция нововведений и инерция прецедентов, реликтов прошлого как бы уравнивают друг друга. Однако в периоды социальных потрясений и кризисов, когда механизм преемственности и культурного наследования дает сбой, нарастает воздействие социокультурной инерции.

В ракурсе исследования механизма и инвариантов воплощения инерционной составляющей в исторической реальности в данной главе рассматриваются социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской исторической реальности, инерционная составляющая в парадигме зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого, наконец, инерционные аспекты функционирования советского общества.

2.1. Социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской истории

Попытка выявления социокультурного механизма проявления инерционной составляющей в исторической реальности прежде всего заставляет обозначить

последнюю как значимый фрагмент социальной реальности. Ю.В. Перов недаром исходит из того, что все существующее и происходящее в истории: исторические обстоятельства и процессы, «факты» и события, люди, их поступки, объективации, культурные формы и социальные связи – все возникающее и исчезающее, конечное, преходящее, – это «исторически сущее»⁹⁴.

С точки зрения историка Б.Г. Соколова, нашей культуре свойственна ориентация на прошлое: мысленно возвращаясь к нему встраивать в свою жизнь чужие мысли, проживать чужие жизни. И в этом главная особенность соприкосновения с историей, в процессе которого прошлое перетекает в настоящее, а настоящее – в будущее, независимо от наших желаний, но оставляя неизгладимый след в душе, благодаря тем чувствам, которые она в нас пробудила. История была, есть и будет. Но вот вопрос – какая история была, какая история есть и какая история будет?⁹⁵.

В таком контексте реальности у людей фактически не остаётся выбора, и они вынужденно перестраивают векторы своей деятельности, чтобы привести их в соответствие с изменённым представлением о прошлом и настоящем. Следствием становится параллелизм восприятия исторической реальности и реальности актуальной. Дополнительным фоном, инициирующим подобный параллелизм настоящего и прошлого, выступает деформация ценностного мира человека, происходящая как результат «западноевропейской направленности исторического развития России с начала 90-х гг. XX в., а также вхождение её в единое мировое пространство радикально изменили формы и способы общественной жизнедеятельности, межличностных отношений, представления о нравственных ценностях»⁹⁶.

⁹⁴ Перов, Ю. В. Историчность и историческая реальность / Ю.В. Перов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 144 с.

⁹⁵ Соколов, Б. Г. Гипертекст истории / Б. Г. Соколов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 193 с.

⁹⁶ Швачкина, Л. А. Ценностные изменения социокультурного пространства России в контексте процессов модернизации и глобализации / Л. А. Швачкина, М. А. Игошева, Е. Ю. Положенкова // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 18, № 2. – С. 131-140.

Именно история достаточно отчетливо свидетельствует, что всякая власть стремится к тому, чтобы народ воспринимал историю такой, какая устраивает ее (власть), чтобы историки обслуживали власть, содействуя обоснованию правильности ее политики. В итоге происходит мифологизация реальности, представляющая собой причудливое сочетание историзированного прошлого и актуализированного настоящего. Рациональность при этом отодвигается на второй план.

В России работает постоянный, воспроизводящийся на протяжении веков российской истории и один из ключевых ее алгоритмов – это разрыв между актуальным и должным. Сюда же относят вечный раскол между наличной реальностью и реальностью желаемой и ожидаемой, что мотивирует необходимость непреходящей *модернизации*. Немаловажную роль играет и доктрина особого исторического призвания и роли России в мире. Все это в своей совокупности порождает взрывную смесь, состоящую из мотива непрерывной модернизации, обновления, а с другой – осознания неизменности окружающей действительности.

Для философа Д.Г. Горина исследование общественных и культурных трансформаций в контексте производства смысла и способов организации культурного опыта приводит к весьма любопытным вопросам. Почему одни и те же идеалы могут в одних обществах спровоцировать развитие, а в других – заблокировать любые изменения? Почему одни и те же смыслы в разных обществах могут порождать совершенно разные культурно-антропологические практики? Как связан процесс производства смысла с кодами переживания, выражения, повторения или изменения социального опыта, ведь производство смысла представляет собой принципиально открытый и незавершаемый процесс, в котором соединяется замысел и результат, мышление и практика, творческая активность и повторяемость, рождение субъектности и отчуждение⁹⁷.

⁹⁷ Горин, Д. Г. Производство смысла и коды социального опыта в России / Д. Г. Горин – Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. – 352 с.

Соответственно, возникает вопрос – как действует социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в исторической реальности, выступающей как отражение процесса исторического развертывания, поскольку он одновременно является продуктом общественного сознания и коррелятом его активности и поскольку влияет на формирование мировоззренческих идеалов и ценностей общества.

Различные сюжеты и фрагменты исторической реальности интерпретируется по-разному. В глазах одних российская история есть история «тысячелетнего рабства» и произвола со стороны государства. Оптика других связывается с историей героизма, побед и славных свершений, когда находит проявление особая духовность нашего народа, сумевшего создать могучую государственность.

Согласно И.И. Глебовой, сохранение и межпоколенная передача знания о прошлом должно происходить в массово доступной образной форме на уровне коллективного «здорового смысла». Но передача эта, собственно, так и происходит – согласно концепции М.К. Петрова, трансляция опыта есть более чем естественный процесс реализации культурных концептов в деятельности человека. Здравый смысл же есть та самая апробация, проверка полученных знаний на собственном опыте.

Определим социокультурный механизм проявления инерционной составляющей как совокупность средств, с помощью которых она стремится к самосохранению и воспроизводству социокультурной системы путем сопротивления инновациям, не соответствующим социокультурному ядру с его системой ценностей и форм жизнедеятельности.

В формировании и воспроизводстве базовой составляющей социокультурного механизма проявления инерционности основополагающее значение имеют исторически обусловленные культурные и религиозные традиции, определяющие особенности национального менталитета. В рамках нашей концепции это культурные инварианты, позволяющие сохранять субстанциональное культурное ядро.

Само же по себе проявление инерционной составляющей в российском обществе связано с противоречивыми процессами конструирования социальной и культурной реальности, когда данная инерционная составляющая выступает как средство или поддержания, или разрушения существующего порядка – в зависимости от того, какие культурные инварианты используются активнее всего и как они встраиваются в палитру социокультурных изменений в условиях влияния внешних факторов и новых культурных форм⁹⁸.

Через символы и значения, общие «для конкретного культурно-исторического контекста, реализуется познание и конструирование социокультурной реальности. Эти действия, будучи историческими, осуществляются и объективируются в некой внешней для субъекта сфере, которая своей данностью как бы оказывает «давление» на существующее, но в то же время открывает этому существующему будущее»⁹⁹.

Социокультурный механизм инерционной составляющей в российском обществе включает образ прошлого, воспроизводящийся в процессах социокультурной инерционности; инерцию восточного вектора социокультурного развития; инерцию смуты; инерцию ностальгии, а также мобилизации перед лицом угрозы, сплочения и подъема патриотизма.

Культура и социальные отношения – два аспекта воспроизводственной человеческой деятельности, при этом в обществе постоянно возникают противоречия между социальными отношениями и культурой. Разнообразие объектов теоретического анализа требует учета специфических особенностей сущностной природы каждого из этих объектов, более глубокого изучения

⁹⁸ Гнатюк, М. А. Социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской исторической реальности: социально-философский подход / М. А. Гнатюк // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 2(90). – С. 19-22.

⁹⁹ Безотосный, И. А. Конструирование позитивного имиджа России и репрезентация символической социальной реальности / И. А. Безотосный. – Ростов-на-Дону : Северо-Кавказский научный центр высшей школы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Южный федеральный университет, 2011. – 116 с.

возможных исторических и культурно-стилевых контекстуальных связей, обуславливающих их функционирование в социуме¹⁰⁰.

Образ прошлого, воспроизводящийся в процессах социокультурной инерционности, отчетливо вписывается в процессы развития в обществе, которые носят диалектический характер, что проявляется в сочетании черт устойчивости и изменчивости этого развития. Недаром Н.С. Смолина обращает внимание на то, что постсоветское сообщество – это «...сообщество ностальгирующих и вспоминающих, и именно в меморативных практиках и практиках ностальгирования выстраивается система коллективной идентификации...»¹⁰¹ Определим такого рода мироощущение как характерное и уже ушедшее, с опытом проживания травмы распада Союза, но при этом с выбором активности вместо ностальгии.

Социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской исторической реальности, «включая в себя образы прошлого, как бы демонстрирует парадоксальность присутствия этого прошлого в современном общественном сознании и культуре, включая травматические и ностальгические эффекты, обусловленные переживанием этого прошлого между различными способами его восприятия и описания». Для М. Шильмана исторический текст, демонстрирующий прошлое, есть в то же время и механизм, который это прошлое конституирует. В свою очередь, прошлое, к которому отсылает текст, есть прошлое, *служащее* описываемым объектом. Поскольку прошлое само по себе, как данность, не наличествует, всякое обращение к нему – это когнитивная практика конструирования/производства того прошлого, которое впоследствии фигурирует в историческом тексте.

¹⁰⁰ Резинко, Д. Б. Идеологические практики в контексте советской модернизации (Социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Резинко Дмитрий Борисович. – Москва, 2002. – 32 с.

¹⁰¹ Смолина, Н. С. Советское/постсоветское как объект социально-философского анализа (проблематизация коллективной идентичности) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Смолина Наталья Сергеевна. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.

Та же И.И. Глебова полагает, что «образы прошлого участвуют в конструировании и осмыслении, постоянной интерпретации политики, способствуя лучшей ориентации человека в этом мире. Они действуют на пересечении коммуникативного, информационно-символического пространства, созданного в настоящем, и хранимого исторического наследия. Образы прошлого служат той формой, в которую отливается, переплавляется и транслируется во времени политический опыт»¹⁰². В результате образ прошлого, воспроизводящийся в процессах социальной инерционности, накладывается на попытки критически переосмыслить это самое историческое прошлое¹⁰³.

Второй параметр социокультурного механизма проявления инерционной составляющей в российском обществе – это инерция «восточного вектора» социокультурного развития.

Многие исследователи не без оснований обращают внимание на то, что тема исторического своеобразия в сложившихся трендах русского «самобытничества» и русского «западничества» разворачивается в двух разных парадигмах исторического мышления. Одни настаивают на теме принципиальной цивилизационной «особости» России, поэтому попытки подражать инокультурным образцам приводят лишь к искажению и деградации культурно-цивилизационной сущности России. Другие (западники) предпочитают вести разговор в стадийно-формационной логике, подчеркивая «недоразвитость» России на пути поступательного развития некоей универсальной цивилизации.

Евразиец Г. Вернадский, характеризуя степень монгольского воздействия на Русь, сравнивал русское государство и общество домонгольского периода и постмонгольской эры, в частности дух и институты Московской Руси и Руси

¹⁰² Глебова, И. И. Образы прошлого в структуре политической культуры России : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Глебова Ирина Игоревна. – Москва, 2007. – 47 с.

¹⁰³ Гнатюк, М. А. Иннерционная составляющая в Российской исторической реальности: механизмы и условия воплощения / М. А. Гнатюк // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке : Сборник статей по материалам СП международной научно-практической конференции, Новосибирск, 26 июня 2024 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Сибирская академическая книга", 2024. – С. 100-105.

Киевского периода. Политическая жизнь русской федерации киевского периода строилась на свободе. Три элемента власти – монархический, аристократический и демократический – уравнивали друг друга, и народ имел голос в правительстве по всей стране. Типичный князь киевского периода, даже великий князь суздальский, был просто главой исполнительной ветви правительства, а не самодержцем.

Картина полностью и кардинально изменилась после монгольского периода. Власть московского царя, и идеологическая и фактическая, была неизмеримо больше, чем власть его суздальских предшественников. Не менее резок контраст между до и постмонгольскими периодами в области социальных отношений. Самые основы московского общества были не такими, как в киевский период¹⁰⁴.

В свою очередь, современный отечественный историк А. Уткин пишет, что «восточная волна билась в ворота Руси на всех этапах ее становления – хазары, печенеги, половцы и несть им числа. Траурный колокол битвы при Калке обозначил появление неодолимого степного противника. Русь погрузилась в два с лишним века прямой зависимости от орд Батые и его наследников. Степь дала восточнославянскому этносу невообразимо много – неведомый Западу фатализм, стоицизм, широту души, легкое схождение с соседями. От монголов русские приняли черты типичного туранского характера – религиозность, упорство в отстаивании своих взглядов, бесконечное терпение, стоическое восприятие жизни. Толерантность монголов в отношении православной церкви способствовала усилению значения религиозного элемента русской жизни»¹⁰⁵. В течение трех веков осуществлялся огромный и сложный этнокультурный и геополитический синтез, который в результате вызвал мощный геополитический взрыв – создание

¹⁰⁴ Кривошеев, Ю. В. Русь и монголы : Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. / Ю. В. Кривошеев. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. – 468 с.

¹⁰⁵ Уткин, А. И. Вызов Запада и ответ России / А. И. Уткин. — Москва : ЭКСМО, Алгоритм, 2003. — 606 с.

на пространствах Евразии территориально и государственно могущественной России¹⁰⁶.

В свое время Русь попала в зависимость от монгольского государства, получившего название Золотая Орда. Это событие, по мнению многих учёных, и стало главной причиной культурно-цивилизационного сдвига в историческом развитии Руси в сторону восточной цивилизации, что впоследствии привело к культурно-цивилизационному расколу, формированию восточного деспотизма и изменениям во всех сферах жизни. Философ В. Кантор, рассматривая причины, по которым Россия не может усвоить результаты европейского развития, вычленяет четыре характерные особенности складывания Российского государства:

- призывание варягов,
- принятие христианства,
- степная структура Древней Руси,
- татаро-монгольское завоевание Руси.

Первые две были благоприятны для ориентации Древней Руси на Европу, две другие оказались препятствием для общеевропейского единства¹⁰⁷.

Автор А.И. Неклесса также обращает внимание на архетип «азиатского способа управления», упорно воспроизводимый в России, но вкрапленный также в европейскую историю XX века, – *это* власть, очищенная от обременения собственностью, владеющая собственниками, в пределе – владеющая всем. Суть нынешней политической ситуации заключена в противоречии между «европейским» и «азиатским» способами бытия, между оболочкой и ее наполнением, между конкурирующими моделями управления, иначе говоря, между обществом, которое развивается в сторону все более сложной, полифоничной и динамичной конструкции, и обществом, тяготеющим к

¹⁰⁶ Уткин, А. И. Вызов Запада и ответ России / А. И. Уткин. — Москва : ЭКСМО, Алгоритм, 2003. — 606 с.

¹⁰⁷ Кантор, В. К. Есть европейская держава. Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки : Монография / В. К. Кантор. — Москва : Директ-Медиа, 2008. — 845 с.

устойчивой «властной вертикали», к номенклатурной форме устройства, к неоархаизации политической культуры¹⁰⁸.

В своей статье «Россия в саях азиатского способа производства: потеря самоидентификации» Р. Дауранов пишет, что, завершив в 90-х годах государственно-монополистическую накопительную фазу азиатского способа производства, Россия вошла в расточительную фазу в специфически российской кланово-номенклатурной форме. Сейчас в России господствует кланово-номенклатурная форма азиатского способа производства, когда собственность перемещается по правилам кланов и по их соглашениям (а не по законам рыночной конкуренции и нормам права). Не исполняется главная «соревновательная» роль рынка – перемещение собственности от кланов к более эффективному собственнику (что не входит в сферу интересов кланово-номенклатурных хозяев страны)¹⁰⁹. И снова отметим, что подобные трактовки достаточно характерны для гуманитарного, причем не только философского дискурса девяностых годов прошлого века. Они циклично и настойчиво поднимают тему Востока и Запада в логике модернизации и догоняющего развития, стремясь обнаружить и найдя исторические обоснования такого отставания. Думается, что подобная «травма» «лечится» методом повторения и проговаривания новых сценариев после новых действий на основе уже известного. Это и есть позитивные алгоритмы социокультурной инерции.

Третий параметр социокультурного механизма проявления инерционной составляющей в российском обществе – это инерция смуты. Социальные потрясения (смута) в контексте проявления инерционной составляющей выступают как значимая часть образа прошлого. Как полагает историк П.П. Марченя, смуты/кризисы не только признаны естественной формой пространственно-временного существования России, но и могут по праву

¹⁰⁸ Неклесса, А. И. Война и постсовременность / А. И. Неклесса // Экономические стратегии. – 2016. – Т. 18, № 5(139). – С. 112-119.

¹⁰⁹ Дауранов, Р. Б. Россия в саях азиатского способа производства: потеря самоидентификации / Р. Б. Дауранов. – Москва : Ридеро, 2001. – 202 с.

считаться важнейшей проблемой современного россиеведения, ибо «сравнительное изучение периодов нестабильности российской системы с учетом особенностей массовой психологии может сказать о ее природе больше, нежели любая – как всегда претендующая на универсализм – теория. «...» «Смута» как реальный вариант современной и будущей российской истории – это вовсе не только лишь концептуальное обобщение, художественная метафора или политический повод для привычного кухонного зубоскальства. Только в течение прошлого века – уже «пережитого», но далеко еще «не изжитого» – Россия дважды оказывалась на грани полной потери своей цивилизационной идентичности и, на время зависнув в промежуточном положении «между "Империей" и "Смутой"», срывалась в «безвременье» последней»¹¹⁰.

В позициях учёных при оценивании ими исторического значения кризисов, смут и иных социокультурных потрясений нет единства мнений. Недаром В.П. Булдаков в 1990-е годы писал, что нет ничего более странного, чем официальная пропаганда того периода, когда, с одной стороны, деятельность Ельцина и его администрации отождествлялась с реформаторством, а с другой – сама идея революции предавалась анафеме.

По мнению В.П. Булдакова, «Только "социолог" или "политолог", выращенный в советско-марксистском инкубаторе, смог додуматься до утверждения, что сегодня "российский маятник" совершает "обратное движение" – от тоталитаризма к демократии (с неизбежным заходом в авторитаризм). Только масса, которую отучили верить в созидательную роль личного труда, способна столь хранить иллюзии, что нынешний всероссийский "блошинный рынок", квазифеодальный производственно-сырьевой монополизм, чиновничья коррупция и организованная преступность и есть основа отечественного капитализма»¹¹¹.

¹¹⁰ Марченя, П. П. "Смута" как проблема отечественной истории: чему учат системные кризисы России? / П. П. Марченя // История в подробностях. – 2010. – № 5. – С. 86-91.

¹¹¹ Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – Москва, 1997. – 373 с.

Поиск смыслов «Смуты» в России прочно связан с пониманием Имперского периода с позиции исторически обусловленного способа взаимодействия в системе «народ – власть».

Согласно подходу П.П. Марчени, Империя и Смута выступают в качестве бинарных инвариантов, а «смутоведение» оказывается невозможным вне «импероведения». Власть не только реагирует на новые вызовы времени, но и обеспечивает историческую преемственность Империи, согласовывая относительность инновационных действий с безусловностью непрерывности нормативно-ценностного единства со своим народом¹¹². Смутные времена выступают как периоды своеобразной «переоценки ценностей» в силу необходимости обновления базового комплекса идеологием и воссоединения животворной связи между социумом и властью (возрождения самосознания имперского общества как целостного)¹¹³.

В процессе развития смуты, независимо от государственного строя, охлос оказывается на поверхности. «...Полным озверением» назвал писатель В.Г. Короленко события, последовавшие вслед за Октябрьской революцией и во время Гражданской войны. Но полное озверение характерно для всех революций, где бы они ни происходили, – в этом их суть, их природа. Так было в древние времена, так было и в новейшие – в ходе Английской буржуазной революции XVII века под предводительством Кромвеля и особенно во Франции в 1789–1794 годах. Французские якобинцы и стали главными учителями русских большевиков – в первую очередь в области террора...», – так пишет историк и публицист В. Каджая¹¹⁴.

Былые социальные потрясения и смуты в контексте исторического опыта накладываются на социокультурную неопределенность, как бы подтверждая факт

¹¹² Марченя, П. П. "Смута" как проблема отечественной истории: чему учат системные кризисы России? / П. П. Марченя // История в подробностях. – 2010. – № 5. – С. 86-91.

¹¹³ Там же. С. 91.

¹¹⁴ Каджая, В. Г. Охлос на воле: В октябре 1917-го к власти в России пришла чернь, установившая кровавую диктатуру / В. Г. Каджая // Новое время. – 2006. – № 26(3138) . – С. 34-38.

утраты исторической памяти, когда особую роль приобретает инерционная составляющая. Ее позитивное значение состоит в том, что период смуты всегда заканчивается возвратом к «базовым настройкам», если угодно, к архетипам и социокультурному ядру, позволяя начать социальный цикл, но не заново, не с пустого места, а основываясь на прочной аутентичной базе.

Наконец, значимый параметр социокультурного механизма проявления инерционной составляющей в российском обществе – инерция ностальгии – как разновидности самочувствия и самоощущения, с противоположной интенцией активности, еще в христианстве была заложена в качестве максимы восприятия времени как недостаточного и уходящего.

Автор Е.А. Широкова исходит из того, что мир ностальгических представлений конструируется на микроуровне через «социальные практики ностальгирования, которая трактуется в качестве осознанных групповых действий людей, направленных на реализацию желания разделить чувство индивидуальной ностальгии с другими людьми»¹¹⁵.

Тоска по прошлому особенно отчетливо проявляется в эпохи реформ и потрясений. Именно так действует социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в исторической реальности, выступающей как самовыражение процесса исторического развертывания. В «ностальгирующем обществе» прослеживается опора на архаику и архетипические образы прошлого. Формирующийся в таких условиях тип мышления отличается неразвитостью индивидуальной самоидентификации и стереотипизацией исторического опыта. Однако, если рассматривать историю с философской позиции должного, то, как справедливо полагает Л.В. Карнаушенко¹¹⁶, гармонизация общественных отношений является одной из важнейших функций власти.

¹¹⁵ Широкова, Е. А. Социальная ностальгия как феномен духовной жизни общества : специальность 22.00.06 "Социология культуры" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Широкова Елизавета Александровна. – Екатеринбург, 2006. – 21 с.

¹¹⁶ Карнаушенко, Л. В. Гармонизация общественных отношений как функция государства: проблемные аспекты / Л. В. Карнаушенко // Общество и право. – 2018. – № 1(63). – С. 80-86.

Многие экономисты, историки, культурологи, характеризуя влияние исторического пути государства и общества на потенциал и эволюцию развития, пишут о наличии «исторической колеи», когда историческая необходимость рассматривается как некая широкая колея, по которой люди сами прокладывают маршрут собственной истории. В этом отношении представляется важным выявить инерционную составляющую в парадигме зависимости от предшествующего пути развития («колеи») и опыта прошлого.

Британский историк науки Д. Норт недаром пишет о том, что «история имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлой непрерывностью развития институтов общества. Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым»¹¹⁷.

Основы теории зависимости от предшествующего развития были заложены в 1980-е годы американским экономистом-историком П. Дэвидом, который сосредоточил внимание на проблемах институциональной инерции, задавшись вопросом, почему в сложившейся экономической системе далеко не всегда возможны институциональные новации. П. Дэвид пришел к выводу, что победа более эффективного не безусловна, поскольку победу одерживают не более эффективные, а «заранее» выбранные, предпочитаемые алгоритмы, стандарты, нормы. И это справедливо во всех сферах, а не только технологических. Поэтому устойчивое сохранение неэффективных технологий и норм стали рассматривать как проявление зависимости от предшествующего развития (Path Dependency).

Эту теорию нередко называют по аналогии с «новой экономической историей» (авторы Р. Фогель и Д. Норт) – «новейшей экономической историей». Общим основанием для развития этих направлений является институциональный подход к исследованию социально-экономической истории. При этом последователи и сторонники Норты обращают внимание на сознательность при

¹¹⁷ Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва : Фонд экономической книги "Начала", 1997. – 180 с.

выборе норм и институциональном проектировании и экспорте институтов. Представители новейшей экономической истории (П. Дэвид, Б. Артур) занимаются обратной стороной институционального развития – институциональной инерцией (инерцией развития), которая создает помехи при выборе, проектировании и экспортировании институтов¹¹⁸. Кроме того, как указывает Я.С. Ядгаров в работе «Место и роль теории человеческого капитала в новейшей истории экономической мысли», в новейшей экономической истории новое звучание приобретает теория человеческого капитала, представляющая собой «одну из составляющих «Олимпа» в области экономической науки на современном этапе ее эволюции»¹¹⁹, поскольку инерционные процессы вносят свои коррективы и в эту составляющую современности.

Как указывает В.Л. Некрасов: «... В институционально-эволюционной теории различают три типа отношений между содержанием старых и новых институтов: path dependence – глубокая связь, сильная зависимость новых институтов от старых, path determinacy – менее сильная зависимость, оставляющая место для возникновения совершенно новых институтов, и path indeterminacy, или path independence – отсутствие явной связи между старыми и новыми институтами...»¹²⁰.

Выступая на научном семинаре в Москве в 2005 г., Пол Дэвид обратил внимание на то, что экономические историки в основном используют при построении своих теорий анализ, подразумевающий исследование динамики социальных процессов вне контекста прошлого и будущего, полагая, что отдельные события в событийном потоке не имеют значения в системе причинно-

¹¹⁸ Нуреев, Р. М. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) / Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов ; Российский гос. ун-т им. Иммануила Канта, Балтийский межрегиональный ин-т общественных наук "Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее". – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – 530 с.

¹¹⁹ Ядгаров, Я. С. Место и роль теории человеческого капитала в новейшей истории экономической мысли / Я. С. Ядгаров // Историко-экономические исследования. – 2016. – Т. 17, № 2. – С. 253-277.

¹²⁰ Некрасов, В. Л. Path dependence и социально-экономическая трансформация регионов Сибири- / В. Л. Некрасов // Экономическая история Сибири XX - начала XXI века : материалы II Всероссийской научной конференции, 27-28 июня 2009 г., Барнаул. – 2009. – С. 236-242.

следственных закономерностей. С позиции этого подхода, экономическая история представляла собой источник наблюдений, на базе которых можно было бы разработать частные законы экономического движения, и поэтому в данном контексте исследование экономической истории выглядело полезным, поскольку при некоторых условиях они достаточно близко соприкасаются с эмпирической реальностью. Однако при исследовании долгосрочных изменений, особенно демографических, технологических, институциональных, социокультурных, скорее верно будет обратное – требуется учёт динамизма исторического развития¹²¹.

В последнее время исследователи подчеркивают осознанное и неосознанное влияние различных традиционных образцов (культурных инвариантов) на поведение современных россиян, которое получило название «зависимость от тропы» – («path dependency»): институциональной, ценностно-нормативной и прочей. Как считает известный отечественный социолог А.Б. Гофман, учитывая относительную длительность и силу влияния советского строя, эта «тропа» в сегодняшней России значительно глубже и длиннее, чем в других посткоммунистических странах. Отсюда и более высокая степень зависимости от нее и большие трудности в ее преодолении. В сущности, имеет место не только «зависимость от тропы», но и от того, что можно назвать «зависимостью от выбора тропы» («path choice dependency»). Этот выбор неизбежен, учитывая, что «тропа» не одна и от этого выбора прошлого зависит настоящее и будущее страны¹²².

Этнополитолог Э. Паин применительно к России вычленяет три концепции, отличающиеся по степени жесткости идеи «исторической предопределенности».

Самая жесткая – концепция «исторического фатализма», согласно которой культурная традиция и шире – история – выступают в качестве судьбы,

¹²¹ Пол, Д. Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция. / Д. Пол // 20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития : Интернет-конференция: Электронный ресурс, Москва, 15 апреля – 05 2005 года. – Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2005.

¹²² Гофман, А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность / А. Б. Гофман // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 241-254.

накладывающей запрет на всякие отклонения от «предначертанного» направления движения в замкнутом круге и в зоне «особой цивилизации». Побег из зоны не представляется возможным.

Менее жесткая концепция – это «историческая колея». Так, Ю.А. Красин пишет следующее: «Сейчас же мы должны констатировать, что атмосфера в глобальном социуме не способствует выходу России из наезженной колеи инерционного развития. Скорее всего, нас ждет не какой-то спасительный поворот, а долгий утомительный марш гуманистического просвещения, общественной рефлексии и коллективных действий¹²³». Иными словами, выход из «колеи» в принципе возможен – при благоприятных обстоятельствах. Для того, чтобы эти благоприятные обстоятельства возникли, необходимо знать, какие ресурсы стоит задействовать как наиболее эффективные в той или иной исторической ситуации. Именно об этом он и пишет, отмечая, что категорию колеи не стоит считать синонимом траектории, поскольку она сконцентрирована «не столько на описание исторических параллелей в национальной истории, сколько на выявление механизмов обеспечения преемственности между целой серией исторических эпох»¹²⁴.

Автор Э. Паин вводит третью концепцию (позицию) – концепцию истории как трения или инерции. Трение и инерция тоже ограничивают возможности произвольного движения, задают некоторую особенность исторического пути, исключают возможность успеха бездумного революционного напора, однако и трение и инерция по определению предполагают возможность их преодоления при определенных изменениях условий среды и усиления импульса внешних воздействий¹²⁵.

¹²³ Красин, Ю. А. Феномен уличных протестов и колея российского выбора / Ю. А. Красин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 3(109). – С. 92-99.

¹²⁴ Ильин, В. И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии / В. И. Ильин // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – Т. 26, № 4. – С. 30-50.

¹²⁵ Паин, Э. А. Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России / Э. А. Паин. - Москва : РОССПЭН, 2009. - 269 с.

Для Ю.Н. Афанасьева происходит возврат современной России на круги своя, ее возвращение в русскую и советскую колею. «Колея» – это повторяемость, неизменность, многовековая структурная стабильность, это постоянно изменяющаяся неизменность. «Колея» – это наше расположение в мире и размеры территории, характеристика земель и почв; плотность, состав и динамика населения, наконец, тип русской Власти¹²⁶.

Основываясь на принципах институционально-эволюционной теории Д. Норта, а также положений теории выбора, теории групп интересов и теории революций, отечественный философ Е.В. Сусименко рассматривает «пат-зависимость» как социокультурный феномен и формулирует институциональную организацию зависимости настоящего от прошлого, которая отличается следующими свойствами: социальные институты образуют сложные системы опосредований, связывающие человека с прошлым социума, к которому он принадлежит; однако сама возможность зависимости общества от прошлого в каждый момент времени проблематична, поскольку отличается от зависимости каждого индивида от его прошлого; индивиды связаны с прошлым воспоминаниями о подлинности пережитого; отчужденное прошлое присваивается через социальные институты, которые организуют пространство зависимости; главный элемент зависимости – замещение истории становления государств частными видами памяти¹²⁷.

Так, А. Аузан предлагает при переводе «path dependence» использовать термин «колея»¹²⁸. Развивая концепцию «исторической колеи», он опирается на данные «таблицы Мэдисона». Известный статистик Мэдисон выстроил таблицы, исходя из данных стран о показателях валового внутреннего продукта на душу населения и ряда других показателей, взятых в интервале примерно в сто пятьдесят

¹²⁶ Афанасьев, Ю. Н. Мы - не рабы? / Ю. Н. Афанасьев // Континент. – 2008. – Т. 4, № 138. – С. 161-219.

¹²⁷ Сусименко, Е. В. Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений / Е. В. Сусименко. – Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2008. – 256 с.

¹²⁸ Аузан, А. А. "Колея" российской модернизации / А. А. Аузан // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 54-60.

лет исторического существования. На основании этих таблиц, по мнению Аузана, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, страны, попавшие в выборку, подразделяются на три группы – низшую, среднюю и высшую – прежде всего по показателям ВВП на душу населения. Во-вторых, страна очень редко покидает свою группу и перемещается в другую. За сто пятьдесят лет только одна покинула третью группу и переместилась в первую – это Япония.

Исследователь А. Аузан считает неформальные правила, сложившиеся в культуре, в системе национальной идентичности, более значимыми с точки зрения траектории развития, чем формальные экономические институты¹²⁹. Группа российских ученых в целом солидаризируется с этой позицией, выделяя в качестве инструмента исследования социального поведения феномен ментальных программ, в которых рефлексивные и нерефлексивные структуры определяют репертуары действий, составляющих социальные практики формального и неформального типа, различающиеся в каждом обществе в соответствии с его социокультурной спецификой¹³⁰.

Другая группа авторов считает, что не следует отождествлять культурные характеристики и характерные черты социума.

Так, А. Бузгалин полагает, что значительная часть особенностей, приписываемых России отечественными «цивилизационниками», являются особенностями позднефеодальных единых государств со всеми их чертами – приоритет государства, отождествляемого с моно-лидером (в случае России – самодержавие), религии в виде доминирующей формы организации духовной жизни, подчинение индивида целому (человек существует как личность только в духовно-религиозном измерении, без прав личности), приоритет геополитических ценностей, прикрываемых той или иной религиозной «...риторикой (любая военная экспансия, в частности, оправдывается как воплощение религиозных

¹²⁹ Аузан, А. А. "Колея" российской модернизации / А. А. Аузан // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 6. – С. 54-60.

¹³⁰ Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России / Н. А. Вялых, А. В. Лубский, Л. Ш. Крупеникова [и др.]. – Ростов-на-Дону : Редакция журнала "Социально-гуманитарные знания", 2017. – 452 с.

заветов – борьбы с нехристями или с неверными...), и т.п. Соответственно, то, что противопоставляется этой якобы специфике российского социума – это опять же универсальные черты стандартного буржуазного, рыночно-демократического социума, т.е. того социума, который в той же Франции пришел через два века после «державно-религиозного», а в России начал бурную экспансию лишь 20 лет назад...»¹³¹

Однако Э. Паин не разделяет ни доктрины «незыблемого и извечного пути» России, ни радикального отрицания ее исторических особенностей или того, что принято называть «исторической колеей». Куда точнее в этом смысле, по его мнению, понятие «инерция», поскольку в обществе невозможно создать абсолютно закрытую среду, не пропускающую ни внутренние импульсы, ни внешние и не имеющую несоответствий внутри, так как при таких условиях любая инерция исчерпает себя и путь/колея закончится.

Важное значение инерция имеет для традиционной культуры в виде механизма социальной регуляции, создающего общую систему ориентиров в виде этнокультуральных критериев оценки поведения. Об этом же он пишет в своей последней работе «Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России», подчеркивая, что концепция «исторической колеи», пусть и в мягкой форме, создает образ некой предопределенности сложившегося направления развития¹³².

Стоит упомянуть также концепцию культурных «кодов» или «матриц». Известный отечественный социолог С. Кирдина сформулировала «теорию институциональных матриц» на основе двух основных цивилизационных типов – восточного и западного: «...в первом коллективистские ценности «мы»

¹³¹ Бугалин, А. В. Почему Россия другая? Часть первая / А. В. Бугалин // Русский журнал. – 2010. – 9 марта.

¹³² Паин, Э. А. Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России / Э. А. Паин. - Москва : РОССПЭН, 2009. - 269 с.

господствуют над индивидуалистическими «я», а во втором, наоборот, «я» над «МЫ»»¹³³.

В соответствии с указанной теорией под институциональной матрицей понимаются исторически устойчивые формы базовых экономических, политических и идеологических институтов. Существует два типа матриц – восточные и западные. Восточным институциональным матрицам присущи институты нерыночной экономики, унитарно-централизованная система политического устройства и господство коммунитарных, коллективных ценностей. Для западных институциональных матриц характерны институты рыночной экономики, федеративного политического строя и доминирование идеи субсидиарности, которая означает приоритет личностных ценностей¹³⁴.

По мнению С. Кирдиной, восточная природа российской матрицы, изначально обусловленная коммунальностью среды и технологии, укрепилась путем наложения на нее тождественной матрицы монголо-татарского государства. Попытки реформирования, проводимые в XVIII – начале XX веков путем заимствования европейских форм, лишь модернизировали, а кое-где вступили в противоречие с базовыми институтами России. Все «многообразные институциональные комплексы, регулирующие жизнь древних и современных государств, можно свести к двум институциональным матрицам. Одна из них – X-матрица, или восточная, поскольку характерна для большинства государств восточной части света. Другая – Y-матрица, или западная, поскольку ее имеют страны, традиционно называемые западным миром»¹³⁵.

Новосибирский социолог О.Э. Бессонова предлагает новую «интегрально-институциональную» парадигму цивилизационного развития, в основе которой лежит общая теория институциональных трансформаций¹³⁶. Примерно такой же

¹³³ Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Новосибирск : ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. – 305 с.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Бессонова, О. Э. Образ будущего России и код цивилизационного развития / О. Э. Бессонова ; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт экономики и организации промышленного

позиции придерживается и О.С. Сабден¹³⁷, предлагая на основе парадигмы цивилизационного развития авторские подходы к «инновационной экономике постиндустриальной цивилизации».

Автор О.Э. Бессонова исходит из необходимости разработки теории, которая могла бы смоделировать целостную картину мира путем не механического проецирования западного взгляда на незападные реалии, но через выстраивание на базе опыта и действительности той части мира, к которой с геокультурных позиций принадлежит Россия. Наиболее продуктивным в этом отношении представляется рассмотрение специфики развития и эволюции государств в принципе и России в частности, если говорить о «матричном» подходе. Важность понимания значения и перспектив изучения матриц демонстрируют российские ученые, применяя «матричный» подход при исследовании институциональной матрицы¹³⁸, антропологических матриц современного коммуникационного пространства¹³⁹, геокультурной матрицы¹⁴⁰.

Всякое государство обладает собственной цивилизационной матрицей, имеющей локальный характер, сквозь которую преломляются закономерности, имеющие общий характер, приобретая специфические свойства данной цивилизации, обуславливая особенности развития на каждом из универсальных этапов и предопределяя эволюционные процессы.

производства. – Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2007. – 124 с.

¹³⁷ Сабден, О. С. Системный подход к цивилизационному развитию человечества в XXI в / О. С. Сабден // Век глобализации. – 2016. – № 4(20). – С. 23-39.

¹³⁸ Бессонова, О. Э. Институциональная матрица социального государства и демократии в России / О. Э. Бессонова // Экономическая социология. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 50-67 ; Бессонова, О. Э. Контрактный раздаток и солидаризм - новая веха российской матрицы / О. Э. Бессонова // Мир России. Социология. Этнология. – 2019. – Т. 28, № 1. – С. 7-31.

¹³⁹ Марков, А. П. Метафизика инверсии культурно-антропологических матриц европейской цивилизации / А. П. Марков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 40. – С. 33-44 ; Кульков, Е. А. Антропологические матрицы современного коммуникационного пространства / Е. А. Кульков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 41-2. – С. 61-65.

¹⁴⁰ Путрик, Ю. С. Геокультурная матрица российской цивилизации как ресурс пространственного развития России / Ю. С. Путрик // Культурное наследие России. – 2018. – № 3. – С. 93-99.

Центральным элементом каждой локальной цивилизационной матрицы выступает институциональное ядро, которое увязывает в единую систему такие локальные реальные среды как материально-технологическая, природно-климатическая, национально-демографическая, культурно-религиозная¹⁴¹. В свою очередь, для историка Ю.Н. Афанасьева одним из главных элементов «русской колеи», наравне с вечной войной, является специфика русской власти, или православие при соседстве на огромных просторах двух разных культур – культуры «Леса» и культуры «Степи»: кочевого скотоводства и оседлости, воинов и хлебопашцев¹⁴².

Недаром исследователи и аналитики, размышляя об «эффекте блокировки», неоднократно указывали на важность учёта влияния предшествующего развития. Суть заключается в следующем: после выбора сущностных оснований системы изменения в сторону выбора будут идти легко, а в обратном направлении – весьма трудно. С точки зрения Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова, прекрасно демонстрирует этот «эффект блокировки» российская история нового и новейшего времени. Например, после революции семнадцатого года практически мгновенно, с позиции исторического времени, был ликвидирован институт частной собственности; советская Россия позиционировала себя как контр Европа; в постсоветский период после периода «дикого капитализма» начался новый виток авторитаризма, реанимировавший в конечном итоге и однопартийную систему¹⁴³.

Инерционная составляющая в парадигме зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого проявляет себя в рамках различных типов и измерений социальности. В итоге выявление векторов и траекторий социокультурной инерции как свойства социокультурной системы в парадигме

¹⁴¹ Бессонова, О. Э. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России / О. Э. Бессонова // Мир России. Социология. Этнология. – 2008. – Т. 17, № 2. – С. 108-139.

¹⁴² Афанасьев, Ю. Н. Мы - не рабы? / Ю. Н. Афанасьев // Континент. – 2008. – Т. 4, № 138. – С. 161-219.

¹⁴³ Нуреев, Р. М. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) / Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов ; Российский гос. ун-т им. Иммануила Канта, Балтийский межрегиональный ин-т общественных наук "Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее". – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – 530 с.

зависимости от предшествующего пути развития позволяет увидеть элементы преемственности (или квази-преемственности) между различными историческими эпохами в рамках культурной реальности.

Переходя к характеристикам современной российской действительности, В. Иноземцев исходит из того, что современная Россия – уникальная страна, для которой характерно причудливое переплетение квазисоветских и псевдозападных черт¹⁴⁴.

Поэтому и обращается внимание на то, что тот выбор, который делают люди (или то направление институциональных изменений, которого они начинают добиваться), в решающей степени предопределен всей предшествующей институциональной историей общества, которая преломляется через неформальные институты культурного характера – традиции, предпочтения и ценностные установки¹⁴⁵.

Сдерживающая сила социокультурной инерции особенно проявляется во время кризисов, когда российская элита пытается решить на первый взгляд противоположные задачи – сохранения и развития социокультурной системы и государственности. С большим соблазном пойти по простому пути и предложить не новые принципы социокультурного обновления, а различные формы воплощения (по инерции старых принципов), прежде всего возрождение триады: персоналистская власть, слияние власти и собственности, и наконец, стремление удержать сферы геополитического влияния.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, отметим, что многие экономисты, историки, культурологи, характеризуя влияние специфики исторического пути государства и общества на потенциал и эволюцию развития, пишут о наличии «исторической колеи», когда историческая необходимость

¹⁴⁴ Иноземцев, В. Л. Что случилось с Россией? От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму / В. Л. Иноземцев // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 6(74). – С. 6-16.

¹⁴⁵ Некрасов, В. Л. Path dependence и социально-экономическая трансформация регионов Сибири- / В. Л. Некрасов // Экономическая история Сибири XX - начала XXI века : материалы II Всероссийской научной конференции, 27-28 июня 2009 г., Барнаул. – 2009. – С. 236-242.

рассматривается как некая широкая колея, по которой люди сами прокладывают маршрут собственной истории.

Основы теории зависимости от предшествующего развития были заложены в 1980-е годы американским экономистом-историком П. Дэвидом, который сосредоточил внимание на проблемах институциональной инерции, задавшись вопросом, почему в текущих экономических условиях и в целом в сложившейся экономической системе далеко не всегда есть возможность реализовать институциональные новации.

Современные отечественные исследователи подчеркивают осознанное и неосознанное влияние различных традиционных образов и прецедентов на поведение современных россиян, которое получило название «зависимость от тропы» – («path dependency»). Учитывая относительную длительность и силу влияния советской эпохи, эта «тропа» в сегодняшней России глубже, чем в других посткоммунистических обществах; это обуславливает как более высокую степень зависимости от нее, так и трудности ее преодоления.

В итоге выявление сфер социальной инерции как свойства социальной системы в контексте зависимости от предшествующего пути развития позволяет обнаружить элементы преемственности (или квази-преемственности) между различными историческими эпохами в их социальном разрезе¹⁴⁶.

Сдерживающая или сохраняющая сила социокультурной инерции особенно сильно проявляется во время кризисов, когда ресурсы системы используются для формирования ответа на брошенный вызов. Однако кризис не только ведет к упрощению, но также и создает стимулы для развития, создания чего-то нового. К этому систему подталкивает необходимость интенсификации деятельности.

¹⁴⁶ Гнатюк, М. А. Воплощение инерционной составляющей в российском обществе в парадигме зависимости от предшествующего пути развития / М. А. Гнатюк // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3(195). – С. 9-13.

2.2. Советское общество в фокусе механизма культурно-исторической инерции

С указанных выше позиций советское общество предстает не просто как продолжение общества имперского периода российской истории в координатах преемственности ментальных характеристик при воспроизводстве социокультурных практик, о которых пойдет речь в данной части исследования, но и как реализация специфического механизма социокультурной инерции турбулентного типа, когда он способен обеспечить социокультурной системе траекторию устойчивого развития в экстремальной ситуации за счет повышения антиэнтропийного (энергийного) потенциала системы путем активизации культурных инвариантов.

Итак, реальность в России начинает меняться с утверждением нового политического режима в конце 1917 года. Октябрьская революция, как полагали советские политические лидеры и идеологи, стала рубежом, за которым началась новая эра, качественно отличавшаяся от всего, что до сих пор было известно в мире¹⁴⁷.

При этом, как подмечает известный отечественный историк Ю.Н. Афанасьев, в период с 1917 до начала 1930-х годов мы «вроде бы» не только из колеи вышли, но и радикально порвали с тем прошлым, в котором она образовалась и в рамках которого функционировала. Замахнулись даже – для начала в пределах одной страны, а потом как получится – на переделку (вместе с общественным устройством и отношениями собственности) и самого человека, «составляя» его из

¹⁴⁷ Геллер, М. Я. Машина и винтики: История формирования советского человека / М. Я. Геллер. – Москва : МИК, 1994. – 335 с ; Черняева, Е. Н. Формирование идеального образа советского человека в практиках художественной культуры 1920-х годов / Е. Н. Черняева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 26. – С. 163-170.

заранее предусмотренных, «правильных и необходимых» для реализации Замысла качеств¹⁴⁸.

Но уже совсем скоро начинает действовать механизм инерции прошлого. Представляется возможным выделить два среза проявления инерции прошлого: на функциональном уровне и на символическом.

В Советском Союзе элементы прошлого, и культурные и социальные, проявлялись особым образом: через «постановочный стиль» социальной жизни, основные элементы которого, без сомнения, были заимствованы из театральной сферы императорского периода. Как отмечает историк М. Левин, и советская «постановочность» и имперская «театральность» питались из одного культурного источника и преследовали одну цель – создание образа непобедимой силы¹⁴⁹.

Автор Н.Г. Щербинина исходит из того, что российское общественное сознание бесконечно клонирует образы прошлого, стирая границу между историческим прошлым и настоящим и переводя тем самым архаику в разряд одного из элементов современной политической культуры. Сакрализованное сознание неизбежно наполняется символами. Передача политической символики – свойство любого общественного сознания, но архаически-традиционное сознание сохраняет по преимуществу именно содержательно-сакральные символы¹⁵⁰.

Исследователь С. Новопрудский справедливо обращает внимание на то, что качество народа формируется качеством атмосферы в обществе, за которую ответственно государство: человек, чтобы творить, должен быть свободным, жить

¹⁴⁸ Афанасьев, Ю. Н. Мы - не рабы? / Ю. Н. Афанасьев // Континент. – 2008. – Т. 4, № 138. – С. 161-219.

¹⁴⁹ Левин, М. Советский век / М. Левин ; [пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской]. - Москва : Европа, 2008. – 675 с.; Муза, Д. Е. Русская цивилизация в фокусе аксиоцентрического смысловедения / Д. Е. Муза // Журнал института наследия. – 2018. – № 2(13). – С. 8.

¹⁵⁰ Щербинина, Н. Г. Героический миф в конструировании политической реальности России : специальность 23.00.01 "Теория и философия политики, история и методология политической науки" : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Щербинина Нина Гаррьевна. – Москва, 2008. – 295 с ; Калинин, А. А. Конструирование социальной реальности: социолингвистический аспект / А. А. Калинин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 52-55 ; Колесникова, Г. И. Воздействие на сознание в системе ведения сетевых войн: опыт социально-философского осмысления / Г. И. Колесникова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 3-2. – С. 311-314.

«благодаря», а не «вопреки»¹⁵¹. С. Миронин полагает, что многие особенности жизнеустройства, характерные для Советского Союза, зародились еще в императорской России. И царская Россия и СССР имели очень похожие системы власти лидера: царь и генеральный секретарь партии. При внимательном рассмотрении можно найти абсолютную зависимость царя и генсека от элиты, а также выявить признаки идеократического государства. Аналогичным по методам и целям было руководство культурой. Так, оперы до своей постановки в театре проходили в царской России рецензирование в театральном комитете, аналоге Союза Композиторов СССР. Например, весной 1870 г. опера «Борис Годунов» была представлена в театральном комитете, который ее забаллотировал. Прописка также была не только в Советском Союзе, но и в царской России. Перечень подобных примеров можно продолжить.

После стабилизации советской власти были восстановлены полицейские законы царской России. Так, Уголовный кодекс 1926 года содержал санкции против антиправительственных преступлений, которые ни по широте трактовки, ни по степени суровости существенно не отличались от законов, принятых царским режимом. В константах царизма можно найти и другие основные черты советского строя: регулирование цен; низкие цены на энергоносители и «присвоение» на государственном уровне разницы между внутренними и внешними ценами при товарном экспорте; централизованные решения об индустриализации, мощное развитие военных технологий и промышленности не на рыночных принципах, а на основе административно-командной системы¹⁵².

По оценкам американского историка, известного специалиста по России Дж. Биллингтона, «...множество корней связывало Сталина с российским прошлым. Его пристрастие к огромным армиям с несметным количеством пушек продолжает давнюю традицию, уходящую во времена Ивана Грозного. Его

¹⁵¹ Новопрудский, С. В. Инстинкт варвара / С. В. Новопрудский // Новая газета. – 2012. – 10 окт.

¹⁵² Миронин, С. С. Экономика царской России / С. С. Миронин // Золотой лев. – 2009. – № 105-106. – С. 22-31 ; Одинаев, А. Н. Аграрная политика царской России в долине Зеравшана в конце XIX - начала XX / А. Н. Одинаев // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2018. – № 1(54). – С. 35-43.

концепция воспитания, основанная на ксенофобии и палочной дисциплине, воскрешает в памяти Магницкого, Николая I и Победоносцева. Все официозные художественные стили сталинской эпохи – фотографические плакаты, симфонии социализма, пропагандистские романы и отрывистая гражданская поэзия – выглядят как уродливая вульгаризация основных стилей 1860-х гг...»¹⁵³

Так работала «колея» в интересах нового политического класса, обслуживающего диктатора. При этом С.Н. Гавров обращает внимание на то, что в «...современном нам постсоветском периоде в ослабленном и сниженном виде воспроизводятся системные изъяны и пороки сформировавшейся в Московском царстве, Российской империи, СССР социокультурной традиции «Русской Системы». И именно *наследование* этим порокам и изъянам, несмотря на уже отмеченное нами уменьшение глубины и снижение интенсивности традиционного социокультурного раскола, позволяет говорить о возможной открытости этого катастрофического ряда отечественной истории...»¹⁵⁴.

Парадокс проявления инерции прошлого в советском обществе заключался в том, что она функционировала в условиях основанного на марксистско-ленинской идеологии тоталитарного строя, отбросившего, казалось бы, всякие упоминания о прошлом.

Отечественный философ Н.С. Смолина не без оснований исходит из того, что тоталитаризм начинает доминировать в процессе модернизации. В рамках такого понимания логики изменений советское общество выступает как общество догоняющей или форсированной модернизации. «Смысловая логика теории тоталитаризма вписывается в общегуманитарную модернизационную (транзитологическую) логику: их лейтмотивом является «модернизационный императив», предполагающий неумолимость общих законов прогресса, неизбежно

¹⁵³ Биллингтон, Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры / Дж. Х. Биллингтон; [Пер. с англ. С. Ильина и др.]. - Москва : Рудомино, 2001. - 879 с.

¹⁵⁴ Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи : Социокультурные аспекты модернизации процессов в России / С. Н. Гавров ; Науч. совет Рос. акад. наук по изучению и охране культур. и природ. наследия. – Москва : УРСС, 2004. – 352 с ; Колесникова, Г. И. Социальная политика России: концепция развития личности в 21 веке / Г. И. Колесникова // Международный научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 112-116.

реализующихся в любом обществе. При отождествлении «советского» и «тоталитарного» основными сюжетами в исследованиях становятся тоталитарное сознание, социализация личности, понятая как ее индоктринация и идеологизация»¹⁵⁵.

Октябрь 1917 г. стал исходной точкой начала тоталитаризма в России, а оплотом тоталитарного режима – единая централизованная власть в виде главенствующей партийной элиты. В центре тоталитарной организации – вождь. Постепенно стала оформляться система «партия-государство».

Безграничная власть партийного аппарата и объединение в неразрывное целое партийных функций и государственных стали сущностной особенностью режима личной власти – культа личности Сталина. Историк М. Левин подчеркивает, что Сталин при этом все глубже идентифицировал свой режим с имперским прошлым России и стремился использовать старые традиции для его поддержания¹⁵⁶. В новых социальных и политических условиях государство ставило человека в состояние полной зависимости от себя, а режим вынуждал людей не только подчиняться, но ежеминутно демонстрировать преданность. Формируется новая, весьма причудливая социальная структура.

На новую социальную реальность в условиях формирования тоталитаризма накладывались социокультурные элементы прошлого как неявная установка на социальную инерционность. Автор Д. Биллингтон пишет даже об экспроприации большевиками популистского мифа о «народе». «Смутно заманчивая популистская вера в то, что «народ» располагает врожденными задатками для строительства нового социалистического порядка, позволяла большевикам маскировать орудия

¹⁵⁵ Смолина, Н. С. Советское/постсоветское как объект социально-философского анализа (проблематизация коллективной идентичности) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Смолина Наталья Сергеевна. – Екатеринбург, 2009. – 221 с.

¹⁵⁶ Левин, М. Советский век / М. Левин ; [пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской]. - Москва : Европа, 2008. – 675 с ; Слатинов, В. Б. Трансформация приоритетов политического управления государственной гражданской службой России в ситуации режимных изменений: от "реформирования" к "развитию" / В. Б. Слатинов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 3. – С. 164-172.

государственного контроля лексиконом народного освобождения. Без этой широко распространенной веры в «народ» как возрождающую жизненную силу большевикам было бы значительно труднее убедить русский народ и самих себя в нравственной оправданности насильственных санкций»¹⁵⁷.

Исследователь А. Шубин с определенной долей иронии говорит о том, что в молодом советском государстве сквозь новые названия и формы неумолимо проступала старая тысячелетняя Россия. «Власть осталась авторитарной, и непривычный для самодержавной старины вид обитателей Кремля не мешал обывателям рассуждать о том, что царь теперь – Ленин, Троцкий – главный генерал, а председатель Московского совета Каменев – вроде столичного генерал-губернатора»¹⁵⁸.

Рассмотрение советского общества и практик его «вождей» неизбежно заставляет обратить внимание на инерционную составляющую, а выявление и экспликация различных инвариантов и векторов социокультурной инерции как свойства социальной системы позволяет проследить элементы квазипреимственности между царской Россией и советским периодом истории. К примеру, Дж. Биллингтон пишет, что в конце сталинской эпохи тем, звучащих эхом минувшего, было множество – тема войны и ее влияния, тема дилеммы деспотического реформаторства и т.п.¹⁵⁹ Автор М. Левин исходит из того, что «советское бюрократическое государство» унаследовало многое из старых царских

¹⁵⁷ Биллингтон, Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры / Дж. Х. Биллингтон; [Пер. с англ. С. Ильина и др.]. - Москва : Рудомино, 2001. - 879 с.; Копылова, Т. Р. Молчание: от концепта к русскому коммуникативному поведению (особенности формирования) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2015. – Т. 25, № 2. – С. 27-32; Логинова, М. В. Метафора молчания в современной культуре: теоретический аспект / М. В. Логинова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 4. – С. 111-117.

¹⁵⁸ Шубин, А. В. Вожди и заговорщики / А. В. Шубин. - Москва : Вече 2000, – 396 с.; Дутова, Н. В. Коммуникативные стратегии и тактики в аспекте культурологического параметра "дистанция власти" / Н. В. Дутова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-3(90). – С. 513-525.

¹⁵⁹ Биллингтон, Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры / Дж. Х. Биллингтон; [Пер. с англ. С. Ильина и др.]. - Москва : Рудомино, 2001. - 879 с.

институций и тем самым продолжило царскую традицию государственного строительства»¹⁶⁰.

Что же можно отнести к подобному наследованию? Прежде всего, это *инерция самодержавного правления*, которая оказалась столь «удачной» для большевистского всевластия на новом витке исторического развития России.

Еще Н.М. Карамзин исходил из того, что самодержавие представляло собой «умную политическую систему», прошедшую длительную эволюцию и сыгравшую уникальную роль в истории России. Эта система считалась «великим творением князей московских», начиная с Ивана Калиты, и была сложной конструкцией, опирающейся на определенные традиции и государственные и общественные институты. Возникшее в условиях тяжелейшей борьбы с татаро-монгольским игом самодержавие, согласно Карамзину, было безоговорочно принято русским народом, поскольку ликвидировало не только иноземную власть, но и внутренние междоусобицы.

В свою очередь, согласно графу Уварову, самодержавие представляет «главное условие политического существования России», это фундамент, на котором держится все российское государство. Историческую роль самодержавия Уваров усматривал в том, что оно «соединило расторгнутые члены Государства и уврачевало язвы его»¹⁶¹.

Современные отечественные исследователи исходят из того, что самодержавие утвердилось на Руси как главный государствообразующий институт. А при доминировании в культуре «отцовской» матрицы, не содержащей в себе оснований для легитимации полномочий и интересов элиты, последняя всегда

¹⁶⁰ Левин, М. Советский век / М. Левин ; [пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской]. - Москва : Европа, 2008. – 675 с.

¹⁶¹ Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Книга истории и культуры : альманах: в 5 книгах. Том Книга 1. – Москва : Издательство "Эллис Лак", 1995. – С. 68-78.

вынуждена прислоняться к властителю-отцу, такой легитимностью наделенному¹⁶².

Достаточно отчетливо проявилась также инерция бюрократизации, которая наложилась на новые социально-политические и управленческие реалии.

Как пишет М. Левин, созданная Сталиным сверхдержава была, и должна быть, бюрократической. Таково определяющее качество государства, владеющего всеми ресурсами страны. Обращение к историческим прецедентам, продолжает этот автор, естественно везде, но в случае советского государства это выражено особенно ярко. На практике сталинская Россия восприняла идеологические принципы царского государства на почти официальном уровне¹⁶³.

Дореволюционная Россия представляла собой бюрократическое государство. Инерция бюрократизации наложилась на новые социально-политические и управленческие реалии уже в условиях советской эпохи. Но появился новый феномен – номенклатура. Советская номенклатура – это, в сущности, новый класс, а не просто чиновничество¹⁶⁴.

Номенклатура представляла собой верхний слой партийно-советской бюрократии, с тенденцией превращения ее в как бы связанную круговой порукой замкнутую касту. Те, кто попал в номенклатуру, переходили с должности на должность, тасовались, подобно колоде карт. Работники, которые «проштрафились», обнаруживали некомпетентность, профессиональную непригодность, передвигались на другие, менее значимые посты, но практически всегда оставались в номенклатуре.

Отчетливо проявлялась также *инерция принудительного труда*, идущего от старой России и востребованная новой властью.

¹⁶² Ахиезер, А. С. История России: конец или новое начало? / А. С. Ахиезер, И. М. Клямкин, И. Г. Яковенко ; Фонд "Либеральная миссия". – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Новое издательство, 2008. – 464 с.

¹⁶³ Левин, М. Советский век / М. Левин ; [пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской]. - Москва : Европа, 2008. – 675 с.

¹⁶⁴ Гнатюк, М. А. Тематически-смысловые аспекты проявления инерции прошлого в советском обществе: социально-философский подход / М. А. Гнатюк // Философия права. – 2017. – № 3(82). – С. 7-10.

Автор А.Л. Темницкий полагает, что неэкономическую зависимость российских рабочих от руководителей предприятий можно рассматривать как одну из универсальных традиций в сфере труда. Это родовая черта российского рабочего. Господство зависимого принудительного труда рабочих было заложено в генезисе российских фабрик и воспроизводилось в той или иной мере на последующих исторических этапах. Это воспроизводство осуществлялось как под влиянием *инерции* в трудовой культуре, так и под влиянием целенаправленной политики государства по возвышению идеологических форм принуждения к труду над экономическими¹⁶⁵.

Тот же М. Левин исходит из того, что в СССР государство восстановило традицию, бытовавшую при царском режиме (по крайней мере, до отмены крепостничества в 1861 г.) – прикреплять рабочую силу к строго определенному месту¹⁶⁶.

Действительно, использование в русской мануфактуре в XVII в. преимущественно крепостного люда в виде приписных, оброчных или помещичьих крестьян делало мануфактуру крепостническим, полуфеодальным предприятием.

В советский период опора на привлечение принудительного труда позволило решить многие задачи индустриализации. Усилиями заключенных прокладывались каналы, железные дороги, возводились промышленные объекты. Значительное число заключенных было занято на добыче золота, цветных металлов. Трудом спецпереселенцев, объединенных в колхозы и совхозы, раскорчевывались и осваивались новые земли, много их было занято в угольной, лесной промышленности. Государство провозглашало политику «исправления принудительным трудом», в которой, по мнению многих, было больше лицемерия, чем реализма.

¹⁶⁵ Темницкий, А. Л. Социальные и культурные проявления институтов неэкономической зависимости в сфере труда российских рабочих / А. Л. Темницкий // Историко-экономические исследования. – 2007. – Т. 8, № 2. – С. 91-121 ; Кознова, И. Е. Большевики и крестьянство в годы нэп: мобилизуя память о революции / И. Е. Кознова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3(47). – С. 33-43.

¹⁶⁶ Левин, М. Советский век / М. Левин ; [пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской]. - Москва : Европа, 2008. – 675 с.

Проводимая новым правительством политика тотальной коллективизации вызвала тяжелые социально-экономические последствия. Особенно в период с 1929 по 1932 годы пострадала деревня: снизилось валовое производство зерна (на 10 %); сократилось поголовье лошадей и крупного рогатого скота (на 1/3). Трагичным результатом этого истребления стал голод 1932-1933 годов: голодало около 28 млн. человек. В этот период для получения валюты для индустриализации страны за границу было отправлено 18 млн. центнеров зерна. После введения паспортной системы в 1932 году положение крестьян стало ещё более плачевным, поскольку паспорта этой категории граждан не выдавались, что фактически было видоизменным крепостным правом, только в качестве помещиков выступило государство¹⁶⁷.

В обществе отчетливо проявлялась инерция социокультурного раскола. А.С. Ахиезер, разрабатывая свой подход к изучению специфики российского общества, стремился сблизить культурную антропологию и теоретическую социологию. Его преимущественно интересовало то, каким образом происходит содержательное наполнение культурных составляющих, а также преобразование и воплощение культурных кодов (ценности, образы, неосознаваемые программы) в культурные смыслы и их реализация вовне в виде социальных действий. Концепт социокультурного раскола в итоге обрел отчетливую семантическую и эмпирическую смысловую нагрузку.

В книге «Россия: критика исторического опыта»¹⁶⁸ (А.С.Ахиезер., 1991) А.С.Ахиезер в качестве главного исторического феномена истории России выделил социокультурный раскол: одновременное существование в одном историческом периоде и в одном обществе разнонаправленных ценностных систем, стоящих на пути процессов рационализации. С точки зрения А.С.Ахiezера, Россия зажата в

¹⁶⁷ Малашенко, И. В. Налоговая политика советского государства в Брянской деревне в первые годы нэпа / И. В. Малашенко // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 2(36). – С. 98-106.

¹⁶⁸ Ахиезер, А. С. Россия. Критика исторического опыта : социокультурная динамика России / А. С. Ахиезер ; Российская Акад. Наук, Ин-т философии РАН. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Новый хронограф, 2008. – 934 с.

тиски двух цивилизаций, которые, одновременно сосуществуя в едином пространстве, находятся в состоянии латентного кризиса с периодами обострения.

На новой волне социокультурного раскола на поверхность социума «всплыли» низшие классы.

С ликвидацией установки на социальность в том виде, в каком она сформировалась в России к XX веку, строители социализма пробудили и вызвали к жизни все самое худшее, что есть в человеке и что составляет его природную основу, – его животные инстинкты и эгоизм¹⁶⁹. Так, уже в новых условиях заработала сила инерции, когда в обществе все более активно стало проявлять себя люмпенство.

Кроме того, следует отметить инерцию манипулирования массовым сознанием и общественным мнением. В императорской России манипулированию также придавалось существенное значение, но в СССР это явление начинает играть особую роль. Ресурсами властвующих субъектов становилось то, что связано с «вектором силы», властными и статусными полномочиями, «административным ресурсом»; манипулятивными социальными технологиями; средствами идеологического оболванивания масс. «Особую роль в процессах властного воспроизводства обретает кратократический принцип – партийно-вождистская и идеологическая преемственность, которая строится на сложном сочетании (псевдо) династического и (псевдо) сакрального»¹⁷⁰. В основе манипулятивных технологий лежит целенаправленное влияние на мотивацию людей, их сознание и социальное поведение. Управление мотивацией связано с таким воздействием на мотивационную сферу человека, когда последний далеко не всегда может оценить степень и характер этого воздействия.

«Схема воздействия на сознание «...» включает в себя следующие этапы. Этап 1. Детерминация социального пространства через насыщение его при помощи

¹⁶⁹ Афанасьев, Ю. Н. Мы - не рабы? / Ю. Н. Афанасьев // Континент. – 2008. – Т. 4, № 138. – С. 161-219.

¹⁷⁰ Глебова, И. И. Образы прошлого в структуре политической культуры России : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Глебова Ирина Игоревна. – Москва, 2007. – 292 с.

специальных методов подбора информации исходя из цели воздействия. Этап 2. Индивидуальное сознание личности, воспринимая информацию, воздействует на социальное сознание. Этап 3. Социальное сознание, в свою очередь, производит перестройку сознания индивидуального. В результате «перестройки» индивидуального сознания личность попадает в жестко детерминированную социальную среду, сохраняя при этом уверенность, что ее деятельность носит самостоятельный характер»¹⁷¹. То есть, субъект управления при помощи специальных приёмов и методов воздействует на сознание масс, групп, личности, преследуя только свои интересы.

«Изучая положение молодежи в России 1920-х гг., современный историк Рожков пишет, что большевики пытались сформировать пространство обитания и социокультурную атмосферу, в которой бы молодой человек «правильно» жил и развивался. Выражаясь театральной терминологией, власть создавала социальные декорации, на фоне которых он должен был осваивать и играть свои социальные роли. Были открыты новые школы, вузы, театры, клубы, наполненные молодым рабоче-крестьянским людом, не имевшим ранее возможности всем этим пользоваться. Большевики пытались написать свой сценарий образа жизни «нового человека» и заставить молодежь вызубрить его наизусть, строго следовать ему в любых жизненных ситуациях. Посредством различных каналов пропаганды они пытались внедрить в сознание молодежи свои идеи»¹⁷².

Тоталитарные режимы выступают как «инсценирующие диктатуры», «тотальный театр», которые создают в сознании масс при помощи специально организованного воздействия, используя все ресурсы, включая СМИ, телеологическую картину мира в динамике «от темного прошлого» – «через

¹⁷¹ Колесникова, Г. И. Воздействие на сознание в системе ведения сетевых войн: опыт социально-философского осмысления / Г. И. Колесникова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 3-2. – С. 311-314.

¹⁷² Рожков, А. Ю. Молодой человек в советской России 1920-х годов повседневная жизнь в группах сверстников: Школьники, студенты, красноармейцы : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Рожков Александр Юрьевич. – Краснодар, 2003. – 44 с.

прекрасное настоящее» – «к светлому будущему». Хотя стоит также отметить, что театрализация присуща власти в целом – любой, не только тоталитарной, но и демократической, и возможно, даже в большей мере. Достаточно обратиться к работе Дж. Агамбена «Царство и слава», где он показывает этот момент прославления, без которого нет власти¹⁷³.

В экономике это распределение дефицита, в политике – распределение власти, в конфигурации социума – создание системы контроля над человеческой личностью по всем координатам и параметрам. Все это дополняется тотальностью контроля, существованием единого плана и свободой властей на применение насилия для перемещения человеческих ресурсов. На уровне же культуры и культурных практик прославление выходит за рамки политической определенности и может трактоваться как более фундаментальная традиция и практика.

Выявление тематически-смысловых аспектов инерции прошлого в советском обществе свидетельствует о том, что инерционность проявлялась и через собственно советские феномены. Так, инерция агрессивности и психологии «осажденной крепости» сказывалась на протяжении всего советского периода, хотя после смерти Сталина стала несколько приглушенной. Возможно, что ответом на эту специфику будет реальное противостояние с западными странами.

В Советском Союзе широко было распространено доноительство. Так, Ф.-К. Нерар, историк, тщательно проанализировал процесс замены в Советском Союзе форм протеста (забастовки, демонстрации, собрания) на формы подчинения (субботники, праздничные демонстрации) и сделал вывод, что единственным способом выражения недовольства официально оставленный народу властью стали письма: «Размах доноительства в сталинском СССР, вне сомнения, держится на внутренней потребности, на отсутствии альтернативы. Нет другого способа

¹⁷³ Агамбен, Д. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Д. Агамбен ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. – Москва, Санкт-Петербург : Издательство Института Гайдара, 2018. – 552 с.

пожаловаться, нет другого способа выразить ненависть, свое неблагополучие, свое отчаяние»¹⁷⁴.

Согласно З. Бауману, известному социологу, одним из универсальных способов достижения и удержания власти является формирование ситуации «официального страха»: достигая космических масштабов, страх формирует новую разновидность посредников (сексотов) между массами и властью и существование этой новой «касты» ещё более увеличивает страх, утверждая тем самым всемогущество власти¹⁷⁵. Круг замыкается: власть порождает страх, страх утверждает её беспредельность, беспредельность увеличивает власть. Никто не уверен в своей безопасности – все уязвимы: «...Сталин был истинным мастером массового производства ощущения уязвимости и отсутствия безопасности, и как следствие, «официального страха»...»

Как писал В. Турчин, оба условия постепенной демократизации, давление снизу и способность к реформам наверху, не выполняются у нас, в сущности, из-за страха, а точнее, из-за *инерции страха*, вошедшего в нашу жизнь при Сталине. Страх, который парализует общество, это страх сталинских жертв, страх, испытываемый властью, – страх самого Сталина. Пришедший к власти в результате невиданного в истории террора, Сталин подозревал каждого в тайном вынашивании планов возмездия, в каждом видел скрытого врага¹⁷⁶.

Собственно советским явлением стала и *инерция «ресурсно-сырьевого проклятия»*, когда сырьевая экономика почти автоматически воспроизводит ресурсный социум. Недаром в современной России все чаще со стороны либеральных экономистов звучит призыв «выйти из колеи ресурсного развития», что означает преодоление вековой традиции.

¹⁷⁴ Нерар, Ф. К. Пять процентов правды : разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928-1941) / Ф. К. Нерар ; Франсуа-Ксавье Нерар ; [пер. с фр. Е. И. Балаховской] ; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и др.. – Москва : Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2011.

¹⁷⁵ Дианов, С. А. Социалистическое соревнование в органах советской цензуры в эпоху "сталинизма" (по материалам Урала) / С. А. Дианов // Научный диалог. – 2013. – № 1(13). – С. 35-45.

¹⁷⁶ Турчин, В. Ф. Инерция страха : социализм и тоталитаризм / В. Ф. Турчин. - Изд. 2-ое. - Нью Йорк : Хроника, 1978. - 296 с.

Ресурсный социум, базирующийся на сырьевой экономике, как считает А. Лебедев, предполагает некое «освящение» и власти, и государства как «дарителей» благ народу. В такой атмосфере у власти формируется отношение к народу как одному из ресурсов, которыми оно владеет, причём ресурсу возобновляемому, который только надо держать в определённом состоянии, и здесь на помощь приходят политтехнологии. Ресурсно-сырьевой способ существования автоматически сдвигает систему ценностей от индивида, гражданина, общества, народа к полюсу государства и власти. В идеологии это ведет к культу государственничества и великодержавности. Ценности общего и целого начинают превалировать над ценностями индивида и приватности¹⁷⁷.

Так, в новых социально-политических условиях в советском обществе все более явно проявлялась инерция прошлого, когда власть ставила человека в состояние полной зависимости и подчиненности. Режим вынуждал граждан не только повиновения, но постоянной демонстрации преданности. Причем ряд выделенных черт следует отнести к более универсальным культурным практикам, сшивающим не только эти два периода в истории государства, но относящимся к властным практикам в принципе.

Таким образом, следует подчеркнуть, что выявление и экспликация социокультурного механизма проявления инерционной составляющей в российской исторической реальности опирается на понимание последней как фрагмента, среза социально-политической или социокультурной реальности, который позволяет зафиксировать и оценить различные модусы проявления инерционной составляющей.

Исторически обусловленные национальные, культурные и духовно-религиозные традиции, определяющие особенности менталитета, играют основополагающую роль в деле формирования и воспроизводства базовой составляющей социокультурного механизма проявления инерционной

¹⁷⁷ Лебедев, А. Е. Россия XXI века: образ желаемого завтра. / А. Е. Лебедев. – Текст : электронный URL: <https://www.alebedev.ru/news/media/rossija-xxi-veka-obraz-zhelaemogo-zavtra> (дата обращения: 02.08.2024).

составляющей. В плоскости исторической реальности в социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в контексте исторической реальности входят такие компоненты как образ прошлого, воспроизводящийся в процессах социальной инерционности; инерция восточного вектора социокультурного развития; инерция смуты; инерция ностальгии и мобилизации перед лицом опасности.

В плоскости исторической реальности российского общества фактор инерционности в социокультурных изменениях наиболее явно активизируется в периоды социальных потрясений и кризисов, когда общество не готово к инновациям (культурным вариантам) и в стремлении к самосохранению актуализирует опыт прошлого (культурные инварианты), адаптируясь к изменившейся социокультурной реальности. Этот опыт содержит в себе в качестве устойчивых ориентиров исторического выбора, сформировавших «историческую колею» турбулентного типа, характеристики-антиномии на основе указанных нами компонентов инерционности: «порядок (сильная власть) - свобода (смута, бунт, анархия)», «ностальгия» - «активность», «Восток-Запад» и др. Данные культурные инварианты активизируются в историческом сознании в зависимости от исторической ситуации, культурного опыта, поколенческой специфики.

В результате социокультурного механизма проявления инерционной составляющей в российской исторической реальности выявляется его особенность как механизма турбулентного, проявляющегося тем ярче, чем нестабильнее историческая ситуация, и направленного на самосохранение и воспроизводства социокультурной системы. В такой своей особенности этот механизм содержит в себе ресурсный потенциал стратегического, долговременного развития, как и вариативность отсутствия такого развития. Его роль может ограничиться «спасательной функцией», и потому в период стабилизации его функциональность резко понижается, вплоть до дисфункциональных проявлений, но может стать полноценным драйвером развития на основе собственного социокультурного ядра.

Выявление векторов и траекторий социокультурной инерции как свойства социокультурной системы в координатах исторической реальности позволяет проследить элементы преемственности между императорской Россией и советским периодом истории, между советской и постсоветской эпохами, понять, что прецеденты, социальные рутины и поведенческие практики, унаследованные от советского прошлого, с одной стороны, становятся своеобразным защитным ресурсом в противоречивых условиях переходного периода, с другой – в различных своих инвариантах выступают сдерживающим фактором на путях обновления, особенно когда период турбулентности сменяется относительной стабильностью и общество нуждается в инновациях.

Выявление тематически-смысловых аспектов проявления инерции прошлого в советском обществе позволяет прояснить сложные отношения между властью и обществом в условиях тоталитарного «самодержавного» правления. В новых социальных и политических условиях государство ставило человека в состояние полной зависимости от себя, а режим принуждал не только к полному повиновению, но и демонстрации преданности. Формировалась новая реальность, на которую в условиях формирования тоталитаризма накладывались социокультурные элементы прошлого как неявная стратегия социальной инерционности. Обратной стороной подобного патернализма можно признать чувство защищенности советского человека. Инерция обеспечивает не только преемственность, но и стабильность, что считывается коллективным сознанием и транслируется в обществе.

Рассмотрение советского общества и практик его «вождей» неизбежно заставляет обратить внимание на инерционную составляющую, а выявление и экспликация различных векторов социальной инерции как свойства социальной системы позволяет проследить элементы квазипреемственности между царской и императорской Россией и советским периодом истории. Советское бюрократическое государство унаследовало многое из старых институций эпохи Российской империи и тем самым продолжило царскую традицию

государственного строительства и управления. Эта эволюционность управленческих практик обеспечила устойчивость государства в период потрясений гражданской войны и в последствии мировой. Мы снова подчеркиваем неоднозначный характер механизма инерции, сохраняющей и ограничивающей одновременно.

Инерция самодержавного правления, оказалась столь «удачной» для большевистского всевластия на новом витке исторического развития России. Достаточно отчетливо проявилась также инерция бюрократизации, которая органично наложилась на новые социально-политические и управленческие реалии. Отчетливо проявлялись также инерция принудительного труда, идущего от старой России и востребованная новой властью.

В обществе отчетливо проявлялась также инерция социокультурного раскола, а концепт социокультурного раскола в итоге обрел отчетливую семантическую и эмпирическую нагрузку. На новой волне социокультурного раскола «всплыли» на поверхность социума низшие классы. Новой властью была также подхвачена инерция манипулирования массовым сознанием и общественным мнением. Другой же стороной этого процесса являлось создание беспрецедентной по своей эффективности и гуманистическому потенциалу системы образования. Потребность индустриализации, повышения культурного уровня населения актуализировали самые позитивные потенции социокультурной инерции.

Выявление тематически-смысловых аспектов инерции прошлого в советском обществе свидетельствует, что социальная инерционность проявлялась и через собственно советские феномены. Так, инерция агрессивности и психологии «осажденной крепости» сказывалась на протяжении всего советского периода, хотя после смерти Сталина стала несколько приглушенной. Не менее значимой оказалась инерция страха – порождение сталинской тоталитарной системы. Собственно советским явлением стала и инерция «ресурсно-сырьевого проклятия», когда сырьевая экономика почти автоматически воспроизводит ресурсный социум.

Так, в советском обществе все более явно проявлялась функциональная значимость инерции прошлого, когда власть ставила человека в состояние полной зависимости и подчиненности.

ГЛАВА 3. СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Одно из следствий нарастающего функционального доминирования социокультурной инерционности в современном российском обществе – выбор в начале XXI столетия процессов становления институтов демократического общества и рыночной экономики. В данном аспекте исследования в третьей главе будут рассмотрены аспекты, связанные с динамикой инерционной зависимости настоящего от советского прошлого; инерцией державного величия в социокультурном пространстве и культурных практиках общества; феноменом «социального повторения» в ходе институциональных и ценностных изменений современного российского общества.

3.1. Динамика инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого

Автор К. Платт отмечает: в 1990-е годы в России предполагали, что общественное и экономическое преобразование возможно только при кардинальном отходе от всего «советского». «Ныне же в публичном дискурсе преобладают два способа аффективного подхода к советскому прошлому: модус травмы и модус ностальгии. В одном случае скорбят о травмах советской истории: репрессиях, лагерях, расстрелах, несвободах. В другом – ностальгируют по

утраченному: ценностям, продуктам, одежде, невинности, идеализме. И, подобно двум темпоральным горизонтам августа 1991 года, эти модусы почти не соприкасаются»¹⁷⁸.

Этому автору вторит И. Калинин, обративший внимание на то, что парадоксальность присутствия советского прошлого в современном общественном сознании и массовой культуре не исчерпывается травматическими эффектами, связанными с непрекращающимся переживанием (и проживанием) этого прошлого, с актуальным противостоянием между различными способами его восприятия и описания. Не исчерпывается оно и более фундаментальным разрывом между ностальгическим отождествлением с былым советским величием и болезненным ощущением не только самой утраты, но и невозможности вернуться к уже утраченному¹⁷⁹.

Действительно, российское общество все еще не является постсоветским, хотя данный концепт активно используется в социально-гуманитарном знании¹⁸⁰, с той оговоркой, что далеко не для всех живущих. Здесь важен поколенческий взгляд на проблему, поскольку по справедливому, на наш взгляд, замечанию Р. Инглхарда, ценности изменяются очень медленно и вместе со сменой поколений. То же можно сказать и опираясь на труды М.К. Петрова, для которого передача знания от поколения к поколению связана с индивидуальной апробацией через полученный опыт. Нарастание этого опыта как раз и приводит к сдвигам по системе ценностей и культурных практиках. Поэтому общество не стало постсоветским для более возрастных категорий, тогда как для молодежи уже стало таковым.

Многие аналитики обращают внимание на то, что современная Россия немало унаследовала из советского опыта. Так, известный политический философ

¹⁷⁸ Платт, К. М. Ф. Аффективная поэтика 1991 года: ностальгия и травма на Лубянской площади / К. М. Ф. Платт // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 4(116). – С. 199-215.

¹⁷⁹ Калинин, И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт / И. Калинин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 6(74). – С. 6-16.

¹⁸⁰ Урунова, Х. У. Менталитет нации и глобализационные процессы современности (социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Урунова Хаминачон Умарбоевна, 2019. – 216 с.

В.П. Макаренко исходит из того, что современной России присуще воспроизводство основных черт советского прошлого: передел собственности и возникновение на этой базе новых социальных групп; усиление социального неравенства; практически безраздельная власть политической бюрократии; рост социальной несправедливости; попираание властью прав человека и гражданина; компромисс между крайностями в диаде «коммунизм – национализм» и зависимость социальных наук от идеологии и политических течений. Организационные структуры гуманитарного знания наследуют сложившуюся при Сталине колониально-имперскую модель отношения между наукой и властью, когда власть диктует ученым способы и формы поведения. Россия наследует опыт СССР, в котором хитрость и обман стали нормой, поскольку государство искажало и утаивало информацию. Современная российская политика – средоточие лжи. Фактически запущен уже процесс, незаметный для большинства, возврата на символическом уровне к закрытому обществу под видом коммерческого продукта. Государственническая версия отечественной и мировой истории стала нормой восприятия настоящего и прошлого. Все другие оценки отсекаются¹⁸¹.

Согласно И. Калинину, официальная политика современной политической элиты, направленная на возвращение тех или иных форм и символов *советского* и на апологетическое переписывание драматических страниц советской истории, не раз становилась объектом критики. В соответствии с этой аналитической схемой власть перенимает механизмы государственного управления, экономического контроля, подавления социальной и институциональной дифференциации. Кроме того, советское прошлое зачастую описывается как основной ресурс символической легитимации нынешнего режима¹⁸².

Этот «системно воспроизводящийся механизм» и порождающая динамика инерционной зависимости настоящего от советского прошлого обусловлены

¹⁸¹ Макаренко, В. П. Проблема когнитивного сопротивления / В. П. Макаренко // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2012. – № 2. – С. 79-88.

¹⁸² Калинин, И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт / И. Калинин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 6(74). – С. 6-16.

желанием сохранить «фрагменты» прошлого в социальной реальности постсоветского периода при помощи апелляции к «травматической «зависимости» от пройденного исторического пути. Но с другой стороны – это эволюционное развитие социокультурной системы и воспроизводство сложившихся административно-управленческих практик. Более того, учитывая глобальность произошедших изменений, можно предположить, что в них также должны произойти столь же глобальные изменения.

Для Н.С. Смолиной способами социальной адаптации становятся методы преодоления социальной травмы прошлого. «Советское», актуализируемое массами постсоветского пространства, становится частью адаптационных процессов¹⁸³. Адаптируясь, люди используют известные им из советского периода стратегии и практики. В данном контексте «советское» играет роль терапевтического средства, поскольку применяется для «залечивания» травмированного сознания¹⁸⁴.

Таким образом, «...Понятие «ностальгия» маркирует и определенную структуру коллективной идентичности, где образ «мы» формируется вокруг «настоящего» и «прошлого». В этом случае характеристики «прошлого» более вняты и очерчены, нежели характеристики «настоящего». В постсоветской действительности ностальгия существует в тотально визуализированном медийном пространстве, предлагающем человеку множество продуктов для ностальгирования (кино, советские песни, советские предметы, интернет-ресурсы). Иными словами, современное информационное общество создает определенные условия для существования ностальгии как социальной формы преодоления коллективной травмы»¹⁸⁵. Заметим также, что ностальгия может ассоциироваться с

¹⁸³ Гринь, М. В. Трансформация идеологического пространства в условиях глобализации: проблемы и перспективы : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Гринь Максим Валентинович, 2018. – 406 с.

¹⁸⁴ Смолина, Н. С. Советское/постсоветское как объект социально-философского анализа (проблематизация коллективной идентичности) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Смолина Наталья Сергеевна. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.

бездействием. В случае с социокультурными механизмами ностальгия не только имеет терапевтический эффект – за ней должно следовать действие.

Механизм и динамика инерционной зависимости настоящего от советского прошлого связаны с вторичной переработкой советского символического порядка. С. Ушакин, обращая внимание на это обстоятельство, пишет о «формальной привычности» символов советского прошлого, их способность вызвать и у самого субъекта, и у его аудитории эффект социальной и символической узнаваемости¹⁸⁶.

Иначе говоря, вторая жизнь символики уже бывшей в употреблении мотивировалась не столько историко-политическими («биографическими») соображениями, сколько структурными и коммуникативными потребностями периода. «Мы сможем лучше понять и привязанность постсоветского субъекта «цепочками означающих» к советскому прошлому, и сам процесс складывания новой закрытости, если будем видеть в новом использовании старых означающих не столько злую диахроническую шутку ностальгии по советским временам, сколько синхроническое отражение состояния постсоветского символического (бес) порядка»¹⁸⁷.

Несмотря на «обновлённую» современность, в ней присутствуют реалии советского прошлого, которые используется властью в качестве одного из способов символично-идеологической легитимации существующего режима. Механизм инерционной зависимости настоящего от советского прошлого связан, в первую очередь, с происходящими политическими процессами, представляющими собой развертывание политики во времени и пространстве в виде упорядоченной последовательности единичных действий и взаимодействий, связанных определенной смысловой логикой¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Гнатюк, М. А. Механизм и порождающая динамика инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого: социально-философский анализ / М. А. Гнатюк // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 6. – С. 26-28.

¹⁸⁷ Ушакин, С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии / С. Ушакин // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6(100). – С. 760-792.

¹⁸⁸ Гнатюк, М. А. Динамика инерционной зависимости настоящего России от Советского прошлого / М.А. Гнатюк // Прорывные научные исследования: проблемы, пределы и возможности: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Омск, 02 июля 2024 г. – Уфа: OMEGA SCIENCE, 2024. – С. 32-34.

С позиции регрессивного типа социокультурной инерции ведущая роль политической элиты в формировании политической повестки дня становится преградой для модернизационного развития стран. Правящая элита в целом не готова к тому, чтобы управлять модернизацией, и боится ее вероятных последствий – утраты собственной власти и возможностей к обогащению. Попытка политической власти инициировать сверху модернизационные преобразования наталкивается на устойчивое сопротивление бюрократического аппарата.

Прогрессивный тип предполагает, что правящая элита страны в целом готова к тому, чтобы управлять модернизацией, и не боится ее вероятных последствий – утраты собственной власти и возможностей к обогащению. Попытка политической власти инициировать сверху модернизационные преобразования при этом может наталкиваться на устойчивое сопротивление бюрократического аппарата, суть деятельности которого не изменилась. В таких условиях начинают предприниматься попытки изолировать чиновников от граждан, создать механизмы социального лифта, разрушающие номенклатурный мир, отличающийся сплоченностью, развитой сетью неформальных коммуникаций, наличием эзотерических норм поведения и кодового языка, скрытых от сторонних наблюдателей и прозрачных для посвященных, выделить их из остальной массы общества, придав им сакральные черты¹⁸⁹.

В ситуации, когда набирает силу *инерционная составляющая* в деятельности практиках политического класса, отечественные политологи В.С. Мартыанов и Л.Г. Фишман говорят о моральной тупиковости доминирующих политических дискурсов, выдвигаемых российской политической и интеллектуальной элитой. «Периферийность» России, – пишут эти авторы, – преобразуются в особенности политических дискурсов российской современности. При этом элита маскирует свои утилитарные устремления остаться в удобной

¹⁸⁹ Баранов, Н. А. Современная политическая элита: номенклатурный контекст / Н. А. Баранов // Политические институты в современном мире : Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2010 года / Под общей редакцией С.Г. Еремеева, О.В. Поповой. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 30-32.

сырьевой нише, встроенной в капиталистическую микросистему привычной риторикой западничества и почвенничества, «затемняющей» проблематику миросистемы. Мы не можем согласиться с такой точкой зрения, поскольку считаем, что Россия уже давно реализовала прогрессивный тип социокультурной инерции.

Также естественно, что любая попытка идейного противостояния с акцентуацией на политическом дискурсе опирается на демифологизацию давно исчерпавшей себя западническо-почвеннической риторики, центральное место в которой отводится осмыслению места России в мировом пространстве и поиском способов ее преобразования¹⁹⁰. Только опора на концепции реалистичной трактовки политики и самой реальности способны адекватно отражать ситуацию.

Собственно, именно этим и обусловлено увеличение динамики имитации в виде социокультурных и коммуникативных практик субъектов социального взаимодействия в символическом упрощённом подобии социальной реальности, которую они воспринимают как истинную¹⁹¹. Как справедливо указывает Т.А. Шалюгина: «...В постсоветской реальности социальный актор, используя общественные институты, организации и учреждения, технологии влияния, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество, формирует общественное сознание и определяет социальное поведение. При этом выявляется отношение «массового человека» к власти: ведь если он принимает «квази-парламент», «квази-модернизацию», «квази-выборы», «квази-партии, то, следовательно, доверяет власти и не считает все это симуляцией...»¹⁹². И здесь нужно сделать акцент не только на поколенческой специфике социокультурной инерции, но также на социально-классовой и профессиональной.

Динамика инерционной зависимости настоящего от советского прошлого проявляется у определенных профессиональных групп в стремлении

¹⁹⁰ Мартянов, В. С. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции / В. С. Мартянов, Л. Г. Фишман. – Москва : ООО "Издательство "Весь Мир", 2010. – 255 с.

¹⁹¹ Шалюгина, Т. А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления : : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Шалюгина Татьяна Александровна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 333 с.

¹⁹² Там же.

воспроизвести в новой социальной реальности тенденцию политического авторитаризма и фрагменты былого социально-политического устройства. Причины реставрации элементов советской социальной реальности связаны с политико-идеологические устремлениями и деятельностью практиками классов, выполняющих некий социальный заказ от «общества застоя» в виде его «агрессивно-послушного» населения, требующего возврата в культурно-историческую «колею»¹⁹³. По сути, прошлое, которого уже нет и которое невозможно повторить.

Инерционное возрождение российского авторитаризма во многом связано с инерцией «идеи Силы». Философ и психолог Е.А. Корнеева пишет о преклонении Силе как методе осознать свою силу через слияние с ней. «Почему Homo post-soveticus так остро нуждается в переживании ощущения собственной силы? Потому что одно из его самых болезненных и нежелательных переживаний – ощущение собственного бессилия, перманентно присутствующего в сознании как фон. Мы воспитываемся и формируем свое мировоззрение в среде, которая тонко или грубо, но систематически сообщает нам о нашем бессилии и неполноценности, что в сущности одно и то же»¹⁹⁴.

«Идея Силы» прочно включена в авторитарные общественные отношения, для которых характерно подавление свободы личности. В современном российском обществе все более заметным становится несвободный человек, для которого, как справедливо замечает В. Булдаков, страшнее всего – хаос безвластия. Не потому ли практически все современные отечественные гуманитарии, как и большинство населения, исходят из того, что Россия управлялась и управляется¹⁹⁵.

На инерцию политического авторитаризма накладывается принцип «ручного управления», являющийся, с одной стороны, инерцией прошлого, возможно,

¹⁹³ Коротченко, Ю. М. Валюативное моделирование интерпретационной активности коллективного сознания : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Коротченко Юлия Михайловна, 2019. – 309 с.

¹⁹⁴ Корнеева, Е. А. Царство Путина [Текст] : неосталинизм по просьбам народа / Е. А. Корнеева. - Москва [и др.] : Питер, 2011. – 205 с.

¹⁹⁵ Булдаков, В. П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления / В. П. Булдаков. - Москва: РОССПЭН, 2007. – 203 с.

ностальгией по мифологизированным фигурам советского прошлого, с другой же стороны – свидетельством недостатков системного управления, компенсирующегося ростом личной активности. Комментируя все это, В. Надеин обращает внимание на то, как удивительно метко отражаются в речи едва уловимые социальные перемены. Еще совсем недавно просвещенная публика удивилась бы возвращению в обращение этого логически бессмысленного словосочетания. «Лично присутствовал», «лично посетил», «лично поздравил», «лично указал». «Ленин всегда живой», «Сталин с нами». Не выпускать подданного ни на миг из своих объятий – вечное желание любой власти. Как милая девица дарит любимому фото на память, чтобы всегда носил у сердца, так и начальники засиживают своими постными ликами все общественное пространство¹⁹⁶. Мы приводим критическую тональность из 90-х прошлого века как пример инерционной «боли» или боли фантомной. Оценки производятся исходя из опыта, и инерция здесь выявляет ту важную сдвигку ценностей, которая видна спустя поколения.

Любая власть нуждается в историческом «фундаменте» для собственной легитимации и мобилизации массовой поддержки¹⁹⁷. Инерция чиновничества – составная часть подобного «фундамента». В основаниях властных интенций при этом – массовые настроения в обществе с их «тоской по порядку и сильной руке». Как полагает политолог и социальный философ И.И. Глебова, наше общество не хочет знать, или не готово принять, что иногда одно и то же, ничего, что не совпадает с его представлениями. Причём эти представления, с одной стороны, отличаются чрезвычайной идеализацией, с другой – абсолютной безответственностью. Наша массовая память очень коротка и бедна (ее объем, уровень сложности чрезвычайно невелики), а также подвержена внешним воздействиям, легко принимая форму, которую ей стремятся придать¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Надеин, В. Лично, здесь и сейчас / В. Надеин. – Текст : непосредственный // Ежедневный журнал. – 2012. – 24 окт.

¹⁹⁷ Малинова, О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке : трансформация дискурса о коллективной идентичности / О. Ю. Малинова. - Москва : РОССПЭН, 2009. – 189 с.

¹⁹⁸ Мобилизация прошлого: Беседа поэта Андрея Расторгуева с историком и политологом Ириной Глебовой. – Текст : электронный // Урал. Литературно-художественный и публицистический журнал. – URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2009/8> (дата обращения 10.08.2024).

Механизм и порождающая динамика инерционной зависимости настоящего от советского прошлого позволяют Б. Виноградову выделить этапы советской и постсоветской социокультурной эволюции.

Россия сталинской эпохи отличается дисциплиной и порядком, чувством страха, любовью к Отечеству, чувством гордости за отечество. Это образ индустриально развивающейся, основанной на деспотизме империи. Россию хрущевского времени характеризуют подъем сельского хозяйства и промышленности, успехи в образовании, любовь к Отечеству, авторитет страны в мире, доверие между людьми. Рисуетя образ страны, продолжившей технологическое обновление, сочетающееся с некоторыми элементами демократизации политической и общественной жизни.

Россию брежневского времени характеризуют успехи в образовании, науке и экономике, чувство гордости за страну, социальная защищенность людей, доверием между ними, и в то же время коррупция, бюрократия, но зато авторитет страны в мире. Это образ «самодовольного» бюрократического государства умеренного достатка.

Россию при Б. Ельцине отличают бездуховность, экономический кризис, тяжелое экономическое положение, возможности стать богатым, страх и неуверенность в своем будущем, социальная несправедливость, межнациональные конфликты, громоздкая бюрократия, гражданские и политические свободы, преступность и бандитизм, коррупция, взятки.

Страх, порожденный политической системой в эпоху Сталина, стал возрождаться в России в 1990-е годы, дополненный массовой коррупцией, социальной несправедливостью, бездуховностью и неуверенностью в будущем. В итоге живущие в ныне поколения прошли этапы своей социализации в условиях, которые фактически сформировали разных людей в пределах одной страны¹⁹⁹.

¹⁹⁹ Виноградов, Б. : Мысли, «не отлитые в граните». – Текст : электронный // Агентство политических новостей. – 2011. – 28 окт. – URL: <https://www.apn.ru/publications/article25210.htm> (дата обращения 10.08.2024).

Не удивляет ностальгия по советскому прошлому в условиях современной реальности, если обратиться к данным опроса 2021 г. об отношении граждан России к советской власти и современной российской²⁰⁰. Последняя наделяется коннотациями – криминальная, далекая от народа, бюрократическая, в то время как советская – близкой к народу, законной, сильной, прочной и справедливой.

Зато на государственном уровне восстановлена советская музыка Государственного гимна, текст которого несет идеологическую нагрузку и свидетельствует о преемственности власти.

Отчасти можно согласиться с тем, что с течением времени в политико-идеологических устремлениях российской власти на постсоветском пространстве проявляется тенденция на консолидацию, дополняемая формированием атмосферы многополярности и сохранения национальных интересов. Социальная инерция советского прошлого в виде повторяющихся основополагающих черт социокультурного устройства общества и политико-идеологических установок все более явно накладывается на современные социальные практики, вступая в противоречие с новым опытом, приобретенным за годы национального суверенитета.

Инерционность всякой динамической системы проявляет себя в скорости протекания отклика на определенное воздействие. Запаздывание в системе повышает вероятность того, что происходящие в ней процессы могут приобрести хаотический характер. Применительно к элите под инерционностью следует понимать скорость формирования адекватного отклика на происходящие в обществе процессы.

Всякому обществу, думающему о себе, присущи различные проекты будущего, создаваемого в результате проводимых преобразований.

Процесс перевода и адаптации идей и ценностных установок становится особенно значимым в ситуации, когда заимствованные идеи помогают

²⁰⁰ «Ностальгия по СССР». / Левада-центр. – URL: <https://www.levada.ru/2021/12/24/nostalgiya-po-sssr-3/> (дата обращения: 12.08.2024).

сформировать цели и дать идеологическое обоснование реформам. Увеличению значимости как фактора общественного развития взаимодействия традиции и инновации способствуют инициируемые властью структурные преобразования. В итоге речь приходится вести не только о политической, но и об интеллектуальной элите.

Формируется рынок идей, а в ситуации широкомасштабной трансформации, сопровождающейся множеством «вызовов-ответов», самые различные «акторы» выступают «интеллектуальными площадками» конструирования идеологических практик, «производителями идеологий», по определению О.Ю. Малиновой.

Интеллектуальная элита, обеспокоенная эффективностью модернизации в российском обществе, активно продуцирует концептуальные идеи, направленные на ускорение социально-политического обновления и развитие. Как полагают многие аналитики, наиболее конструктивной и фактически единственной альтернативой неукоснительно нарастающим процессам хаоса и распада выступает национальная модернизация²⁰¹, понимаемая ими как создание принципиально новых форм во всех сферах жизни общества (социальной, политической, экономической, идеологической), которая только и в состоянии, по их мнению, стать достойным ответом вызовам современности.

Однако любая власть нуждается в историческом «фундаменте» для собственной легитимации и мобилизации массовой поддержки²⁰². С течением времени движение мысли правящих верхов и обслуживающей власть интеллектуальной элиты приходит к идее воссоздания сверхдержавы и империи, подвергая сомнению демократическую перспективу России: «Когда политическая элита страны начинает всерьез уповать на воссоздание сверхдержавы и империи, оживают сознательные и бессознательные страхи, комплексы, фобии. Пышным цветом расцветает конспирология, всюду мерещатся чужие, враждебные и

²⁰¹ Каримов, Р. Н. Медиатор коммуникации как фактор перераспределения власти: социально-философский анализ : автореферат на диссертацию кандидата философских наук : 09.00.11 / Каримов Рамиль Наилевич; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2018. - 35 с.

²⁰² Малинова, О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке : трансформация дискурса о коллективной идентичности / О. Ю. Малинова. - Москва : РОССПЭН, 2009. – 189 с.

могущественные силы, которые норовят погубить «нарождающуюся» в их воспаленном воображении империю»²⁰³.

Известный отечественный историк В.П. Булдаков недаром обращает внимание на необходимость осознания на новом качественном уровне феномена «российского имперства» – «уникальной сложноорганизованной этносоциальной и территориально-хозяйственной системы реликтового патерналистского («большая семья») типа. Российская имперская иерархия, в отличие от индустриальных империй недавнего прошлого, и потребительских квазиимперий настоящего, закреплялась не на базе формального права, индивидуальной собственности и гражданского законопослушания, а на вере низов в «свою» власть, подобно дирижеру использующую все социальные слои в интересах всеобщей гармонии»²⁰⁴.

Инерция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты накладывается на интенции неотрадиционализма. Л.Д. Гудков исходит из того, что «неотрадиционализм» включает в себя идею «возрождения» России; антизападничество, изоляционизм и, соответственно, восстановление образа врага; консервацию заниженных представлений о человеке и социальной действительности²⁰⁵.

Уже в начальные годы становления постсоветской России была актуализирована проблема обоснования на идеологическом уровне концептуального направления социальных, экономических, политических преобразований²⁰⁶. И в этом моменте были максимально использованы политтехнологи, вся мощь которых была направлена на создание позитивного образа всех составляющих капитализма (рыночные отношения, частная собственность), что привело к несомненному успеху, поскольку «...Сам факт того,

²⁰³ Малинова, О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке : трансформация дискурса о коллективной идентичности / О. Ю. Малинова. - Москва : РОССПЭН, 2009. – 189 с.

²⁰⁴ Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – Москва, 1997. – 373 с.

²⁰⁵ Гудков, Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам / Л. Гудков // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 87-101.

²⁰⁶ Гнатюк, М. А. Трансформация социальности в постсоветской России: роль и влияние социальной инерции / М. А. Гнатюк // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2023. – № 5. – С. 77-81.

что к ним апеллировали и сторонники либерализма, и социализма приводил к некритическому восприятию демократических ценностей в самом общем смысле, без осознанного понимания их логической взаимоувязанности в рамках различных идеологий. Невозможность одновременного сохранения несомненных социальных завоеваний социализма в виде бесплатных систем образования и здравоохранения, а также гарантированного трудоустройства и внедрения либеральных рыночных принципов хозяйствования, основанных на минимальной роли государства, на приватизации общенародной собственности, большинством населения не осознавалась»²⁰⁷.

Начиная с 1990-го года, происходят глубокие преобразования во всех сферах общества: политике, экономике, культуре, что кардинально меняет и жизненный уклад народа в целом.

«За время реформ произошли две революции, – пишет А. Рубцов, – сначала поменялся сам уклад жизни, и мы незаметно очутились в совершенно другой стране – с другими проблемами и возможностями, опасностями и перспективами, с другими правилами и инструментами выживания. Но в бытовой идеологии для многих все это еще долго оставалось чем-то случайным и временным, ошибочным или просто преступным. Реформы состоялись «физически», но не экзистенциально. Страна изменялась в эмоциональном надрыве, под стенания о гибели, развале и близкой катастрофе». Одни в этой реальности нашли себя; другие, стиснув зубы, приспособились; третьи обреченно смирились»²⁰⁸.

В подобной ситуации все более явно стержневой идеей, вокруг которой концентрировались разнообразные идеологические программы, становилась идея «великой России» и ее восстановления».

²⁰⁷ Головченко, В. И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Головченко Владимир Иванович. – Саратов, 2009. – 51 с.

²⁰⁸ Рубцов, А. Призрак свободы : путинская Россия между либеральным и неототалитарным проектами / А. Рубцов // Знамя. – 2001. – № 1. – С. 140-153.

Как пишет С.Н. Гавров, «российская власть успела за несколько последних лет претерпеть эволюцию в направлении неоимперскости и авторитаризма, осознавая свои новые/старые интересы и ценности. В этой системе координат ценность человеческой жизни вполне условна, а ценность авторитарной власти и неоимперского государства – безусловный императив. Такая власть и такое государство всегда держались на служении и жертвоприношениях простого российского/советского человека, его страданиях и подвигах, именно он платил за грезы начальства и энтузиастов в форме и в штатском, о воинской славе и имперском могуществе»²⁰⁹.

В свою очередь, Л.Д. Гудков исходит из того, что идея «возрождения великой державы» фактически и стала некой символистско-ностальгической основой, собравшей воедино либералов-западников, коммунистов-патриотов, поборники «святой Руси». Составные элементы того, в чем именно заключается это национальное «величие» державы, могут существенно различаться, равно как и средства достижения заветной цели, но общей программной композиции это не меняет²¹⁰.

Державное величие неизменно смыкается с идеей «сильного государства» – этой своего рода сверхустановкой, главным идеологическим «хитом» российской неономенклатуры, когда сильное государство рассматривается как самоценность, что органично ложится на социально-психологическую среду бюрократического всевластия.

Естественно, продолжает автор, что привилегии новоявленной номенклатуры также изменились. Произошла как бы «монетизация льгот». Новые преторианцы, как точно замечает В. Пастухов, обрели денежный эквивалент былых советских номенклатурных льгот, «когда конвертная составляющая может

²⁰⁹ Гавров, С. Н. Модернизация России: постимперский транзит / С. Н. Гавров ; Федеральное агентство по образованию РФ. Московский государственный университет дизайна и технологий; Предисловие Л.С. Перепелкина. – Москва : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Московский государственный университет дизайна и технологий", 2010. – 269 с.

²¹⁰ Гудков, Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам / Л. Гудков // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 87-101.

многократно превышать официальную зарплату новых номенклатурщиков, выступая как главный стимул их нахождения на государственной службе. Другой специфической формой «премирования» стало предоставление избранным чиновникам индульгенций, своего рода «лицензий на совершение преступлений». Обладающий подобным иммунитетом чиновник способен сам «прокормить» себя, добывая недостающее при помощи взяток и всякого рода злоупотреблений».

Как полагает историк И. Павлова – нынешние российские правители – «...это люди идеи, и у них, безусловно, есть свое представление и о российском прошлом, и о необходимом месте России в мире. Это представление о ней как о великой державе именно в сталинском понимании. Идея великодержавия зазвучала в России в середине 1990-х и с тех пор целенаправленно проводится в жизнь. Недавние шаги в этом направлении – предложение Всемирного русского народного собора, возглавляемого патриархом Кириллом, законодательно запретить «пересмотр итогов Великой Отечественной войны», возрождение по инициативе председателя Госдумы С. Нарышкина Российского исторического общества для борьбы с «фальсификациями истории» и подготовка единого учебника по российской истории. Потерпев поражение в холодной войне с Западом, российские спецслужбы ни в коей мере не оставили идею реванша».

Левада-Центр в 2017 г. зафиксировал максимальное число россиян, убежденных в особой миссии русского народа в мировой истории – 64%, и только 32% считает, что русские не отличаются от других народов в этом отношении.

В подобных условиях «идея прошлого» приобретает всё более значимое значение, а её эмпирическое содержание преобразуется в разнообразные доктрины и сценарии²¹¹. Имперская тема становится одной из актуальных в сегодняшней России, что связано с неизжитыми советскими амбициями и с чувством государственной ущемленности.

²¹¹ Иткулова, Л. А. Мировоззрение этноса как социокультурное явление: философский анализ : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Иткулова Лэйсян Ахметовна. – Уфа, 2018. – 36 с

В ходе развернувшейся в России социокультурной трансформации, как указывает И.И. Глебова, активно используются идеи, апеллирующие к прошлому, основная цель воспроизводства которых заключается в создании новых иллюзий, не дающих понять происходящее в реальности²¹². Все это находит весьма причудливое отражение в общественном сознании в отношении к Западу, где иллюзии «всеобщего мира и дружбы» перестроечных лет сменились осознанием высокой конфликтности и опасности однополярного мира и, соответственно, усилением мощи России перед лицом новых вызовов, вплоть до того, что, как пишет В. Федоров, основываясь на данных социологических опросов, «простые россияне желают пожертвовать чем-то из своего скудного достатка ради мифической цели противостояния Западу»²¹³. Позволим себе не согласиться насчет мифического противостояния. С позиции 2010 года миф о противостоянии был обусловлен как раз инерционной риторикой и инерционным мышлением, сохраняющим мифологемы ревизии давней дилеммы между Востоком и Западом. Но пройдет еще два года и миф станет реальностью. Точнее, история покажет ложность мифологем отсутствия такого противостояния. Сегодня мы являемся свидетелями того, что необходимы большие потрясения для того, чтобы осознать реальные интересы и цели нации.

Интенции державного величия явно проявляются в геополитической риторике. При этом власти большое внимание уделяют развитию, закреплению и продвижению положительного имиджа России на мировой арене, что для них является фактором «социальной консолидации вокруг определенных ценностей, инструментом защиты национальных интересов, средством усиления национальной гордости»²¹⁴. Проведенный Фондом «Общественное мнение» опрос

²¹² Глебова, И. И. Как Россия справилась с демократией : заметки о русской политической культуре, власти, обществе / И. И. Глебова. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 142 с.

²¹³ Федоров, В. В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян / В. В. Федоров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – № 2(96). – С. 275-287.

²¹⁴ Безотосный, И. А. Конструирование позитивного имиджа России и репрезентация символической социальной реальности / И. А. Безотосный. – Ростов-на-Дону : Северо-Кавказский научный центр высшей школы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Южный федеральный университет, 2011. – 116 с.

относительно «образа России в мире» дал любопытную картину представлений наших соотечественников об образе России во внешнем мире. Большинство опрошенных желают, чтобы нашу страну почитали за «сильную и великую», «могучую», «непобедимую», «несокрушимую», «мощную мировую державу» (48%). Многие желают, чтобы страну видели «богатой и процветающей» (22%). Для 6 % опрошенных важно, чтобы Россию воспринимали как «образованную», цивилизованную и «культурную», даже в качестве «оплота нравственности». Наиболее оптимистичные респонденты полагают, что наше государство обрело силу, в том числе военную и именно это обстоятельство вновь напомнило мировому сообществу о необходимости считаться с Россией и что «деятельность Путина поднимает престиж страны». У пессимистов совсем иной взгляд: «мы стали слабее всех, нас не воспринимают как государство». «Нас нигде не принимают как великую державу», «Россию больше не уважают», «сейчас с Россией никто не считается», «Россию провалили при Горбачеве и Ельцине». «Над Россией в открытую смеются»²¹⁵.

Инерция державного величия на уровне повседневности причудливо соединяется с глубоким разочарованием в окружающей действительности и это приводит к усилению ностальгии о безвозвратно утерянном великом прошлом. Согласно общероссийским опросам от 40 до 60 процентов опрошенных хотят возрождения Советского Союза. Представители старшего поколения в своем большинстве (54 процента респондентов) считают эпоху Брежнева «золотым веком» России, поскольку тогда «простым людям жилось лучше всего». В этом проявляется инерционность памяти, как и инерционность мышления.

Политическая российская элита отчасти способствует сохранению этой инерционности, активно используя имперские символы и механизмы социальной и ментальной идентификации, возвращая музыку советского гимна, периодически призывая к переименованию Волгограда в Сталинград, возобновляя дискуссию

²¹⁵ Алексеева, Т. А. Россия в пространстве глобального восприятия / Т. А. Алексеева // Международные процессы. – 2007. – Т. 5, № 2(14). – С. 52-63.

о возвращении памятника Дзержинскому на Лубянку. Все это свидетельство того, что в механизмах самоидентификации имперское тесно переплетается с советским, а советское – с социалистическим, а историческое прошлое все больше покрывается туманом. Не сказано всей правды о революции и Гражданской войне, Великой Отечественной войне и ее жертвах. Недаром респонденты (более 30 %) уверены в фальсификации исторического прошлого России, особенно таких её периодов как периоды Революции, Гражданской войны, мирный период с 1920 по 1930 годы, Великой Отечественной²¹⁶.

По мере роста ностальгии по «великой державе» нарастают потенциал и функциональная значимость антизападных настроений. Антизападничество как комплекс идей, взятых в определенном общественно-историческом контексте, в России имеет долгую историю. О.Ю. Малинова исходит из того, что главную доминанту образа Запада в подходах современных «антизападников» представляется возможным определить как «Запад – это враждебный Нам Другой». Соответственно, запад предстает как сила, посягающая на Нашу идентичность²¹⁷. Главными врагами России, согласно опросу Левада-Центра, россияне назвали США, Украину и Великобританию. В стране формируется устойчивый образ внешнего врага, что тоже соответствует советской стратегии конструирования социально-политической реальности.

Характеризуя современный дискурс «антизападничества», историк И. Павлова обращает внимание на то, что главная цель современных властных структур заключается в расширении границ мирового влияния через ослабление США. При этом Россия должна стать центром антизападных сил. Данные великодержавные и антизападнические устремления намного жёстче и агрессивнее, чем в периоды эпоху холодной войны. Однако в массах они находят поддержку, поскольку сама идея великодержавия лежит в глубинах ментальности

²¹⁶ Алексеева, Т. А. Россия в пространстве глобального восприятия / Т. А. Алексеева // Международные процессы. – 2007. – Т. 5, № 2(14). – С. 52-63.

²¹⁷ Малинова, О. Ю. "Долгий" дискурс о национальной самобытности и оппозиция западничества и антизападничества в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. - М.: Новое литературное обозрение, 2008. - С. 235-256.

российского народа. Даже российские либералы, выступая против президента, поддерживают основы его политики.

В свою очередь, идеологическая проекция исторической памяти в практиках индоктринации связана с тем, что историческое сознание приобретает важные функции социальной мобилизации. Как следствие, создаётся исторический нарратив власти, вызванный к жизни её претензиями политического характера и идеологической мотивацией. «Вычленяются» обусловленные политическим устройством осевые векторы исторической памяти, необходимые для создания идеологическо-ориентированной модели, призванной отвечать социальному заказу.

Также современная социальная мифология включает в себя и предания, воспринимаемые массами как истина. К ней относится и идея державности²¹⁸. Как правильно определила И. Струмилина, данная имитация происходит в результате соединения высокой патриотически-ориентированной риторики с демонстративно прозрачным намёком на силу и мощь сдерживаемые «до поры до времени». При этом все понимают, что это только ход в игре, в которой подобные намёки используются в качестве аргументов, чтобы склонить оппонентов к нужному решению. Именно в данном контексте И. Калинин определяет официальную историю как «историографический бриколаж», используемый для соединения фрагментов в позитивный симулякр некоего целого: «Искомая прикладная диалектика, призванная примирить единство и многообразие, обретается в прошлом, превращаемом в музей, в выставку достижений народного хозяйства. В этом качестве прошлое рассматривается не как архив требующих интерпретации документов, а как склад вещей, многообразных по своему историческому, культурному, конфессиональному, этническому происхождению, но единых по своей государственной принадлежности.

²¹⁸ Жупник, О. Н. Тренды ценностных ориентаций современной студенческой молодежи : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Жупник Олеся Николаевна. – Симферополь, 2018. – 178 с.

В результате возникает замкнутая смысловая конструкция: единство государства и его территории снимает исторические противоречия, растворяя в себе многообразие культурных составляющих, но само единство государства символически легитимируется за счет того, что многообразие воспринимается лишь как набор поверхностных различий, за которыми лежит единая российская "цивилизационная идентичность", смысл которой – в снятии различий»²¹⁹.

Инерция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты все более явно и все более противоречиво накладывается на проблематику десталинизации общества как преодоления синдрома державности. Недаром руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН А.В. Рубцов считает, что неизжитый дух сталинизма – в представлениях о государстве и общности как о высшей ценности в сравнении с человеком, частным лицом. В наших условиях это именно недоделка десталинизации, потому что рано или поздно приводит к приватизации и персонализации этих ценностей. Отсюда вождизм, но уже лишенный бескорыстия, пуризма и демонстративной личной скромности. Отсюда же мифология избранности и мессианства с признаками уверования в нее уже не только как в мотив сервильных политических технологий²²⁰.

Между тем, в обществе проявляется тяготение к фигуре Сталина на волне патриотизма и великодержавности. На прилавках книжных магазинов все больше просталинской литературы. В социологических опросах Сталин неизменно в первой тройке «самых выдающихся деятелей всех времен». В оправдательном духе интерпретируется сталинская политика во многих учебниках истории.

«Чем Сталин жив?» – задается вопросом А. Рогинский, и обращает внимание на то, что наиболее специфическая характеристика сталинизма, его родовая черта – террор, который является универсальным инструментом при решении задач

²¹⁹ Калинин, И. Археология национального знания / И. Калинин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2012. – № 1(81). – С. 87-91.

²²⁰ Рубцов, А. В. «Национальный лидер» – опасная пародия / А. В. Рубцов // Новая газета. – 2011. – 18 марта.

любого уровня, поскольку именно насилие со стороны государства обеспечивает одновременное сосуществование централизованного управления с разрывом горизонтальных связей. Кроме того, при терроре возникает высокая вертикальная мобильность, жесткость внедрения идеологии при легкости модификации и внедрения идеологических идей, практически безграничные ресурсы в виде рабского труда.

Отсюда память о сталинизме – это прежде всего память о государственном терроре как системообразующем факторе эпохи, а также о его связи с процессами и событиями того времени²²¹. В массовом сознании и исторической памяти на смену знанию о былой реальности приходит набор коллективных образов исторического прошлого, формируемых различными социально-культурными механизмами в русле целенаправленных усилий российской политической элиты.

Историк и социолог Д. Хапаева приводит данные социологических опросов, которые свидетельствуют, что, в отличие от лозунгов советской пропаганды, которые по-прежнему вызывают раздражение, лидеры коммунистического режима рождают у значительного числа опрошенных искреннюю симпатию и глубокую привязанность. Сталин занимает третье место в рейтинге государственных деятелей, вызывающих симпатии опрошенных Петербурга и Казани. Однозначно отрицательно роль Сталина в истории нашей страны оценивают только 23% всех опрошенных. Ленин занимает четвертое место в Петербурге и Казани, а в Ульяновске он вышел на второе место, отодвинув Сталина на четвертое. И почти половина (44%) опрошенных со всех трех городах положительно оценивает роль Ленина в истории России²²².

«Сталин заложил основы новой Империи, – пишет Н. Сорокин, – ликвидировал «большевистскую платформу» в партии и стране, привел Россию к фантастическим, небывалым высотам равно в плане экономической и военной

²²¹ Рогинский, А. Чем Сталин жив? / А. Рогинский // Континент. – 2008. – № 138. – С.32-45.

²²² Хапаева, Д. Очарованные сталинизмом: массовое историческое сознание в преддверии выборов / Д. Хапаев // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 5. – С. 210-215.

мощи, и в плане построения «социального государства». Захват стратегической инициативы нашей страной – также в большой степени является личной заслугой этого человека, сумевшего в одиночку переиграть многих лидеров Великих Держав, как среди врагов, так и среди союзников России. Сталин – это символ подлинной независимости, научного и промышленного лидерства, великодержавия и социальной защиты, всего того, что столь ненавидимо представителями доморощенных «демократических сил».

Отношение к фигуре Сталина – свидетельство того, что результативность трансформационного процесса во многом зависит от интенсивности изменений ценностной системы общества, которая способна играть роль как катализатора, ускоряющего социально-политические процессы, так и барьера, замедляющего их. Игнорирование основных особенностей ценностной системы в частности не только влечет за собой возникновение разного рода институциональных искажений, но и в целом влияет на дисфункциональность результата трансформации.

Таким образом, сложности социокультурной трансформации привели к тому, что российская власть, осознав свои новые интересы и ценности, стала более активно обращаться к инерционным социокультурным практикам. Любая власть нуждается в историческом «фундаменте» для собственной легитимации и мобилизации массовой политической поддержки. Движение мысли правящих верхов и обслуживающей власть интеллектуальной элиты приводит к идее воссоздания сверхдержавы и империи. Интенции режима базировались на настроениях в обществе с его «тоской по порядку», опирались на систему представлений, отражающих глубинные архетипические черты культурно-исторической традиции²²³.

²²³ Гнатюк, М. А. Интенция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты в контексте социальной инерционности / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 69-76.

3.2. Феномен «социального повторения» в социокультурных изменениях современного российского общества: институциональное и ценностное измерение

Социальные и политические практики свидетельствуют о том, что в российском обществе вновь срабатывает «инерционное начало», на сей раз преимущественно в образе избирательного советского прошлого. Подобное проявление феномена «социального повторения» в ходе всех видов и форм институциональных и ценностных изменений в обществе накладывается на очередной в истории виток противостояния и экзистенциальной угрозы со стороны западноевропейской цивилизации.

Инерционное проявление советского прошлого в пространстве социокультурных перемен обусловлено тем, что радикальные социальные изменения «размыли» привычные контуры жизненного порядка, социального взаимодействия и социальной идентификации, деформировали социализационные векторы.

Как констатирует Н.А. Завершинская, в обществе стали ненужными полученные людьми знания и жизненные навыки. Капитал тех, кто воспитывался в советское время, обесценился. Пытаясь обрести себя в новых условиях, «потерянное» поколение обращает свои взоры назад, предпринимает инвентаризацию своего прошлого.

В условиях, когда пространство культуры оказывается колонизированным антигероями: сексуализированными и гипертрофированными образами извращенцев, насильников, убийц, возникает желание вернуться в прежнее, «нормальное» состояние, вернуться в период до катастрофы.

Не случайно именно сейчас мы наблюдаем всплеск ностальгических настроений об утраченном советском прошлом. В массмедиа вновь звучат старые

песни о главном, в российском кинематографе востребованы образы советской действительности, новую жизнь обретают старые советские плакаты, реанимируются «комплименты и облизывания» власти, радостные отчеты с мест и т.д. Мы присутствуем при повторном возвращении символов советской эпохи²²⁴.

Феномен «социального повторения» в ходе институциональных и ценностных изменений в обществе тесно связан с состоянием социокультурного пространства. Это пространство «скреплено» социальной структурой – совокупностью взаимосвязанных и взаимодействующих социальных общностей и культурных практик, иерархически упорядоченных между собой, что предполагает наличие «верхних», «средних» и «нижних» слоев, вертикальных и горизонтальных каналов социального перемещения²²⁵ и тому подобное.

Через расчленение социокультурного пространства на различные структурные элементы-позиции в конкретной точке пространства можно находить и оценивать разнообразные социальные субъекты, их статусные позиции. Таким образом, социокультурный мир представляет собой многомерное пространство с множеством социальных и культурных полей, в каждом из которых индивиды и их группы занимают соответствующие позиции.

Французский социология и философ П. Бурдьё исходит из двойственной природы социального пространства и социальных позиций. Он акцентирует внимание на том, что для понимания социальных процессов наибольшее значение зачастую имеют наиболее скрытые структуры социосред, составляющие социальный универсум, а также механизмы, служащие его воспроизводству и трансформации. Специфические особенности данного универсума определяются оформлением структурной композиции, так как «они, по сути, ведут «двойную жизнь», с одной стороны, в виде реальности «первого порядка» - материальные

²²⁴ Советское прошлое и культура настоящего : в 2 томах / В. В. Варава, Н. А. Завершинская, О. В. Шабурова [и др.] ; Уральский межрегиональный институт общественных наук. – Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А.М.Горького, 2009. – 242 с.

²²⁵ Гончаров, В. В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Гончаров Виталий Викторович, 2018. – 418 с.

ресурсы и их распределение; возможности захвата и присвоения социальных и социально значимых благ, с другой стороны, в виде реальности «второго порядка» - символическая матрица жизнедеятельности, мышления, оценочно-эмоциональных суждений, существующей на уровне представлений и мыслительных схем.

При этом совокупность позиций в социальном пространстве конституируется практиками, а социальное пространство как бы воссоединяет агентов и практики при постоянном и активном их взаимодействии²²⁶.

Для российского экономиста, социолога В.Л. Иноземцева Россия – совершенно особая социальная общность, живущая по своим законам и правилам. Это не слепок с западной демократии, немного «не дотягивающий» до оригинала, не восточная деспотия, немного «скорректированная» с учетом европейской истории, и не «воскресший» Советский Союз с его вселенской идеологией. Современная Россия – это социокультурная система, сформировавшаяся в результате произошедшего в мире быстрого краха всех ценностных ориентиров и целей, где доминантной выступает примитивная материалистическая мотивация, это общество, с предельной прямоотой реализовавшее те циничные принципы, которые в менее заметной форме присутствуют и в современных западных странах²²⁷.

Иная парадигма прослеживается в подходе Ю. Афанасьева, А. Давыдова и А. Пелипенко, которые исходят из того, что на сегодняшний день, как результат идейного раскола, на российской территории сосуществуют фактически две, одинаково реальные и ориентированные на почвенничество, России. Одна, берущая своё начало от Рюриков, отмирающая, но сохраняющая своё первенство, вобрала в себя святорусские традиции и архаику, имперско-ориентированное

²²⁶ Бурдье, Пьер. Социология политики / Пьер Бурдье ; [сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко ; пер. с фр.: Е. Д. Вознесенская и др.]. – Москва : Socio-Logos, 1993. – 333 с.

²²⁷ Иноземцев, В. Л. Что случилось с Россией? От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму / В. Л. Иноземцев // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 6(74). – С. 6-16.

массовое сознание, склонность к насилию и властолюбие. Но «есть и другая Россия. Все еще слабая, проявляющаяся лишь кое-где, но отнюдь не обреченная ходом истории на неизбежную смерть. Зададимся вопросом насчет последней, насколько она готова к жизни, когда представления о себе и реальности для них являются плохо собранными конструктами, не укорененными в действительности, по сути, симулякрами либеральной пропаганды.

Институциональные и ценностные изменения в российском обществе сопровождаются процессом переструктурирования, «размывания» или даже разрушения прежних контуров социокультурного пространства. В конфликтной ситуации «притязаний», осложнённой «сложностями жизни», возникают различные обновлённые и новые социальные движения так называемой «высокой современности». Отчасти они наделены свойством бинарности: реагирование на усиливающиеся риски современности и/или социальное экспериментаторство в виде бескрайнего количества субкультур.

Практически к тем же выводам приходит публицист С. Новопрудский, полагающий, что в нашем варварстве нет ничего нового. Есть лишь складывавшаяся веками специально направляемая правителями варваризация народа, используемая в современных реалиях стоящими у власти для сохранения и усиления своего влияния. В принципе человек может выдавить из себя по капле раба и варвара. Однако «...принижение профессионалов и возвышение лояльной серости – залог консервации нашего варварства и нашей дикости. А считать проявления домостроевской дикости, невежества и пещерной религиозности нашим «культурным кодом» и традиционными ценностями, краеугольным камнем государственности – это исторический подлог...»²²⁸.

Обращая внимание на происходящие в обществе институциональные изменения, подчеркнем, что институциональная структура обладает опять же свойством инерционности, которое заключается в том, что большинство институциональных инноваций могут быть отвергнуты в процессе эволюции

²²⁸ Новопрудский, С. В. Инстинкт варвара / С. В. Новопрудский // Новая газета. – 2012. – 10 окт.

социальной системы. Институты – это устойчивые системы укоренившихся общественных правил и обычаев, структурирующих социальные взаимодействия. В этом отношении социальная инерционность опять же оказывается связанной с зависимостью от предшествующего пути развития.

В настоящее время в России в ходе очередной модернизации становление новой социокультурной структуры связано с массовой десоциализацией, потерей самоидентификации и неопределенностью социального статуса, с переходом значительных людских масс из одних социальных групп в другие. Ситуация в российском обществе на современном этапе всё большим количеством людей начинает трактоваться как маргинальная, так как страна, по сути, «застряла» в некоем пограничном состоянии вследствие разрушения старой системы и незавершившихся потуг по созданию новой. Исходя из этого, проблема рискогенности социокультурной ситуации актуализировалась и набирает новые обороты: люди, пытаются найти «точку опоры» ища ответы на вызовы бесконечно меняющейся и усложняющейся исторической ситуации. Успех, в конечном счете, зависит от политики, от способности властей и общества создать институты, обеспечивающие ускоренный рост при необходимых структурных трансформациях.

На этом пути политиков, общество, человека подстерегают риски. Четкое осознание существующей рискогенности столь же значимо, как и разработка позитивных рекомендаций по решению тех или иных вопросов.

Собственно понятие и его определение – «общество риска»²²⁹, были введены в научный оборот немецким социологом У. Беком, который за основание в своей концепции взял идею о том, что на современном этапе мирового развития риски возникают не сами по себе, а инициируются самим обществом, являясь «всеобщим уделом».

²²⁹ Матюх, Е. Т. Теории "общества риска" в современной гуманитарной науке / Е. Т. Матюх // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 7. – С. 33-37.

Британский социолог Э. Гидденс создал концепцию риска на основе интегральной теории структуриации. В своих трудах ученый также отмечает увеличивающуюся степень рисков в современном обществе и угрожающий характер современности.

Сегодня в отечественной социальной мысли формируется подход к изучению социальной проблематики на основе концепции «общества риска», позволяющий описать поведение индивидов и групп в крайне напряженной обстановке, в неразрывной взаимосвязи чувств, ожиданий, стремлений, поступков, с одной стороны, а с другой – угрожающе изменяющихся в негативную сторону технологических, природных, экологических, социально-экономических, социокультурных факторов повседневного бытия.

В российском обществе наблюдается и ценностная трансформация, она заключается в появлении двух полярных типов мировоззрения, т.е. сторонников «традиционалистской» и «модернистской» ориентации. Различия между этими типами мировоззрения проявляются в оценке исторического прошлого страны, в представлениях об эпохе, в которую они хотели бы жить, во взглядах о том, какие социальные силы способствуют развитию страны, в отношении к экономическим и политическим реформам и, конечно же, в той или иной системе ценностей²³⁰.

Феномен «повторения» начинает проявляться во многих сферах жизни общества. При этом характеристики феномена «социального повторения» в ходе институциональных и ценностных изменений отчетливо накладываются на идею прошлого как «спасения от настоящего». Ее эмпирическое содержание «переводится» в многообразие сценариев реализации. «Со второй половины 1980-х годов, когда работа памяти, благодаря горбачевской либерализации, вышла из-под контроля официальной историографии, – пишет М. Ферретти, – в России успели появиться и затем снова уйти на периферию общественного сознания несколько новых образов прошлого, глубоко изменивших представления россиян

²³⁰ Воробьев, Г. А. Энтропийный рост в российском обществе в проекции социальной неопределенности / Г. А. Воробьев // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 126-134.

о своей стране. Трагедия сталинизма сделалась, наконец, предметом публичного обсуждения, но затем оказалась снова вытеснена из сознания общества; отношение к Октябрьской революции, положившей начало советской системе, было подвергнуто радикальной ревизии, в умы стала внедряться идеализированная картина дореволюционной России.

На первых порах, когда Россия еще только расставалась с советской эпохой, этот альтернативный образ прошлого, который должен был лечь в основу новой идентичности, утвердился очень легко, однако с течением времени он заметно утратил силу. На заре XXI в. Россия все еще не может справиться с мучительным опытом, пережитым ею в XX столетии»²³¹.

Память о сталинском времени все еще формирует представления людей о прошлом. Чтобы вытеснить эту главную травму российской истории XX столетия, одну из основных причин того расстройства памяти, которое переживает современное российское общество в осмыслении собственного прошлого, предстоит сделать еще очень много. Б. Дубин исходит из того, что на исходе советского времени, а для многих и в 1990-е годы, основной краской «советского» было безобразное, некрасивое, бедное. Потом был хаос 1990-х., потом – относительно благополучные 2000-е годы. «Советское» конструировалось заново и в итоге превратилось в зеркало, в котором отражаемся все мы, сегодняшние. Так две картинки поддерживают друг друга – прошлое в настоящем и настоящее в прошлом²³².

Фиксация явления «социального повторения» в процессах институциональных и ценностных изменений в обществе связано с определенными фазами социокультурных изменений и с переходом к современному обществу освобождённому от ценностей патриархальности. Это сложный и болезненный

²³¹ Гнатюк, М. А. Феномен социального повторения в ходе институциональных и ценностных изменений в российском обществе / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 99-106.

²³² Дубин, Б. В. Российское общество живёт в прошлом / Б. В. Дубин // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения : Материалы XVI симпозиума, Москва, 23–24 января 2009 года. – Москва: ООО "ИД Университетская книга", 2009. – С. 389-402.

переход, который займет длительное время. По своей природе он социокультурен, так как охватывает все сферы общественных отношений: экономические, социально-групповые, политические, идеологические, и иных отношений между людьми в их разнообразной деятельности, а также культуру как совокупность способов и результатов их деятельности. Такого рода переход означает кризис прежней социальности и вызревание новых отношений между индивидами. Нередко он оказывается сопряжен с кризисом культуры и тогда протекает весьма драматично, затрагивает сами основы бытия²³³.

Переход к новому строю сопровождается ломкой и кризисом ценностей и всеми теми проблемами, которые формируются в результате данного транзита. Трансформационные процессы в обществе инициируют и изменения ценностной системы, которые обусловлены возникающими противоречиями между должным и реальным, внешним и внутренним, желаемого и возможного. Неизменное разложение нравов, сопутствующее всем переходным периодам, низвержение традиционных ценностей и потеря в этом хаосе позитивных ориентиров ведёт к разрушению человеческого в человеке. Выход из этого – обретение новой ценностной системы.

Учитывая то, что указанные изменения предельно сжаты во времени, они воспринимаются людьми как нечто нескончаемо трудное: данная реакция вполне оправдана, поскольку развал устаревших общественных структур вызывает кризис во всех сферах жизни начиная от социальной и экономической и заканчивая политической, идеологической, ценностной, духовной. Следствием крушения советского общества является утверждение культа потребления, насилия, обмана. Упорный и добросовестный труд, как средство духовного совершенствования личности, как источник материального благополучия, как путь к богатству и социальному успеху, перестает восприниматься обыденным сознанием в качестве одной из главных добродетелей. Человек отторгается и обществом, и государством.

²³³ Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / [Н. И. Лапин, В. И. Антонюк, А. А. Игнатьев и др.; Общ. редактирование Л. А. Беляевой, Н. И. Лапина]; Рос. АН, Ин-т философии. - Москва: ИФРАН, 1994. – 243 с.

В российском обществе постсоветского периода, – пишет философ В.Г. Немировский,²³⁴ – именно кризис ценностей есть важный симптом его нездорового состояния.

Ценностный кризис заключается в нарастании разрыва между культурой и ценностными ориентациями. Отсутствует единая официальная интерпретация системы ценностей, что порождает огромные трудности. Все более широкие слои общества ввергаются в обстановку кризиса, что отрицательно сказывается на функционировании социальных норм и институтов. Кризис социума реализуется, в конечном итоге, через девиантное поведение, приобретающее массовые масштабы. В этом отношении, как полагает С.А. Яворская, массовое кризисное сознание можно рассматривать как проявление кризиса культуры, поскольку ценностный кризис есть его неизбежный атрибут²³⁵.

Выявляя проявления экономической инерционности в вещественном и личном факторах производства современной России В.Л. Сиднина полагает, что инерционные характеристики заданы структурой ресурсов, производства и инфраструктурой.

В России существует стойкая инерция диспропорциональности. В инерционности личного фактора присутствуют исторические и национальные характеристики, значима инерционность демографических процессов, состояния здоровья, образования, мотивации. В России проявляется инерция отсутствия рыночной мобильности личного фактора производства и инерция внерыночного соединения факторов производства²³⁶.

²³⁴ Немировский, В. Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии / В. Г. Немировский. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 200 с.

²³⁵ Яворская, С. А. Кризис культуры и кризисное сознание в системе социокультурной динамики : специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Яворская Светлана Анатольевна. – Саранск, 2006. – 201 с.

²³⁶ Сиднина, В. Л. Инерционность как свойство экономической системы : специальность 08.00.01 "Экономическая теория" : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Сиднина Валентина Лаврентьевна. – Энгельс, 2002. – 398 с.

На почве ценностной и институциональной «ломки» в постсоветский период, а также под влиянием травматичного раздела страны и расчленения национального тела в духовной жизни общества обозначилась жесткая идейно-культурная поляризация, отчетливо вписанная в феномен «социального повторения».

Философ и социолог А. Самарин предполагает, что в настоящий момент на постсоветском пространстве происходит противостояние диаметрально противоположных культур и ценностных ориентаций. С одной стороны – ассоциально-криминальной антикультуры, с другой – национально-суверенная. Каждая из этих противоборствующих культур предполагает и взаимоисключающие образы жизни. Ассоциально-криминальная антикультура ориентирована на утилитарное отношение и личностно-прагматическое расточение достояния страны и интеграцию населения в антитрадиционные социальные миры. Национально-суверенная культура – это этика традиционализма, сохранения суверенитета и использования всего потенциала страны на восстановление, сохранение, преумножения богатства и славы Отечества. Безусловно, данное противостояние имеет идеологическую, экономическую и политическую подоплеку²³⁷.

В философском дискурсе социокультурного кризиса, который интерпретируется как смещение точки опоры, что приводит к разбалансировке всей социальной структуры и, как следствие, к потере согласованности во взаимодействии её подсистем. Повседневный жизненный пути человека сводятся к нескончаемым перемещениям в меняющемся пространственно-временном континууме. И человек оказывается в ситуации неспособности рационализировать, в полной мере оценивать действительность с позиции морального выбора между добром и злом²³⁸.

²³⁷ Самарин, А. Н. Духовный кризис постсоциалистического общества. Проблемы и конфликты / А. Н. Самарин // Конфликтология. Теория и практика. – 2004. – №4. – С. 89-102.

²³⁸ Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе / В. В. Кривошеев // Социологические исследования. – 2009. – № 3(299). – С. 57-67.

Возможно ли изменение подобного вектора «социального повторения» в ходе более или менее отчетливых институциональных и ценностных изменений? В нынешней ситуации вряд ли кто-либо сможет на этот вопрос дать однозначный ответ.

Недаром философ и культуролог В.Н. Порус подчеркивает, что сегодня одни видят в происходящих переменах плату за то, что произошло, другие констатируют: если мы хотим сохранить культуру, то должны бороться с указанными бедами, третьи, как всегда, ссылаются на историю. Кто-то «...усматривает в “русской душе” исконное недоверие к таким культурным универсалиям как, например, “рациональность” и, напротив, “доверие к иррациональному бытию, которое в целом воспринимается как благоприятное для человека...»²³⁹.

Социолог и философ Б.В. Дубин видит в нынешнем изоляционизме и провинциализме, возвращении былой советской риторики и эстетики «особого пути», возрождении позиции «никто нам не указ, мы и на острове проживем» – явные показатели повторяющегося в нашей стране из столетия в столетие равнения на прошлое, что отчетливо проявляется в ориентациях нынешней российской политической элиты. При этом вопрос о будущем мало кого интересует. Пока же большинство ходит в старых одеждах – перекраивает, перекрашивает их, кое-что уж совсем негодное выбрасывает²⁴⁰.

Показатели проявления инерционности в парадигме «социального повторения» в российском обществе отражают, в том числе, его неготовность к серьезным изменениям, связанным с новыми рисками, что подменяется попытками обрести опору дополнив привычные формы общественного бытия теми, которые сокрыты в архетипах массового сознания.

²³⁹ Порус, В. Н. У края культуры (философские очерки) [Текст] : [очерки о русской философской мысли от Владимира Соловьева до Густава Шпета] / В. Н. Порус. - Москва : Канон+, 2008. - 463 с.

²⁴⁰ Дубин, Б. В. Российское общество живёт в прошлом / Б. В. Дубин // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения : Материалы XVI симпозиума, Москва, 23–24 января 2009 года. – Москва: ООО "ИД Университетская книга", 2009. – С. 389-402.

Проявление инерционности в парадигме «социального повторения» накладывается на тенденцию дальнейшей дегуманизации и деморализации общества, что, в свою очередь, взаимодействует с «вызовом современности», влияющим на многие обстоятельства жизненного существования. Влияние «вызова современности», разрушающего сложившийся уклад социальной жизни, показывает одновременно и устремлённость в будущее и желание остаться в привычном прошлом.

Глобализационные процессы провоцируют людей на ускоряющееся и множасьее взаимодействия, цели и смыслы которых лишены основательности и ценностного содержания. Многие философы характеризуют подобную ситуацию как кризис человеческой социальности.

Таким образом, формулируя выводы, мы исходим из того, что социальные и политические практики свидетельствует, что «инерционное начало» в образе советского прошлого неизбежно присутствует в актуальной российской реальности. Подобное проявление феномена «социального повторения» в ходе институциональных и ценностных изменений в обществе накладывается на личностный выбор субъектов, погруженных в своеобразную петлю времени, повтор прошлого для которых является механизмом самосохранения.

Отметим, что российское общество во многих отношениях выступает прямым продолжением общества советского в контексте практики «равнения на прошлое» — от сохранения и воспроизводства культурных норм, образцов, ритуалов, вплоть до ряда повседневных практик. И это вполне обоснованно, поскольку значительная часть российского общества имеет соответствующий жизненный опыт.

Инерционная сила стереотипов и культурных прецедентов советского прошлого как политического, социального и идеологического опыта накладывается на устойчивые и повторяющиеся черты и свойства социокультурного устройства общества, ставшие на протяжении многовекового

существования России ее традиционными доминантами и воплощающиеся через модус травмы, и модус ностальгии.

Механизм инерционной зависимости настоящего от советского прошлого связан с происходящими политическими процессами, представляющими собой развертывание политики в виде упорядоченной последовательности единичных действий и взаимодействий, связанных определенной смысловой логикой. В постсоветской России редуцируются в отдельных случаях, такие реалии советского прошлого как власть-собственность, фактически безраздельная и безнаказанная власть-самодурство политической бюрократии-неономенклатуры; отсутствие социальной справедливости; безразличие власти к общественному мнению и соблюдению прав человека в стране. Из советского прошлого власть перенимает механизмы государственного управления, экономического и социального контроля, подавления социальной и институциональной дифференциации. Своеобразной неизбежностью российской современности стало неумолимое советское прошлое, используемое отдельными политическими элитами в виде ресурса символической легитимации своего правления.

Динамика инерционной зависимости настоящего от советского прошлого проявляется в стремлении воспроизвести в новой социокультурной реальности тенденцию политического авторитаризма и фрагменты былого социально-политического устройства. Причины реставрации элементов советской социокультурной реальности связаны с политико-идеологическими устремлениями и деятельностными практиками политического класса, социальным заказом со стороны «общества застоя» и его представителей, требующего не свободы, а порядка, наконец, с фактором культурно-исторической «колеи».

Логика социокультурного повторения в политическом дискурсе проявляется в активной эксплуатации имперского нарратива, который для вовлеченных в «петлю времени» становится актуальным, что может быть связано с неизжитыми советскими амбициями и с чувством государственной ущемленности. Интенции державного величия явно проявляются в геополитической риторике. По мере роста

ностальгических настроений по «великой державе» нарастает потенциал и функциональная значимость антизападничества.

Инерция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты и противоречиво накладывается на проблематику реальных потребностей и реальной политики, основанной на актуальных национальных интересах. В этом аспекте прошлое сталкивается с настоящим в борьбе за будущее. Социокультурное повторение в этом модусе преломляется в массовом сознании и исторической памяти как ложное знание о былой реальности, набор коллективных образов исторического прошлого, формируемых различными социально-культурными инерционными механизмами.

Другой стороной инерции державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты являются представления о государственном величии и державной солидарности, о значимости героизма и самопожертвования. Все это заложено в структуру опорных символов культуры и общественного сознания, накладываясь на опыт живых людей, столкнувшихся с современными вызовами разобщенности, конфликтов и, наконец, необходимости консолидации перед лицом экзистенциальной угрозы.

Поэтому феномен «социального повторения» в обществе тесно связан с состоянием социокультурного пространства, в котором радикальные изменения «размыли» привычные контуры жизненного порядка, социального взаимодействия и культурной идентификации, деформировали социализационные векторы, а институциональные и ценностные изменения сопровождаются процессом переструктурирования или даже разрушения его прежних контуров, как реакция на возрастающие риски современности. В связи с этим проблема повышенной рискогенности социокультурной ситуации актуализируется, приобретая особое звучание и смысловую насыщенность.

В российском обществе наблюдается и ценностная трансформация, заключающаяся в появлении двух полярных типов мировоззрения, т.е. сторонников «традиционалистской» и «модернистской» ориентации. Различия

между этими типами мировоззрения проявляются в оценке исторического прошлого страны, в представлениях об эпохе, в которую они хотели бы жить, во взглядах о том, какие социальные силы способствуют развитию страны. На почве ценностной и институциональной «ломки», и кроме того, в результате влияния драматичного по своим последствиям раздела страны и отделения республик в духовной жизни общества произошла резкая идейно-культурная поляризация, отчетливо встраиваемая в феномен «социокультурного повторения».

Показатели проявления инерционности в парадигме «социокультурного повторения» в части российского общества отражают, в том числе, его неготовность к серьезным изменениям, связанным с новыми рисками, что подменяется попытками обрести опору, дополнив привычные формы общественного бытия теми, которые сокрыты в архетипах массового сознания. Определяющим фактором выступает целенаправленная политика властных элит, которые видят свой интерес в поступательном развитии, избегании потрясений и революционных ситуаций, рассматривая частичный возврат к элементам прошлого как эффективный способ решения этой важнейшей задачи.

ГЛАВА 4. КУЛЬТУРНЫЕ ИНВАРИАНТЫ ИНЕРЦИОННОЙ ТРАЕКТОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

В современном российском обществе процессы социокультурных изменений отличаются многоуровневостью и разнонаправленностью, что дополняется действием трендов социокультурной инерционности. Социальная и политическая практика свидетельствует о том, что радикальные общественные изменения имеют тенденцию «размытия» привычных контуров жизненного порядка, социального взаимодействия и культурной идентификации. В подобных условиях социокультурная инерционность проявляется в различных инвариантах, воспроизводимых в процессе энтелехии культуры.

В главе рассматриваются инварианты проявления инерционности в пространстве социально-политических, управленческих и адаптивных практик повседневности, что направлено на выявление доминантного типа инерционности в социокультурных изменениях российского общества.

4.1. Инерция в социально-политических и управленческих практиках современного российского общества: культурные инварианты

Инерция власти и управления починается общей логике инерционного механизма в социокультурных изменениях, т.е. характеризуется способностью сохранять или очень медленно изменять состояние властной и управленческой

систем в условиях продолжающегося воздействия прошлого опыта. Под влиянием актуализации этого опыта реконструируется социокультурная реальность в логике обновления ценностей, практик и ориентаций властно-управленческой системы.

Становится очевидным, что социокультурная реальность постоянно воссоздается, что она обусловлена общественным сознанием, локальными представлениями и интерпретациями. Непрерывно конструируемая реальность – это динамический процесс.

Согласно А. Шюцу, все знание о мире «содержит конструкты, то есть некие наборы абстракций, обобщений, формализаций и идеализаций, связанные с определенным уровнем организации мышления»²⁴¹. Именно поэтому в феноменологии разделяют мысленные объекты, сконструированные в сознании людей, и конструкты второго уровня, сложившиеся в социальных науках.

Различные варианты и формы концептуализации социальной реальности основаны на философских понятиях и принципах, сложившихся в контексте постмодерна в работах таких философов как М. Фуко, Ж. Лиотар, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр и других. В соответствии с этим подходом в социальной реальности и в идеологическом пространстве идет непрерывный процесс воспроизводства смыслов и структур²⁴².

В этот конструкт вписывается и утверждение В.В. Никитина о трансцендентальных смыслах, которые не так просто выделить и сформулировать, они укоренены в народном менталитете, обеспечивают жизненную безопасность и создают условия для самореализации как социальной общности, так и каждого индивида, то есть направлены на сохранение самобытности этносов. Смыслы этого рода оформляются обычно стихийно, в результате влияния факторов

²⁴¹ Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц ; Альфред Шюц ; Составление, научная редакция и послесловие Н.М. Смирновой. – Москва : Издательство "Политическая энциклопедия", 2004. – 1056 с.

²⁴² Калайков, С. Ю. Взаимодействие традиции и новации как проблема риторического конструирования социальной реальности : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Калайков Станислав Юрьевич. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.

долговременного свойства, «хотя в их вербализации и долговременном закреплении немаловажную роль могут играть структуры власти».

Социокультурная инерция воплощается в реальности через механизмы: социального и культурного воздействия; отхода от принципов рациональности, основанного на искаженном восприятии прошлого опыта; конструировании социальной и политической реальности.

Эволюционное усложнение современных обществ формирует социокультурные свойства и черты, которые слабо улавливаются имеющимися концепциями философского знания. В этом смысле анализ механизма и инвариантов инерционности в процессах конструирования политической реальности заставляет обратить внимание на символические аспекты человеческого поведения и их взаимосвязь со стратегиями социокультурного развития, в целом на феномен театральности.

Философ В.Н. Райков исходит из того, что в философском дискурсе представляется важным поиск и обоснование новых концептов метафор, способных раскрыть сущностную природу происходящих в культуре изменений. В этом смысле театральность представляет собой явление, далеко выходящее за пределы театра как учреждения культуры, поскольку задаваемый ею механизм социального взаимодействия имеет онтологические основания, укорененные в человеческой природе²⁴³.

Инерционностью отличается властно-идеологическое регулирование в контексте процессов конструирования социокультурной и политической реальности.

Властное регулирование выступает как специфический вид осуществления регуляции. Между субъектом и объектом в системе властных отношений, как правило, имеются институциональные структуры, создающие возможности осуществлять «легитимное физическое насилие», или принуждение.

²⁴³ Райков, В. Н. Феномен театральности (социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Райков Валерий Николаевич. – Саратов, 2010. – 146 с.

Политика относится к тем сегментам общества, которые отличаются консервативностью и замедленным темпом происходящих изменений. В России политическая реальность после травматичных событий крушения советской политической системы начала приобретать черты клановой, корпоративной и олигархической демократии в не менее драматичные 90-е годы XX века. Зарождавшаяся многопартийная система приводила к созданию крайне слабых политических партий, которые несли яркий отпечаток клиентел, политическая жизнь представляла собой поле олигархических разборок посредством карманных СМИ. Инерция смуты проявилась в полном своем объеме, если рассматривать ее как концентрированный образ катастрофы в российской истории.

Политика в современной трактовке – это процесс согласования интересов различных классов и социальных групп. Итогом исключения из этого процесса становится социальная апатия, безверие и двоемыслие. Человек утрачивает исходные интуитивные константы положительного понимания своего бытия, «...оставшись один на один с чувством смыслоутраты и потери жизненных ориентиров, когда человеку не с чем себя соотнести, не во что верить»²⁴⁴. Политический философ В.Б. Пастухов в 2006 году пишет: «Человек, хоть немного знающий современную Россию, не может не отметить царящего в ней уныния. Пессимизм, скептицизм, апатия как будто бы стали частью национального характера. Порождаемые ими цинизм, распушенность и элементарная лень дополняют грустную картину». Россия оставляет впечатление тяжело больного общества, где «не верят не только в завтрашний день, но и в сегодняшний вечер...»²⁴⁵

Как бы развивая мысли В.Б. Пастухова, философ А. Секацкий обращает внимание на то, что по всем параметрам Российское государство в 1990-е годы было одним из самых свободных государств на мировой арене: тем, чему учились

²⁴⁴ Токарева, С. Б. Методологические основания анализа духовности / С. Б. Токарева // Философия и общество. – 2005. – № 2(39). – С. 80-100.

²⁴⁵ Пастухов, В. Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве / В. Б. Пастухов // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 1-29.

европейцы тысячелетия, россияне овладели за несколько лет. Дном в яме, в которую падала Россия этого периода, явилась хасавюртовская капитуляция А. Лебеда, что фактически поставило перед страной гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» и вопрос русский: «Что делать?». И весьма созвучным и адекватным ситуации и российской ментальности прозвучал ответ В. Путина: «замочить террористов в сортире». Именно с этого момента в 1990–2000-х годах Россия начала отходить от «обморока государственности». «Вместе с тем в «нулевые» годы в России взяла верх социальная инерция – желание отдохнуть, пожить в свое удовольствие и предаться безудержному потреблению. Чиновники, бюрократы и бывшие партийные номенклатурщики на протяжении «лихих девяностых» просто выжидали, деля власть с криминалом. Но когда Россия очнулась от «обморока государственности», они окончательно перехватили бразды правления у тех «правильных пацанов», которые остались в живых после многочисленных разборок».

Базовые параметры анализа при данном подходе связаны с особенностями формирования информационной картины мира и ее проектированием, внешними и внутренними сигналами, определившими информационно-коммуникативные процессы в системе на последовательных этапах ее существования; масштабами, параметрами и целями социального конструирования; информационной сегрегацией общества как основой манипулирования; конструированием идентичности и факторами, определившими выбор на переломных точках; социальной адаптацией и рычагами управления мотивацией; нормами и девиациями в когнитивной адаптации индивида²⁴⁶.

Подобные параметры в существенной мере применимы и к современным российским социальным и политическим реалиям²⁴⁷.

²⁴⁶ Медушевский, А. Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания / А. Н. Медушевский // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 70-92.

²⁴⁷ Канарш, Г. Ю. Современный российский капитализм: социологический, политико-экономический и антропологический аспекты / Г. Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 4. – С. 70-85.

В условиях, когда сегодняшняя политическая конструкция отвечает интересам российского общества, субъектность переходит в разряд одного из ключевых показателей инерционных практик, предназначенных для трансформации общественного сознания и поведения. При этом инерционная составляющая проявляется в обществе через сохранение доминирующих мотивов утраты определенным количеством людей уверенности в будущем, отсутствия понимания сущности происходящих изменений и желания принимать «на веру» то, что предлагается СМИ, нередко имеющими деструктивное психологическое воздействие.

При конструировании социокультурной и политической реальностей инерционность проявляет себя в следующих траекториях: 1) в стремлении удержать состояние при помощи прошлого социокультурного опыта, трансформировав его в социальные практики в виде подражания и повторения; 2) в стремлении сохранить стабильность системы, что в условиях социальной и политической неопределённости воплощается в квазимодернизации и социальном застое.

На уровне социокультурной реальности отчетливо проявляется идущая из досоветского и советского прошлого инерция имитации, создания видимости, «лакировки действительности». Ряд исследователей утверждают, что имитация как инерционный механизм поглотил все остальное: «сама нынешняя российская система построена на имитационном ресурсе. Все является в конечном итоге имитацией – имитация парламента, федерации, многопартийности, оппозиции и даже имитация силы»²⁴⁸, с чем мы не можем согласиться, но признаем угрозу подобных имитационных практик. Для И.А. Вальдмана, специалиста в области философии образования, «...кризисные явления в современном обществе в немалой степени обусловлены избытком имитационной составляющей во многих сферах социальной деятельности...»²⁴⁹

²⁴⁸ Шевцова Л. Имитационный зритель / Л. Шевцова // Новая газета. – 2002. – 4 марта.

²⁴⁹ Вальдман, И. А. Инновационная деятельность и возможности преодоления имитационной парадигмы / И. А. Вальдман // Философия образования. – 2009. – № 1(26). – С. 44-51.

Проявление имитационной компоненты Т.А. Шалюгина связывает в обществе с «нарастанием имитационных стратегий и практик, конструированием искусственных симулятивных образов массового сознания, что в первую очередь связано с общим курсом и деятельностными практиками политических элит»²⁵⁰. В советскую эпоху на новую социальную реальность стали как бы накладываться различные имитационные стратегии: «постановочный стиль» жизнедеятельности; символическое конструирование, мифологизация и примитивизация; идеологическая индоктринация в ситуации идеологического прессинга.

Базовые компоненты имитации стали увязывать с такими составляющими социальной реальности как: 1) социальное действие, применяемое для внедрения в массовое сознание принципов «видимости»; 2) пренебрежение рациональностью, приводящее к искажению или разрушению зафиксированного в массовом сознании смысла социокультурной реальности; 3) создание символической реальности; 4) прагматичностью имитации как деятельностной практики.

Так, в современном обществе проявляется идущая из досоветского и советского прошлого инерция имитации, когда прошлое, присутствующее в постсоветском настоящем, выступает как системно воспроизводящийся механизм в пространстве социокультурных практик имитации²⁵¹.

Существенное значение приобретает проявление элементов инерционности в функционировании социальных наук (социального знания) в контексте конструирования социокультурной и политической реальности, что связано как со спецификой их функционирования, так и с существующим социально-историческим и культурным контекстом²⁵².

²⁵⁰ Шалюгина, Т. А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Шалюгина Татьяна Александровна. – Ростов-на-Дону, 2012. – 60 с.

²⁵¹ Канарш, Г. Ю. Современный российский капитализм: социологический, политико-экономический и антропологический аспекты / Г. Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 4. – С. 70-85.

²⁵² Хоровинников, А. А. Социальная инерция как феномен системных противоречий общественно-экономического развития / А. А. Хоровинников, М. А. Гнатюк, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 7. – С. 63-66.

Главными способами осуществления науки выступают люди – носители того мировоззренческого типа, который определяет их творчески активную позицию в обществе. И всякий исследователь (историк, социолог, политолог, культуролог), исходя из своего восприятия образа мира и субъективной реальности, соединяя чувственное восприятие мира с рационализацией мировоззренческих установок, воспроизводит в своем творчестве новые образы социальной реальности.

Ученые П. Бергер и Т. Лукман предполагают, что социальное знание представляет собой совокупность таких элементов как социальный опыт, его рационализация, собственно социальная реальность как первичный объект, на постижение которого главным образом и направлено социальное познание²⁵³.

Характеризуя состояние социальных наук, еще в середине 1990-х годов доктор философских наук, генеральный директор Российского гуманитарного научного фонда Е.В. Семенов говорил о том, что в современных условиях и сохранение и развитие научного потенциала страны возможны только благодаря его *использованию* и благодаря обретению наукой каких-либо социально значимых функций²⁵⁴.

Советский и российский философ В.Е. Кемеров полагает, что в современных условиях востребованность научного знания обусловлена в первую очередь динамизмом социума, а также уровнем развития общества, в обеспечении которого по-прежнему первенство принадлежит образованию как социокультурному институту, призванному обеспечивать передачу накопленного знания и преумножать его путём формирования особого типа личности способного к этому²⁵⁵.

В этом отношении прав А.В. Юревич, который обращает внимание на то, что нашими отечественными политиками востребована лишь те науки, которые

²⁵³ Бергер, П. Л. Социальное конструирование реальности : Трактат по социол. знания : [Перевод] / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.

²⁵⁴ Семенов Е.В. Современное состояние и новая роль гуманитарных и социальных наук // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 5-6.

²⁵⁵ Кемеров, В. Е. Социальная обусловленность познания: динамика проблемы / В. Е. Кемеров // Вопросы философии. – 2008. – № 10. – С. 20-32.

способствуют улучшению политического имиджа, позволяют подготавливать и проводить избирательные компании, «зомбировать» общественное сознание, то есть те науки, которые устраивают лично их, а не те, которые обеспечивают развитие общества и повышение благосостояния народа. Сугубо потребительское отношение отечественных политиков к наукам обусловили не только «разворот» общей проблематики наших социогуманитарных дисциплин и их «равнение на политологию», но и ряд институциональных изменений в их организации. Отечественная академическая наука оказалась плохо приспособленной к выполнению такой специфической функции как обслуживание политиков²⁵⁶. И здесь также присутствует инерционная составляющая, относящаяся как к самой науке, так и к властным структурам. Политические институты, вполне рационально относясь к знанию, используют его для легитимации самих себя, что показал еще М. Фуко, обосновав известный концепт «знания–власти». Манипулятивные возможности также являются следствием такого понимания и востребованности научного знания. Нам представляется, что задача самой науки – актуализировать ее экспертный потенциал, сделать востребованным именно эту сторону знания.

То же относится и к образованию, еще одному измерителю знания. Исследователи пишут о том, что образование всегда в России страдало недофинансированием, что его положение в современной реальности, в том же формате недофинансирования также выступает следствием институциональной инерции²⁵⁷. Нам представляется, что образование как институт по своей природе соотносится с инерционными механизмами. Образование как передача знаний, а в социокультурном ракурсе – передача от поколения к поколению, носит сугубо инерционный характер. Оно призвано передать знание и сохранить его.

Только наука как институт более динамична, хотя также не лишена элементов инерционности. В. Фурс обращает внимание на «проистматовский» тип

²⁵⁶ Юревич, А. В. Социогуманитарная наука в современной России / А. В. Юревич // Вопросы образования. – 2005. – № 4. – С. 152-163.

²⁵⁷ Вольчик, В. В. Институциональная инерция и развитие российской системы образования / В. В. Вольчик, М. М. Скорев // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1, № 4. – С. 55-63.

философской мысли, неизбежность которого позволяет говорить о своеобразном «синдроме навязчивого повторения». В «научном» плане этот тип довольно четко центрирован – его цитаделью является философский факультет Московского государственного университета. Именно здесь сосредоточены авторы, штампующие наиболее влиятельные учебники по проистматовской социальной философии, которые затем – с той или иной толикой местной оригинальности – клонируются в российской провинции. «Синдром навязчивого повторения истмата» является эффектом *инерционного сохранения* бюрократизированных форм философской работы (кафедры/факультеты/научные специальности, подразделения АН, профессиональные журналы, массовые философские мероприятия и прочее), которые в свое время были с размахом отстроены для обеспечения решения важной задачи: философско-теоретического обоснования тезиса о том, что «партия – наш рулевой». И в этих аспектах инерция есть действительно имитация, в том числе связанная с тем, что наука изменяет самой своей сущности. Будучи всегда направленной на создание нового знания, открытие мира, наука может отказываться от этой миссии и использовать свой легитимационный потенциал для обоснования социокультурного порядка.

Инерционность в социальных науках во многом обусловлена и тем, что ученые потеряли свою социокультурную значимость, утратили и стремление к свободе научного творчества. Л.С. Ивашевский пишет об отсутствии у подавляющего большинства в России подлинного интереса к научному знанию, как нет и понимания её значения и ценности для общества и его будущего. Низкий статус научного знания и людей знания обусловлен рядом причин. Одна из них – это отсутствие научно-популярного представления о ценности научных знаний для приобщения к ним народа²⁵⁸. Более глубинная причина кроется в утрате актуальности, открытии нового знания, меняющего бытие человека в лучшую сторону. Именно этого ждут от науки.

²⁵⁸ Ивашевский, С. Л. Социальные условия развития науки в современной России / С. Л. Ивашевский // Вестник Российского философского общества. – 2011. – № 4(60). – С. 89-94.

Обращая внимание на инерционность в развитии отечественной социологической мысли, известный российский исследователь В. Вахштайн исходит из того, что поле сегодняшней российской социологии оказалось, по сути, поделено между двумя квази-теоретическими языками: несоветским и антисоветским. В оптике «консервативного» языка социология понимается как социальная технология, а потому она должна быть полезной – прежде всего государству. Теория нужна, но российская, отечественная, отвечающая национальным интересам. В свою очередь, несоветскому языку последние двадцать лет, как в герметичном пространстве науки, так и в открытом пространстве публичных текстов, противостоит язык «прогрессивной социологической общественности». Это язык антисоветской социологии.

У него тоже есть несколько отличительных черт. Во-первых, это критический настрой по отношению к «кондовому» языку советской социологии и ее законному наследнику – консервативному несоветскому новоязу. Во-вторых, эксплицитно заявленные либеральные идеалы: социология должна служить делу прогресса, становления гражданского общества, демократизации и либерализации. В-третьих, упор на эмпирическую работу: необходима социография, т.е. квалифицированное описание «реальных проблем российского общества»²⁵⁹.

Отсюда можно сделать вывод о том, что неразвитость самого российского общества, не испытывающего особой необходимости в соответствующем социальном знании, предопределяет слабость рефлексии по поводу происходящего в стране и в мире. Однако стоит также задать вопрос, не изменил ли социологический и философский дискурс себе как дискурсу научному и не ностальгирует ли он, вполне в духе и логике социокультурной инерции, по временам, когда вместо научных открытий обсуждалась легитимация властных институтов. Отметим, что речь не только о советской гуманитаристике, но и

²⁵⁹ Вахштайн, В. «Куракингейт» / В. Вахштайн // Русский журнал. – 2010. – 16 фев.

западной. Здесь анализ социокультурной инерции должен помочь избавиться как от ностальгии, так и от привычных штампов восприятия²⁶⁰.

Так, механизм и инварианты инерционности в процессах конструирования социальной и политической реальности, связанные как с воздействием прошлого опыта, так и с действиями, идеологически обоснованными и целенаправленно внедряемыми в сознание общественности, проявляют себя в социокультурном пространстве, совокупности социокультурных процессов, культурно-антропологических практик и социальных позиций социальных агентов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой. Как и человек, общество, чем оно менее развито, тем более значительным запасом инерционности обладает. Соответственно, такому обществу, как и такому человеку, труднее встать на путь креативности²⁶¹.

Общество переходного типа соединяет элементы старой и новой политических систем. В силу этого его отличает «несовершенство, противоречивость и фрагментарность законодательства, отсутствие или только зарождение многих институтов и механизмов гражданского общества, неупорядоченная и плохо предсказуемая смена политической элиты на федеральном и региональном уровне, появление множества свободных экономических агентов, в результате чего возникают конфликты многообразных интересов и ценностей, которые не поддается прямому административному разрешению»²⁶².

Процессы социокультурных изменений в современных российских условиях отличаются разнонаправленностью, что обостряет противоречия между различными формами предоставления властных отношений, а также между

²⁶⁰ Гнатюк, М. А. Социальная инерция в динамике социокультурных изменений: инварианты проявления в Российской реальности / М. А. Гнатюк. – Самара : Самарский государственный университет путей сообщения, 2018. – 228 с.

²⁶¹ Гнатюк, М. А. Механизм и инварианты инерционности в процессах конструирования социальной и политической реальности / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7, № 1. – С. 87-93.

²⁶² Костюков, А. В. Политическое управление в региональном контексте : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Костюков Алексей Викторович. – Санкт-Петербург, 2001. – 159 с.

различными уровнями политической активности²⁶³. Эти противоречия выступают как проявление нарушения системного характера политической реальности и государственно-управленческой сферы и во многом связаны с проявлением инерционности в организационно-управленческих практиках.

Отечественный философ А.А. Дьяков исходит из того, что концепцию практик в социальных науках отличает наличие трех основных компонентов, которые в совокупности характеризуют смысловую семантику этого понятия:

- 1) регулярная повторяемость определенных действий;
- 2) разделение данного способа действия неким сообществом; в этом пункте раскрывается коммуникативно коммуникационный аспект жизнедеятельности общества, т.е. единство общества как пространства коммуникации и, следовательно, производства и воспроизводства практик;
- 3) существование смысловых оснований практик, которое и призвано объяснить способ их проявления и закрепления в социуме.

Любая из практик обладает своим объективированным смыслом, сквозь призму которого, с позиции структурного подхода, просматривается специфика функционирования общества и его структура²⁶⁴.

Управленческие практики тесно связаны с такими понятиями как «управление» и «политическая деятельность». Недаром Г.В. Пушкарёва высказывает мысль о том, что отличительной чертой именно государственного управления выступает легитимное: «...Государственное управление обладает административными ресурсами, политическое управление таковых не имеет...»²⁶⁵

Государственная власть в качестве власти политической выступает как принуждающая и ограничивающая социальная сила, которая обеспечивает

²⁶³ Самохин, К. В. "Такая разная модернизация!": типологии модернизационного развития в современных российских исследованиях / К. В. Самохин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2017. – Т. 3, № 3(11). – С. 11-17.

²⁶⁴ Дьяков, А. А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции / А. А. Дьяков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11, № 1. – С. 8-12.

²⁶⁵ Пушкарёва, Г. В. Политический менеджмент : Учебник и практикум / Г. В. Пушкарёва. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 365 с. –

реализацию доминирующих интересов (властвующей элиты, господствующего класса). Политическая воля властвующего слоя подавляет все иные интересы, что и позволяет ему выступать от имени общества²⁶⁶. По определению А. Кулинченко, это дает возможность задействовать властные механизмы нормативной регламентации и принуждения, без наличия которых управление невозможно. Тем самым создается основа, отправной пункт для государственного управления. Но поскольку субъект политической власти является также и субъектом управления обществом (формирует, организует и направляет деятельность всей иерархически построенной системы управления), он крайне не заинтересован в каких бы то ни было изменениях стратегического характера, которые могут повлечь за собой утрату его властной позиции. *Указанная инерционность*, если не консерватизм, системы политической власти не позволяет обществу своевременно и эффективно решать наболевшие проблемы. Управление обществом и его эффективность становятся заложниками сформировавшейся системы политической власти²⁶⁷.

В августе 1991 года в России произошла революция и началась становление новой политической реальности. Однако история отчетливо свидетельствует о том, что всякая революция ведет к разрушению социального порядка и хаосу.

Как пишет известный отечественный историк В.П. Булдаков, взаимодействие основных агентов исторического развития – человеческой массы и властей – осуществляется посредством трансформации и правового упорядочения насилия, но не через упразднение его как явного феномена. Революция может рассматриваться как реакция на латентные формы насилия. Она «стремится опрокинуть весь старый порядок и изменить «социокультурную кодировку» государственности. Революционный хаос можно рассматривать как раскрытие «варварского» человеческого естества. Вопреки обыденным представлениям и

²⁶⁶ Колесникова, Г. И. Национальная и государственная идеи / Г. И. Колесникова // Видеонаука. – 2017. – № 2-2(6). – С. 6.

²⁶⁷ Кулинченко, А. В. Роль человека в процессах социальной самоорганизации и эволюции системы управления обществом: развитие социальной самоорганизации как условие эффективного взаимодействия сфер политики и управления / А. В. Кулинченко // Обозреватель. – 2004. – № 11(178). – С. 108-117.

несмотря на варварский примитивизм протекания, революционный процесс является необычайно сложным и многоплановым. Ее исход и историческую судьбу определяет обыватель, а не доктринер»²⁶⁸.

Проявление инерционности в организационно-управленческих практиках выражается в том, что традиционная модель управления ориентировалась не на внешнюю среду, а на действия и указания вышестоящих органов. В силу этого процесс адаптации к работе в рыночных условиях осложняется инерционным наследием советской системы.

Проявление инерционности в организационно-управленческих практиках было связано с процессами становления новой управленческой бюрократии. Второй виток инерции бюрократизации наложился на новые социально-политические и организационно-управленческие реалии. Вместо былой советской номенклатуры формируется неономенклатура. Недаром под бюрократией понимают отдельный класс или социальную организацию со своими интересами, которые, как правило, не совпадают с общественными.

Современное государство невозможно без бюрократии, выполняющей значительный объем работы по осуществлению государственных задач и функций. В системе государственного управления работает огромный кадровый корпус чиновников, сплоченных своими корпоративными ценностями, нормами и интересами. Общественное согласие относительно направления и целей реформирования государственной службы возможно лишь при условии ясного осознания существующих рисков, связанных с подобной корпоративностью.

Только успешное преодоление социально-групповых и политических рисков реформирования государственной службы как совокупности внутренних и внешних, имеющихся и потенциально возможных обстоятельств, препятствующих успешному проведению реформирования, наличие постоянной социальной и политической поддержки стратегии реформирования способно привести к успеху

²⁶⁸ Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – Москва, 1997. – 373 с.

в создании профессиональной государственной службы, эффективно функционирующей в условиях демократического гражданского общества²⁶⁹.

Бюрократия обычно рассматривается как специфический слой (социальная группа) людей, объединенных особыми групповыми интересами и ценностными ориентациями, сходством представлений о своем месте в обществе. Сама бюрократическая система управления деформирует личность, формируя совершенно особый тип личности. Бюрократизированный индивид характеризуется специфической этикой политического и идейно-морального конформизма, психологией верности (бездумной или чаще всего показной) существующим порядкам, ориентацией на мнения и требования непосредственного окружения²⁷⁰.

Инерционность в деятельности бюрократии во многом связана с тем, что политические изменения и реформы в России инициировала власть, которая была и остается основным субъектом процессов трансформации реформирования. По мнению В.Н. Толстых, проблема заключена в природе самой власти, в ее ценностных установках и предпочтениях, проще говоря, в том, кому и чему она служит, а бюрократия – прислуживает²⁷¹.

Как справедливо утверждает А.В. Оболонский, «нам нужна бюрократия, но публичная, а не «государева». В целом реформу надо проводить не отдельными фрагментами, а по всему «фронту». И откладывать эти меры до более подходящего времени нельзя, иначе это время может не наступить никогда. Слишком сильно судьба страны связана с созданием нормальной, квалифицированной, работающей на общество, словом, публичной бюрократии, гражданской службы. Импульсом

²⁶⁹ Риски реформирования государственной службы России / А. Г. Барабашев, Т. В. Зайцева, М. А. Краснов, А. В. Оболонский // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2007. – № 2-3. – С. 91-124.

²⁷⁰ Гнатюк, М. А. Проявление инерционности в системе государственного управления современной России в условиях деформированной корпоративной культуры / М. А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 11. – С. 204-208.

²⁷¹ Веревкин, Л. П. Российская бюрократия - тормоз реформ? / Л. П. Веревкин // Энергия: экономика, техника, экология. – 2010. – № 2. – С. 59-64.

для этого должны быть политическая воля и последовательность в действиях администрации.

Но история и реальная ситуация дают нам основания лишь для весьма умеренного оптимизма. В условиях экзистенциального противостояния эффективность управленческих кадров приобретает особое значение. Не исключено и топтание на месте, и попытки паллиативных мер могут привести к развалу самой системы. Мы и в этом отношении находимся на перекрестке. И задерживаться на нем больше нельзя. Замораживание status quo чревато многими серьезными последствиями, масштаб которых возрастает с каждым годом промедления. Платит за это общество, платит и сама власть.

Ряд социологов обращают внимание на то, что целенаправленная трансформация бюрократии в автономный «предпринимательский класс» обусловлена именно доминантой власти: должностные полномочия используются в качестве ресурса для взыскания бюрократической ренты, которая создаётся на основе интерпретации государственной власти как персонифицированно доходные владения: «...Бюрократическая рента извлекается в виде дополнительного дохода на основе должностного положения бюрократа и вследствие дефицита – естественного или искусственного...»²⁷²

Инерция извлечения прибыли из должности, заимствованная занимающими управленческие должности в государственной службе из рыночной сферы, безусловно, ущемляет интересы государства и национальные экономические интересы, поскольку вместо финансового вливания в социокультурную сферу средства перераспределяются внутри бюрократии и «распиливаются» исходя из её интересов (премии, лоббирование, финансовая поддержка партий).

Именно благодаря лоббизму бюрократический аппарат через своих представителей проводит в жизнь те решения, которые выгодны только персонифицированным интересам принадлежащих к их «клану». Правящая

²⁷² Альпидовская, М. Л. Эволюция института бюрократии в социально-экономической системе : специальность 08.00.01 "Экономическая теория" : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Альпидовская Марина Леонидовна. – Москва, 2009. – 392 с.

верхушка богатого ресурсами государства заинтересована в том, чтобы завладеть большей долей экономической прибыли, произведенной его производственными секторами, тем самым увеличивая свой персонифицированный доход в виде бюрократической ренты²⁷³.

Проявление инерционности в организационно-управленческих практиках сказывается в инерции самозащиты бюрократии, также во многом идущей от советской эпохи.

В предисловии к работе М.С. Восленского «Номенклатура» М. Джилас писал, что «с самого своего возникновения... советская система воплощена в партбюрократии»²⁷⁴. Огосударствление экономики резко усилило роль управленцев, которые превратились в распорядителей коллективной собственности; все это вело к бюрократизация партийного и государственного аппарата.

Утверждение всевластия партийных органов и сращивание их идеологических функций с государственными легли в основу нового политического режима личной власти²⁷⁵. В 1930-е годы суть кадровой политики Сталина состояла в переходе власти от старой ленинской гвардии к более молодым партийцам, беспредельно преданным Вождю. Показательные политические процессы 1930-х годов посеяли серьезное беспокойство в среде бюрократии. До этого партийно-государственные управленцы (аппарат), преданные «генеральной линии» партии, могли быть уверены не только в своей личной безопасности, но и в сохранении своих постов и привилегий.

Целью Сталина «как постановщика политических процессов было стремление сгустить в стране атмосферу всеобщего недоверия и подозрительности, убедить народ в необходимости «закручивания гаек», установления тотального

²⁷³ Альпидовская, М. Л. Эволюция института бюрократии в социально-экономической системе : специальность 08.00.01 "Экономическая теория" : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Альпидовская Марина Леонидовна. – Москва, 2009. – 392 с.

²⁷⁴ Восленский, М. С. Номенклатура : Господствующий класс Сов. Союза / М. С. Восленский; Предисл. М. Джиласа. – 1-е сов. изд. – Москва : МП "Октябрь" : Сов. Россия, 1991. – 622 с.

²⁷⁵ Самохин, К. В. Войны в истории политической модернизации Российского государства XVIII - первой половины XX века / К. В. Самохин // Манускрипт. – 2018. – № 12-2(98). – С. 253-263.

контроля государства и партии над всеми сторонами общественной жизни»²⁷⁶. Подавив при помощи бюрократии народ, превратив его чуть ли не в послушное стадо, Сталин отныне начинает терроризировать сам бюрократический аппарат, проводя каждого чиновника через каждодневный «экзамен на верность». Утратив контроль над рефлексам самосохранения, бюрократия превращалась в беспрекословного исполнителя воли Хозяина.

Позднее, уже при Хрущеве, бюрократия, избавившись от страха сталинского времени, начинает осознавать свои корпоративные интересы. Расцвет бюрократического всевластия наступает в 1970-е годы, когда происходит дальнейшая централизация партийно-государственного аппарата. Было предпринято ряд мер, направленных на консервацию высшего руководящего состава, в частности в 1966 году было отменено ранее неукоснительно соблюдавшееся правило ротации партийных кадров. Фактически руководители становились «пожизненными», поскольку могли оставаться на своих постах до двадцати и более лет. В совокупности все эти факторы привели к прочной стабилизации касты бюрократии, скованной едиными корпоративными узами, что способствовало усилению ее самозащиты.

В постсоветский период²⁷⁷, по оценкам социолога В.В. Жердева, либеральные преобразования, начавшиеся в 1990-е годы, несли с собой серьезные вызовы и опасности для бюрократии. Последняя начинает реализовать практики самозащиты, опираясь в первую очередь на ресурсы власти. С занимаемым чиновником местом в системе государственного управления связываются широкие возможности по применению и реальному перераспределению ресурсов власти.

Современная российская бюрократия все чаще начинает пользоваться апробированными механизмами и методами корпоративной самозащитной практики. Важным ресурсом самозащиты бюрократии стала корпоративная

²⁷⁶ Восленский, М. С. Номенклатура : Господствующий класс Сов. Союза / М. С. Восленский; Предисл. М. Джиласа. – 1-е сов. изд. – Москва : МП "Октябрь" : Сов. Россия, 1991. – 622 с.

²⁷⁷ Иванов, В. Н. Политические аспекты экономической модернизации в Российской Федерации / В. Н. Иванов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13, № 8(353). – С. 1415-1428.

культура. Руководствуясь собственными, по-своему понимаемыми этическими соображениями, бюрократия начинает изнутри системы переориентировать структуры государственного управления на критерии экономической целесообразности, иначе говоря, собственной выгоды. В условиях деформированной корпоративной культуры и социальной аномии большое значение приобретают неформальные отношения и связи. Формой самозащитной практики выступает и сам по себе бюрократизм, разросшийся в полнокровную систему бюрократической власти, в основе которой положена совокупность формальных и неформальных связей чиновничества с государственной деятельностью²⁷⁸.

О примитивизации политической системы пишет отечественный политолог Н. Петров, который считает, что отсутствие действенных механизмов согласования интересов политических и бизнес-элит не позволяет системе продвигаться вперед. Для общества же характерен патернализм со стороны власти, поощряемый ею самой, атомизация, чрезвычайно низкий уровень доверия, препятствующий консолидированным действиям.

Россия надолго задержалась в постсоветском и постимперском состоянии. Общество деидеологизировано, слабо структурировано и находится в межеумочном состоянии между империей и национальным государством. В текущем развитии имеются элементы как демодернизации, так и модернизации²⁷⁹.

Основываясь на результатах социологического опроса Л. Бызов пишет о том, что доминирующим мнением во всех опрошенных группах госчиновников является следующее: российская бюрократия заинтересована только в увеличении своего богатства и упрочении влияния. Причем, хорошо понимая специфику интересов российской бюрократии, сами «государственные чиновники видят ее

²⁷⁸ Жердев, В. В. Корпоративная самозащита бюрократии в системе государственного управления: ресурсы и технологии социального действия : специальность 22.00.08 "Социология управления" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Жердев Владимир Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2010. – 32 с.

²⁷⁹ Петров, Н. Модернизация как модель выживания / Н. Петров // Московские новости. – 2011. – 11 апр.

прежде всего в сохранении и постоянном увеличении своего влияния и власти, в защите собственных интересов. Мы сталкиваемся с феноменом сформировавшегося классового сознания, в котором осознанные государственной бюрократией собственные интересы противопоставляются интересам общества»²⁸⁰. Вывод, который можно сделать, заключается в том, что в современной России чиновники составляют особую социальную группу. Более того, их обособленное положение не только осознаётся ими и давно очевидно для всех остальных, но трактуется ими как положение «над обществом»²⁸¹.

Инерционность управленческих практик естественным образом вбирает в себя ужесточение надзора и разветвление государственного аппарата, его бюрократизацию. В этом случае чиновники работают формально, они используют занимаемые должности в личных и корыстных интересах.

Для всякого бюрократического аппарата характерен неудержимый рост управленческих штатов. Это явление описано в так называемом законе Паркинсона, отражающем количественное размножение административных органов. И хотя сохраняющая черты «командно-административных», механистических методов управленческая система, обладающая многими чертами советского периода, уже мало соответствует реалиям динамично меняющегося общества, она продолжает действовать как бы по инерции, поскольку социальный и политический контекст полностью соответствует условиям ее функционирования. И этот контекст имеет четко региональное выражение²⁸².

Все это достаточно отчетливо прослеживается в управлении вузами.

С самого начала высшие учебные заведения столкнулись со значительными проблемами адаптации к меняющейся социокультурной среде. Созданные в иных условиях, вузы не были сориентированы «на достижение экономического

²⁸⁰ Бызов, Л. Г. Бюрократия при В. Путине - субъект развития или его тормоз? / Л. Г. Бызов // Социологические исследования. – 2006. – № 3(263). – С. 4.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Волков, Ю. Г. Сценарии инновационного развития российских регионов: институционально-управленческое измерение / Ю. Г. Волков, А. В. Верещагина, В. В. Узунов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 2. – С. 35-40.

результата путем наилучшего удовлетворения потребительского спроса и достижения минимального уровня расходов. Они были нацелены, прежде всего, на выполнение государственных заказов»²⁸³.

В СССР функционирование системы образования было основано на высокой степени централизации, что выражалось на всех уровнях и структурах образования. Это соответствовало заказу на образование, который требовал воспитания в учебных заведениях определенного типа человеческой личности, готовой к жизни в ситуации господства тоталитаризма, когда своеобразной компенсацией отсутствия гражданского общества и демократии выступали стереотипизированные и идеологически выверенные формы поведения и мышления²⁸⁴.

И сегодня отечественные вузы все еще в значительной степени находятся в сфере действия линейной модели управления, так как очень велика зависимость преподавателей и сотрудников от государственной «руки кормящей». Речь должна идти о принятии новой управленческой парадигмы, о диагностике организационной культуры, об осознании необходимости мероприятий по ее изменению, которые были бы адекватны изменениям внешней среды²⁸⁵.

Управление вузом осуществляется в общем контексте управления образованием. Тем не менее, как указывает В.В. Власов, данные документы, несмотря на их кажущуюся демократичность, приводят к неадекватной образовательной политике, в основе которой лежат деструктивные управленческие практики вследствие государства практически не несёт ответственности за

²⁸³ Дрезинский, К. С. Совершенствование управления вузами в условиях рыночного реформирования российской экономики : специальность 08.00.05 "Экономика и управление народным хозяйством" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Дрезинский Константин Сергеевич. – Санкт-Петербург, 2008. – 18 с.

²⁸⁴ Гудков, Л. Кризис высшего образования в России: конец советской модели / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1998. – № 4. – С. 32-45.

²⁸⁵ Макаркин, Н. П. Роль организационной культуры в эффективном менеджменте высшего учебного заведения / Н. П. Макаркин, О. Б. Томилин, А. В. Бритов // Университетское управление: практика и анализ. – 2004. – № 5-6. – С. 152-162 ; Скворцов, Н. Г. Инновации в системе социального управления региональным развитием: роль университетского образования / Н. Г. Скворцов, А. В. Верещагина, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 64-68.

качество образования. Из бюджета практически не выделяются средства на образование, что приводит к его низкому качеству и превращению в нестабильную структуру с нечёткими целями и функциями. Таким образом, образовательная политика идёт вразрез с истинным предназначением образования – просвещение граждан и воспитание профессионалов²⁸⁶.

В недавнем прошлом система высшего образования рассматривалась с позиции социокультурного института, основные функции которого заключались в подготовке и включении индивида в сферу жизнедеятельности общества. В настоящее время главной функцией высшего образования считается обеспечение развития личности. Инерционность управления вузами проявляется также в лишении профессорско-преподавательского состава возможности участвовать в решении проблем ресурсного обеспечения научно-образовательного процесса, что опять же порождено прежней системой директивного государственного заказа.

Таким образом, проявление инерционности в управленческих практиках в условиях актуального экзистенциального вызова связано как минимум с ростом неэффективности, а как максимум – с развалом всей системы. В условиях глобального противостояния инерционность управленческих практик должна быть устранена, особенно в формате имитации, видимости работы.

²⁸⁶ Власов, В. В. Интерактивно-рациональное управление развитием социальной системы российского образования : специальность 22.00.08 "Социология управления" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Власов Владимир Васильевич. – Москва, 2007. – 41 с.

4.2. Культурные инварианты в адаптивных практиках повседневной жизни российского общества: инерционное измерение

Выявление социальной инерционности в адаптивных практиках повседневного существования²⁸⁷ или, пользуясь терминологией В.П. Булдакова, в условиях «навязанного выбора»²⁸⁸, связано с концептом практик повседневного существования.

Предлагая концепт «культурные практики повседневности», Л.Г. Ядрышникова исходит из того, что это позволяет обратиться к сфере социокультурного бытия, которая порождает подобные «низовые» формы культуры. В контексте культурных практик следует различать собственно творческую (инновативную) деятельность и культурную практику повседневного деятеля, связанную с привлечением неких «искусных» навыков и приемов. Обращаясь к анализу культурных практик, необходимо установить их статус по отношению к культуре: культура, понимаемая как практика повседневности, наделяется такими ее качествами как предсказуемость, тривиальность, стереотипность.

Здесь уместно соотнесение «типичности» и «стабильности» с «традиционностью» как возможностью социума зафиксировать определенное состояние в условиях осознанной нестабильности, текучести, ненадежности. Это – основная функция описываемых практик. Категория культурных практик повседневности охватывает все культурное поле, в том числе фольклор, самодеятельность, акционное поле современного искусства и т. д. Используя

²⁸⁷ Фаненштиль, Т. В. О некоторых особенностях анализа повседневности и ее характеристик в социальной философии / Т. В. Фаненштиль // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 5. – С. 96-103.

²⁸⁸ Булдаков, В. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления / В. Булдаков. – Москва : РОССПЭН. – 2007. – 203 с.

данный концепт, мы получаем возможность переключить наше внимание на пребывание индивида в разных социокультурных координатах, порождающих сложный комплекс ценностно-смысловых установок, знаково-символическую систему и формирующиеся на их основе способы коммуницирования, поведенческие, а также художественные практики²⁸⁹.

В свою очередь, Ю.В. Чекалова рассматривает повседневные практики с позиции их фонового характера через уточнение содержания понятий повседневности повседневных практик и в контексте драматургической модели. Повседневность – полагает она – как структурный компонент человеческого опыта есть то, от чего нельзя уйти никому. Ей можно оказать сопротивление, ее можно ограничить, но от нее не уйти полностью. «Повседневность предполагает, что все окружающие объекты должны восприниматься как нечто телесное, а не идеальное; как образы, а не понятия; как вещи, а не свойства или отношения. Повседневные практики никогда не выступают в форме проектов, программ, доктрин социального изменения. Это – тактики случая. Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные свободные зоны, защищенные от институциональных давлений»²⁹⁰.

И далее, развивая тему повседневности, в этой же работе, «Повседневные практики самопрезентации», Ю.В. Чекалова пишет: «Повседневность существует как пространство образования смыслов, изменения правил. Когда новое и оригинальное более не улавливаются интегративным общим порядком или регулятивным основополагающим принципом, оно принимает форму отклонения. Возникает сфера, в которой повседневность преображается за счет медленного давления или внезапного прорыва нового, где реальное и призрачное (кажущееся) четко не отделяются одно от другого. Поле человеческого опыта есть поле

²⁸⁹ Ядрышникова, Л. Г. Культурные практики повседневности: к вопросу о методологических принципах изучения / Л. Г. Ядрышникова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 53, № 14. – С. 194-202.

²⁹⁰ Чекалова, Ю. В. Повседневные практики самопрезентации / Ю. В. Чекалова // Вестник Одесского национального университета. Социология и политические науки. – 2009. – Т. 14, № 13. – С. 191-196.

знаковых систем со специфическими принципами конфигурации, а наглядность есть принцип для кодирования содержания повседневности. Повседневность является такой же знаковой системой, как и иные формы культурной и социальной жизни»²⁹¹.

Для И.Т. Касавина и С.П. Щавелева повседневность как проблема философии коренится в том факте, что оценка всех трех компонентов, составляющих повседневность – «повседневная реальность», «повседневное сознание» (знание), «философия здравого смысла» – диаметрально расходятся, что предопределяет и расхождение трактовок повседневности в различных социально-философских подходах. Различные традиции усматривают в феномене повседневности различные объекты, относящиеся к тому или иному ее аспекту, рассматривают повседневность на фоне различной интерпретации центральных философских понятий²⁹².

«Повседневное» – это то, что происходит «каждый день» и нас не удивляет. Мы обнаруживаем повседневность в форме рутины, привычки, многочисленных знакомых нам явлений. Сознание в условиях повседневности исходит из установки, что оно может и должно обходиться легко понятным знанием-рецептом, ограниченным набором способов восприятия, упрощенными формулами²⁹³.

В своих трудах Р.А. Мигуренко обращает внимание на то, что повседневность мыслится: а) как реальность; б) как «обыденное сознание»; в) как «сфера рождения истин здравого смысла»; г) как «естественный язык». Являясь философской категорией, повседневность не имеет определения, но имеет субстанциальную и функциональную интерпретации. Суть субстанциальной трактовки повседневности: нерефлексирующий человек представляет мир повседневности как первичную и автономную реальность, существующую как бы

²⁹¹ Чекалова, Ю. В. Повседневные практики самопрезентации / Ю. В. Чекалова // Вестник Одесского национального университета. Социология и политические науки. – 2009. – Т. 14, № 13. – С. 191-196.

²⁹² Касавин, И. Т. Язык повседневности: между логикой и феноменологией / И. Т. Касавин // Вопросы философии. – 2003. – № 5. – С. 14-29.

²⁹³ Там же.

сама по себе. Функциональная трактовка повседневности отвергает идею ее автономности и исходит из того, что предназначение повседневности состоит в установлении отношений между: а) реальностью и знаниями о ней, б) знанием и языком, в) языком и реальностью.

Знание формулирует смысл реальности, язык предоставляет смыслу знак и выделяет объект реальности как область значения. В методологическом аспекте повседневность есть статистический образ мира с исключительно стабильными основаниями человеческой жизнедеятельности; с феноменологической точки зрения она есть некое интегральное мифоподобное пространство²⁹⁴.

Академик М.К. Горшков обращает внимание на то обстоятельство, что для более четкого разделения повседневности и всего того, что лежит за пределами ее границ, повседневность противопоставляется: как будни – празднику; как общедоступные формы деятельности – высоким специализированным ее формам; как жизненная рутина – мгновениям острого психологического напряжения; как действительность – идеалу²⁹⁵.

В ходе крупномасштабных социокультурных изменений человек, погруженный в рутину повседневного существования, ощущает все это как некую чуждую для него стихию и стремится приспособиться к ее вторжению в его жизненный мир. Так начинает работать механизм адаптации к переменам, задействуются адаптивные практики повседневного существования²⁹⁶.

²⁹⁴ Мигуренко, Р. А. Повседневность, здравый смысл и проблема сознания / Р. А. Мигуренко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2(14). – С. 114-121.

²⁹⁵ Российская повседневность в условиях кризиса / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, В. А. Аникин [и др.] ; Институт социологии РАН; Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ. – Москва : Издательский Дом "Альфа-М", 2009. – 272 с.

²⁹⁶ Гнатюк, М. А. Инерционность социокультурных изменений в адаптивных практиках / М. А. Гнатюк // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты : Сборник статей по материалам LXXXII международной научно-практической конференции, Новосибирск, 01 июля 2024 года. – Новосибирск: ООО "Сибирская академическая книга", 2024. – С. 33-38.

Социокультурная инерционность в подобных адаптивных практиках повседневного существования связана прежде всего с повседневной социокультурной средой («давление повседневности»).

Социокультурная среда обычно трактуется как многомерное системное образование, включающее в себя различные элементы. Необходимыми элементами ее структуры среды являются: система социальных отношений и взаимодействий в определенном пространстве деятельности; культура, традиции и обычаи; условия непосредственной жизнедеятельности. Различные отношения, обусловленные социокультурной средой, включают широкий спектр контактов с социальным миром, сферой культуры и искусства, отношения в пространстве ближайшего социального окружения²⁹⁷.

Обращая внимание на инерционность социокультурной среды, Н.Н. Зарубина говорит о том, что повседневность не успевает за быстрыми изменениями социальной среды. Всё более повседневность теряет свою стабильность, становясь исполненной риска, источник которого кроется в устойчивости структур. То есть фактически происходит смена полюсов, поскольку именно устойчивость структур социальной сферы и обеспечивала стабильность. Эта метаморфоза обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, специфика современности требует динамической мобильности, способностей быстро реагировать на происходящие изменения, в том числе и в повседневности. Попытки сохранить устаревшие реалии бытия, полагаясь на сложившиеся ранее структуры в стремительно меняющихся обстоятельствах, как раз и провоцируют потери и возникновение дополнительных рисков: «Постоянные изменения, мобильность и динамичность навязываются в качестве атрибута современности. Приверженность обычаям, устоявшимся образцам, верность традициям интерпретируются как признаки «отсталости». Поэтому тот, кто не хочет рисковать своим символическим капиталом, должен стремиться успевать за быстрыми изменениями не только

²⁹⁷ Гнатюк, М. А. Социальная инерционность в российском обществе в адаптивных практиках повседневного существования / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 5. – С. 73-81.

моды, но и иных факторов – информации, профессиональных навыков, рыночной конъюнктуры»²⁹⁸.

В свою очередь, В.Б. Голофаст исходит из того, что инерция повседневности имеет два основания: во-первых, в коллективной поддержке и внимании, включая социальный контроль, во-вторых, в индивидуальном хабитусе, привычках и навыках жизни. Оба эти основания в ходе социокультурных изменений оказываются под угрозой²⁹⁹. Так, повседневность, инерционно отставая и не успевая за социокультурными изменениями, с течением времени становится областью риска.

Адаптивные практики повседневного существования в современной социокультурной среде во многом базируются на инерции маргинального быта, берущего свое начало из советской «коммунализации» 1920-х годов.

В основе изменений повседневных бытовых практик в первое десятилетие советской эпохи бытовала идеологическая установка на воспитание «нового человека»³⁰⁰ в первую очередь как человека «коллективного». По мнению советских идеологов, на месте старого быта со свойственным ему индивидуализмом должен возникнуть новый, на основе коммунального совместного сосуществования. Вначале предполагалось, что граждане «нового общества» будут жить в домах-общежитиях с общими яслями, столовыми, прачечными, оснащенными различными машинами и механизмами.

В итоге коммунальный быт превратился в одну из значимых жизненных реалий, а вместо благоустроенных домов-коммун новый быт стала символизировать коммунальная квартира.

²⁹⁸ Зарубина, Н. Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества / Н. Н. Зарубина // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 4. – С. 52-62.

²⁹⁹ Голофаст, В. Повседневность в социокультурных изменениях (размышления читателя автобиографий и биографических интервью) / В. Голофаст // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. – 2002. – Т. 1, № 1. – С. 67-74.

³⁰⁰ Бриленок, Н. Б. Здоровый образ жизни: социально-философский анализ : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Бриленок Наиля Булатовна. – Саратов, 2018. – 145 с.

Вместе с тем, даже «коммуналки» не могли справиться с потоком крестьян, которые хлынули в город, спасаясь от голода и коллективизации в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Наспех оборудованные бараки и общежития при минимуме удобств стали домами для многих «вновь испеченных» рабочих советской страны. Несмотря на это, главная идея жилищной метаморфозы осталась неизменной – жить отныне неизбежно приходилось в коллективе.

Вчерашние крестьяне несли с собой множество свойственных традиционному обществу и плохо осознаваемых культурных рефлексов, установок и предубеждений: при нормальном ходе урбанизации в город в первую очередь переезжают как деревенские маргиналы, в той или иной мере подготовленные к необходимости изменения образа жизни и образа мысли, так и наоборот – наиболее обеспеченные и наиболее грамотные, еще в деревенских условиях приобретшие некоторые черты городской культуры. В сталинском варианте урбанизации и индустриализации в города подалась та часть сельских жителей, которая достигла успехов в родной деревне и менее всего стремилась в города.

Между тем, атмосфера в стране, особенно морально-психологическая, становилась все более противоречивой: массовый энтузиазм и трудовой героизм сочетались со страхом и нарастающей всеобщей подозрительностью, доношением, направленным на поиски «врагов народа».

Формы коммунального быта накладывали серьезный отпечаток на мышление и психологию людей. «Прозрачность» приватного существования в сочетании с подозрительностью, завистью к соседям, агрессивностью, присущей малообразованным слоям, создавали почву для «стукачества» и доношательства, столь присущих «советскому коллективизму».

Урбанизация в советском обществе протекала на фоне отсутствия массового жилищного строительства, и как следствие, приток к городскому населению выходцев из деревень вызвал катастрофическое ухудшение жилищно-бытовых

условий, отличительными чертами которого стали скученность и «уплотнение»³⁰¹. Так формировался маргинальный быт.

Следствием нарастающей маргинализации стало то, что маргинальная система ценностей и поведенческих практик стали достоянием широких общественных кругов: социальное нетерпение в его крайних формах, склонность к максимализму и упрощённым решениям, негативизм по отношению к существующим общественным институтам. Маргинальное положение отдельного человека или социальной группы было связано с утратой культурной идентичности. Оказавшись на краю социального целого, маргинальные личности и группы попадают на периферию общества.

Коммуналка стала неким символом советской повседневности, запечатлённым и на страницах литературных произведений и в кинематографе. Из наиболее известных можно назвать фильмы: С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя», М. Казакова «Покровские ворота», П. Чухрая «Вор», Ю. Мамина «Окно в Париж». Архитектура многолюдных коммуналок создавалась таким образом, чтобы, по словам М. Фуко, сохранялась возможность «внутреннего упорядоченного и детального контроля» за их обитателями при попытке «сделать видимыми находящихся внутри»³⁰².

Коммуналка уходит своими корнями в дореволюционное прошлое, но прогрессирующий распад домашнего очага начался в стране после Октября 1917 года. В Советской России совместное проживание означало новую модель человеческих отношений, связанную с переориентацией быта от семейного существования к общественному. Коммунальная организация жизни стала полностью отвечать новому социально-политическому устройству жизни. Более того, в рабочей среде коммунальные идеи имели широкую поддержку.

³⁰¹ Орлов, И. Б. Советская повседневность [Текст] : исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов ; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2010. – 316 с.

³⁰² Там же.

Коммуналка оставалась одной из основных арен, где формировалась и воспроизводилась советская повседневность. Но при этом она не выполняла одну из основных своих функций как городского жилища – защиты частной жизни. Она фактически замедляла процессы формирования автономного типа личности, дифференциации приватной и публичных сфер, отодвигая урбанизацию в советском обществе³⁰³.

Инерция подобного маргинального быта, берущего свое начало из советской «коммунализации», во многом определяет адаптивные практики повседневного существования в современной социокультурной среде. Коммунальный быт и соответствующая психология маргинальных социальных слоев, осевшие в их «подсознании», остается реальностью и в условиях новой социальной действительности.

Приходится также обратить внимание на инерцию воспроизводства отчуждения в контексте повседневных социокультурных изменений³⁰⁴.

Философия культуры исходит из того, что отчужденные отношения современного человека с миром социокультурного наполнены: чувством бессилия перед объективными обстоятельствами; представлениями о бессмысленности жизни; восприятием действительности как мира, где нарушены все нормы общественного бытия; ощущением «вселенского» одиночества; чувством утраты индивидом своего собственного «Я», отчуждением от самого себя (самоотчуждением).

Тотальное отчуждение человеческой личности от мира, естественно, предполагает его отчуждение и от природы как части этого мира. Тем самым отчуждение представляется ничем иным как несовпадением человеческой

³⁰³ Орлов, И. Б. Советская повседневность [Текст] : исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов ; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2010. – 316 с.

³⁰⁴ Неугольников, А. П. Собственность как объект междисциплинарного исследования : опыт социально-философской рефлексии : автореферат диссертация кандидата философских наук : 09.00.11 / Неугольников Алексей Павлович; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2018. - 57 с.

личности не только с миром, но и с самим собой. А.С. Ахиезер увязывает отчуждение человека с постоянным усложнением общества, его динамизмом³⁰⁵.

В XX столетии причин и формы отчуждения приобретают большее разнообразие. Это обусловлено, с одной стороны, формированием действительно новых форм, с другой – усилением внимания ученых к собственно проблеме отчуждения, которые выявляли ее новые формы. К исследователям этого феномена относят Э. Дюркгейма, О. Шпенглера, М. Вебера, Г. Зиммеля, А. Швейцера, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, Э. Фромма, Х. Хайдеггера и других.

XX столетие, «ознаменованное» двумя мировыми войнами и государственным терроризмом при тоталитаризме, выявило бессилие личности.

Причина отчуждения кроется в полном подчинении человеческой жизни власти внешних сил, что обуславливает разрыв между сущностью и существованием, а несоответствие сущего должному инициирует переживание неудовлетворенности. В совокупности это приводит к утрате человеком связи со своим внутренним миром, своей первоосновой и другими людьми и формирует чувство заброшенности, отчуждѐнности, поскольку и сама человечность как неотъемлемое свойство человеческого и результаты человеческой деятельности начинают восприниматься как нечто чуждое человеку и господствующее над человеком.

Культуролог В.И. Марков исходит из того, что отчуждение, понимаемое как отчуждение деятельности, появление в ней негативных для субъекта стохастических следствий, есть извечный спутник любой человеческой активности, и в этом смысле его изучение имеет вневременную актуальность. Меняются только формы, но во все времена человек сталкивался и сталкивается с тем, что плоды его трудов оказываются превращенными, их инверсия вызывает к

³⁰⁵ Ахиезер, А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема / А. С. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 89-100.

жизни те самые «отчужденные силы, господствующие над людьми», описанные К. Марксом еще в XIX веке³⁰⁶.

Достаточно активно с адаптивными практиками повседневного существования начинают взаимодействовать социально-культурные технологии общественного просвещения и воспитания. Суть проблемы в том, что патриотизм должен объединять людей, а в нашем обществе он долгое время разъединял их, поскольку неизбежно был ангажирован политически и идеологически³⁰⁷. Однако практическая реализация патриотических призывов как частный случай универсальной ситуации трансляции социокультурного опыта и мобилизующих идеологических установок невозможна в условиях падения социального доверия к власти, ситуация же глобального вызова делает это неизбежным и важным. В итоге подобная государственная политика в сфере патриотизма может быть эффективной только при наличии доверия к власти и честности. Имитационные патриотические практики, выраженные в форме ура-патриотизма, а также ряд других типов патриотизма (слепого, державного, лже-патриотизма, национал-патриотизма) могут быть только имитацией, вредящей как на индивидуальном уровне, приводя к отчуждению, так и коллективном.

Важным срезом исследуемой проблемы выступает социокультурная адаптация в пространстве праздничной культуры как составной части повседневного существования.

Развитие и изменение ритуала празднования, установление места праздника в праздничной иерархии является отражением социальных изменений более

³⁰⁶ Марков, В. И. Отчуждение в культуре : специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Марков Виктор Иванович. – Кемерово, 2002. – 366 с.

³⁰⁷ Мамардашвили, М. К. Символ и сознание : Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский; Под общ. ред. Ю. П. Сенокосова; [Предисл. Л. Ворониной]. – Москва : Шк. "Языки рус. культуры" : Кошелев, 1997. – 217 с ; Мамардашвили, М. К. Формы и содержание мышления [Текст] / М. К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука, 2011. – 282 с.

высокого порядка – изменений системы ценностей³⁰⁸. Празднование всегда носит коллективный характер, поэтому залогом его существования являются общие, разделяемые группой ценности, в то время как утрата интереса к празднику служит признаком того, что ценности, воспроизводимые в ритуале такого празднования, теряют свое значение³⁰⁹.

Процесс перехода от «красного календаря», тесно связанного с празднованием государственно-партийных юбилеев, к современной модели государственных праздников был определен тем, что власть стремилась закрепить свои позиции, в том числе и во внешних формах повседневной культуры.

Культуролог О.Л. Орлов не без оснований полагает, что праздник выступает эффективным средством включения человека в социум и мир культуры, является фактором стимулирования творческой активности людей, инструментом идеологического влияния и действенным механизмом структурирования культурной жизни. При этом в современной культуре происходит существенная модификация праздника: уменьшается степень его формализации, развивается индустрия праздничной символики, усиливается утилитарный характер празднования, и прежде всего за счет маркетинговой нагрузки, когда праздник вынужден решать рекламные задачи его организаторов и спонсоров³¹⁰.

В настоящее время российское общество переживает этап качественных изменений в процессах социокультурной трансформации и формирования ценностей. На смену коллективистским началам и культурному единству приходит избыточное социальное неравенство, обособление и отчуждение социальных слоев

³⁰⁸ Зеверт, Д. Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе / Д. Зеверт // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2015. – № 2(2). – С. 103-113.

³⁰⁹ Калачева, О. Празднование как индикатор социальных изменений: старые и новые праздники постсоветской России / О. Калачева // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2003. – № 1. – С. 26-29.

³¹⁰ Орлов, О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен : специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Орлов Олег Леонидович. – Санкт-Петербург, 2004. – 335 с ; Береснева, Ю. В. Тенденции мифологизации современных коммуникативных практик : специальность 09.00.01 "Онтология и теория познания" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Береснева Юлия Витальевна, 2018. – 210 с.

и человеческой личностей. В итоге усиливается тенденция ослабления коллективных созидательных действий на благо общества, однако процесс социальной адаптации в пространстве праздничной культуры сохраняет свое значение.

Таким образом, социокультурная инерционность в адаптивных практиках повседневного существования связана прежде всего с повседневной социокультурной средой («давление повседневности»), структурными элементами которой являются: система социальных отношений и взаимодействий в определенном пространстве деятельности; культура, традиции и обычаи; условия непосредственной жизнедеятельности. Различные отношения, обусловленные социокультурной средой, включают широкий спектр контактов с социальным миром, сферой культуры и искусства, отношения в пространстве ближайшего социального окружения.

Адаптивные практики повседневного существования в современной социокультурной среде во многом базируются на инерции отчужденности в контексте социокультурных изменений и замыкании на собственных микромирах с принятием в качестве нормы формальных практик социального участия. Кризис субъектности и культуры участия, упрощение социальных практик, зачастую в формате архаизации, в условиях усложняющегося современного социума есть результат адаптации к кризисной социокультурной реальности российского общества.

Понятие архаизации довольно часто используется современными российскими учеными при анализе процессов и тенденций российской социокультурной реальности. Эти исследования касаются проблем развития культуры общества³¹¹, институтов государства, управления и права³¹², правового и

³¹¹ Недугова, И. А. Архаизация в культуре: рассмотрение феномена / И. А. Недугова // *Credo New*. – 2012. – № 1. – С. 15.

³¹² Карнаушенко, Л. В. Институт права в аспекте процессов архаизации и модернизации современного общества / Л. В. Карнаушенко // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. – 2016. – № 2(32). – С. 88-92.

идентификационного поведения³¹³, соотношения традиций, инноваций и архаики в меняющейся социокультурной динамике³¹⁴.

Как правило, архаизацию наделяют негативными коннотациями, связывая с ней проявления девиантности и делинквентности, кризисных явлений современной российской действительности³¹⁵. Однако Н.Н. Зарубина так не считает, утверждая, что не следует связывать архаизацию с негативными явлениями, хотя в большинстве случаев этот подход оправдывает себя, поскольку архаизация, как правило, отражает процесс упрощения массовых социальных практик, примитивизирует сознание и отрицательно влияет на потенциал социокультурного воспроизводства общества.

Таким образом, в качестве основных выводов можно сформулировать следующие исследовательские тезисы.

В процессах конструирования социокультурной и политической реальности механизм и инварианты инерционности проявляют себя прежде всего в социальном пространстве, когда базовыми компонентами феномена социокультурной инерции выступают такие тенденции как сильное социальное воздействие; отход от рациональности, основанный на искаженном восприятии прошлого опыта; попытки конструирования социальной и политической реальности.

Эволюционное усложнение современных обществ формирует социокультурные свойства и черты, которые слабо улавливаются имеющимися концепциями философского знания. В этом смысле анализ механизма и инвариантов инерционности заставляет обратить внимание на символические

³¹³ Дюжиков, С. А. Архаизация правового поведения как предмет теоретической рефлексии / С. А. Дюжиков, Д. Н. Левашев // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 75-86 ; Левашев, Д. Н. Архаичные идентичности: границы влияния на правовое поведение в российском обществе / Д. Н. Левашев // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 170-181.

³¹⁴ Аршинов, В. И. Инновации, традиции и архаика как ценностные компоненты культуры в ее синергетически-сложностном измерении / В. И. Аршинов // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Т. 13, № 2(63-64). – С. 79-89 ; Ламажаа Ч.К. Феномен архаического в организации социокультурного процесса // Новые исследования Тувы. 2014. № 3 (23). С. 112-120.

³¹⁵ Хоружая, С. В. Архаизация и деградация в социокультурном пространстве / С. В. Хоружая, А. Р. Салчинкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5(79). – С. 194-196.

аспекты человеческого поведения и их взаимосвязь со стратегиями социокультурного развития, а инерционная составляющая увязывается с целенаправленным манипулятивным воздействием находящимися у власти субъектов.

В условиях, когда сегодняшняя политическая конструкция отвечает интересам народа, субъектность переходит в разряд главного показателя анти-инерционных практик, предназначенных для трансформации общественного сознания и поведения, а инерционная составляющая проявляется в обществе в условиях утраты у преобладающей части населения уверенности в будущем, непониманием причин и сущности происходящего, нежеланием принимать «на веру» все то, что предлагается СМИ, зачастую осуществляющими деструктивное психологическое воздействие.

Механизм и инварианты инерционности в процессах конструирования социальной и политической реальности проявляются в таких векторах и траекториях как стремление сохранить настоящее положение дел при помощи элементов прошлого социокультурного опыта, и социокультурных практик в виде социального повторения и подражания, стремление в целях поддержания устойчивости системы к сохранению социального порядка, несмотря на социальную и политическую неопределенность, что в итоге воплощается в квазимодернизации и имитации.

Процессы социокультурных изменений в современных российских условиях отличаются разнонаправленностью, что обостряет противоречия между различными формами предоставления властных отношений, а также между различными уровнями политической активности. Эти противоречия выступают как признаки нарушения системного характера политической реальности и государственно-управленческой сферы и во многом связаны с проявлением инерционности в организационно-управленческих практиках. В целом процесс адаптации к работе в современных условиях осложняется инерционным наследием советской системы.

Проявление инерционности в управленческих практиках было связано с процессами становления новой управленческой бюрократии. Второй виток инерции бюрократизации наложился на новые социально-политические и организационно-управленческие реалии. Вместо бывшей советской номенклатуры формируется неономенклатура. Недаром сущность бюрократии наиболее ярко проявляется через понятие «класс», «корпорация», поскольку она имеет свои интересы, часто отличные от общественных. Кроме того, бюрократическая система управления формирует особый тип личности. Бюрократизированный индивид характеризуется специфической этикой политического и идейно-морального конформизма, психологией верности существующим порядкам, ориентацией на соответствие мнениям и требованиям непосредственного окружения.

Инерционность в деятельности бюрократии во многом связана с тем, что политические изменения и реформы инициировала власть, которая была и остается основным субъектом процессов трансформации реформирования. Инерционность управленческих практик естественным образом вбирает в себя ужесточение надзора и разветвление государственного аппарата и его бюрократизацию.

Адаптивные практики повседневного существования в современной социокультурной среде во многом базируются на инерции маргинального быта. Формы коммунального быта накладывали серьезный отпечаток на мышление и психологию людей. Усиление маргинализации привело к интеграции маргинальной системы ценностей (социальное нетерпение в его крайних формах, склонность к максимализму и упрощённым решениям, негативизм по отношению к существующим общественным институтам) в широкие общественные круги.

Инерция подобного маргинального быта, берущего свое начало из советской «коммунализации», во многом определяет адаптивные практики повседневного существования и в современной социокультурной среде. Коммунальный быт и соответствующая психология маргинальных социальных слоев, осевшая в их «подсознании», остаются реальностью в условиях новой социальной действительности. Начинает работать инерция воспроизводства отчуждения в

контексте повседневных социокультурных изменений. Человек теряет связь со своим внутренним миром, своей первоосновой и другими людьми, со всем тем, что и делает жизнь подлинно человеческой.

Кризис субъектности и культуры участия, упрощение социокультурных практик, зачастую в формате архаизации, в условиях усложняющегося современного социума есть результат адаптации к кризисной социокультурной реальности и разворачивающихся по инерционному сценарию алгоритмов конструирования этой реальности. Ответом может являться только эффективная политика в сфере трансляции и пропаганды позитивных инерционных практик, активизация творческого потенциала культуры, в том числе через патриотические мероприятия, опирающиеся на ядерные смыслы русской культуры. Отметим еще раз, что особенно опасна имитация в этих аспектах, ведущая к отчуждению и недоверию к самим основам культурной идентичности.

Важным измерением выступает социокультурная адаптация в пространстве праздничной культуры как составной части повседневного существования. Процесс перехода от «красного календаря», тесно связанного с празднованием государственно-партийных юбилеев, к современной модели государственных праздников, был определен тем, что власть стремилась закрепить свои позиции, в том числе и во внешних формах повседневной культуры. В настоящее время в обществе на смену коллективистским началам и относительному культурному единству приходит избыточное социальное неравенство, обособление и отчуждение социальных слоев и человеческой личности. В этих условиях процесс адаптации в пространстве праздничной культуры сохраняет свое значение, выступая составной частью социокультурной инерционности в адаптивных практиках повседневного существования.

ГЛАВА 5. ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНЕРЦИИ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Тренды, траектории и векторы социокультурной инерции в ее инвариантном выражении в своем стремлении сохранить устойчивость и стабильность становятся факторами вытеснения на периферию новообретенных элементов и «упрощения» общества, что, применительно к российским реалиям, отчетливо проявляется в сценариях и практиках российской модернизации. Модернизация в целом может рассматриваться как некий триггер или маркер, позволяющий выявить как позицию самого рефлексирующего субъекта, так и произвести срез коллективного восприятия истории и современности.

В российской социокультурной реальности модернизация представляет собой часто лишь некую иллюзию модернизации, что соответствует характеру инерционности в социокультурных изменениях. В рамках предложенного нами методологического конструкта были выделены три типа социокультурной инерции в зависимости от характера ее влияния на социокультурные изменения: прогрессивный, регрессивный и нейтральный. В данной главе ставится задача выявления доминантного типа инерционности как индикатора модернизационных преобразований в России в их результирующей составляющей.

Иными словами, нам предстоит сопоставить инерционность и модернизированность российской социокультурной системы, выявив тем самым вектор социокультурных изменений в современной России и перспективы его изменения в сторону прогрессивной траектории, что и составляет итоговую цель предпринятого нами исследования.

5.1. Социокультурная инерция в практике российской модернизации

Модернизация – это совокупность взаимообусловленных технико-технологических и социальных процессов, связанных не только с принципиальной сменой технологий, но и с существенной трансформацией социокультурной среды, способной к восприятию, внедрению и использованию новаций. Модернизация как процесс – это область исторической и актуальной реальности.

В свою очередь, модернизационная парадигма есть совокупность рассуждений и доводов о модернизации, то есть о конкретной социальной, политической, экономической, культурной ситуации индустриальной эпохи. Но ныне человечество вступило в эпоху постиндустриализма и глобализации, в информационную эру. Поэтому приходится давать оценку именно модернизационного дискурса, иначе говоря, закреплённой в языке форме упорядочения картины мира, конкретного способа логических рассуждений³¹⁶.

В условиях «поздней современности» речь идет одновременно и о завершении модернизации (транзит от традиционного общества к современному), и о процессах перехода от современного к постсовременному развитию.

При этом все это осуществляется в пространстве усиливающейся глобализации, в русле усложняющейся мировой социальной практики и новых социокультурных реалий. Таким образом, запаздывающая модернизация идет одновременно с запаздывающей постмодернизацией (трансформацией).

Есть мнение, что в современной России модернизация призвана радикально и качественно сократить отставание страны от развитых государств. Это в идеале. Вполне очевиден «догоняющий» характер российской модернизации, как и то, что

³¹⁶ Гнатюк, М. А. Социальная инерционность в смысловом контексте российской модернизации / М. А. Гнатюк, Г. А. Воробьев // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 7. – С. 125-130.

она необходима³¹⁷. При этом в XXI столетии модернизационная тематика приобретает особый характер.

Отечественный социолог Н.И. Лапин недаром говорит о том, что сегодня мало рассматривать модернизацию в качестве перехода от традиционного общества к современному, ибо в контексте нарастающей глобализации возникли планетарные риски и угрозы, тесно между собой связанные. В силу этого процессы модернизации происходят не только в традиционных, но и в современных обществах, во всех или почти во всех странах. Люди сравнивают ключевые параметры жизненного бытования в своей стране с жизнью в других государствах, но при этом действуют по-своему: изобретая новое или следуя рутинным навыкам труда, адаптируясь или же протестуя, эмигрируя в другие регионы или страны, спиваясь или отдаваясь во власть наркотиков, убивая себя или же других³¹⁸.

В течение последних нескольких столетий в силу стечения ряда культурно-исторических обстоятельств Россия шла по пути «неорганической модернизации» или, в другой терминологии, – «догоняющего» развития. Все ее попытки произвести модернизацию не увенчались успехом. Справедливости ради стоит отметить, что в технологическом и социальном плане ситуация порой развивалась весьма благоприятно, но задачи политической модернизации, как и социокультурных, ценностных изменений, оставались камнем преткновения для всех реформаторов.

Вот оценка известного исследователя проблем российской модернизации А. Вишневского: «В допетровской, а тем более послепетровской истории России было множество модернизирующих начинаний: все они либо растворились в политической стагнации последующих лет, либо были обращены вспять контрреформами. И ни одно из них не избавило необратимо российское общество от кошмара отсталости. Поражение в Крымской войне спустя всего четыре

³¹⁷ Гришаева, Л. Е. Апокалипсис по модернизации / Л. Е. Гришаева // Экономический журнал. – 2010. – № 4(20). – С. 5-16 ; Ткаченко, С. В. Идеология модернизации постсоветской России / С. В. Ткаченко // NB: Национальная безопасность. – 2014. – № 3. – С. 1-92.

³¹⁸ Лапин, Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9(329). – С. 3-18.

десятилетия после победоносной войны с Наполеоном, Цусима после четырех десятилетий энергичного, казалось бы, пореформенного экономического развития, неудачи на фронтах Первой мировой войны – пусть и особенные, но неопровержимые признаки постоянно накапливающегося отставания, против которого были бессильны все реформы»³¹⁹.

В большинстве отечественных и зарубежных работ, вышедших в последнее время и посвященных рассмотрению отечественной истории, выделяется ряд перманентно действующих факторов российского исторического процесса в их временной протяженности. К ним относятся прежде всего особая пространственная и геополитическая ситуация, специфический механизм функционирования социального строя, место государства и его институтов в регулировании общественных отношений, наконец, острая общественно-политическая и идейная борьба по вопросу о путях развития России.

Нынешняя повестка дня новой российской власти вновь ставит во главу угла модернизацию страны и общества.

Философ и социолог Ю.Г. Волков справедливо пишет о том, что политический класс в постсоветской России модернизационные процессы ставят вопрос выживания, а не жизни. Тем не менее, представители этого класса трактуют ее цели и способы более чем неоднозначно. Это дополняется тем, что полемика вокруг сценариев российской модернизации отходит на второй план перед идеей выживания, задачами, связанными с тем, чтобы хотя бы сохранить достигнутые позиции. В то же время, Ю.Г. Волков полагает, что «готовность общества к модернизации не может определяться негативной мобилизацией, поисками внутренних или внешних врагов, социальными и технологическими коллапсами. Модернизационный позитив должен быть связан с внедрением в массовое сознание чувства национального честолюбия и национальной гордости, стремления к лидерству в мировом сообществе, преодолением комплекса социальной и

³¹⁹ Вишневский, А. Г. Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь? / А. Г. Вишневский // Мир России. Социология. Этнология. – 2002. – Т. 11, № 3. – С. 13-21.

национальной самоизоляции и исторических обид. Однако программа рационализации социальной жизни, которой руководствуется современная российская политическая элита, отличается излишней технократизацией и мало увязана с адекватными оценками социально-гуманитарного и культурного потенциала нашего социума»³²⁰.

В целом, по оценке известного политолога и политического философа А. Рябова, модернизационный выбор, который еще недавно выступил в статусе отправной точки для всего трансформационного процесса на социально-экономическом и политическом уровнях. Но ни в 1990-е годы, ни в начале XXI века это не было востребовано ни политической элитой, ни общественностью, которые озаботились вновь старым вопросом – поиском особого пути развития. Однако именно это обстоятельство всегда приводило в тупик, не позволяя найти адекватные способы адаптации при сохранении своей самобытности в мировых реалиях³²¹.

Сегодня в социуме наблюдаются процессы демифологизации и рационализации массового сознания. В то же время рост невежества и социальной апатии, присущие достаточно широким слоям населения, расширяет общественную базу традиционализма, архаики и патриархальщины. Подобное противоречивое сочетание создает труднопреодолимые социокультурные барьеры на пути выстраивания инновационно-креативного пространства обновившегося и обновляющегося в результате модернизации вследствие перехода к позитивной стратегии модернизационных изменений и органичной модернизации, идей, которые все чаще привлекает к себе внимание части политической и интеллектуальной элиты³²².

³²⁰ Волков, Ю. Г. Креативное общество как цель российской модернизации / Ю. Г. Волков // Социологические исследования. – 2011. – № 11(331). – С. 25-32.

³²¹ Рябов, А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в постстабилизационную эпоху / А. Рябов. — Москва : Гендальф, 2005. — 64 с.

³²² Гнатюк М.А. Сложность и противоречивость социального мира: редукция через практическую актуализацию и инерционность // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 5-6-1. – С. 158-166.

Остро и неоднозначно размышляет на эту тему В.Н. Шевелев в работе «Антропология модернизации»: «Возможно ли, опираясь на модернизаторские импульсы снизу, рассчитывать на то, что они в конечном итоге «пробьют» консервативно-инерционную экономическую и политическую систему и приведут к постепенному превращению нынешней России в современное, динамично развивающееся общество? Или некий исторический рок тяготеет над страной, препятствуя ей на протяжении веков сравняться в своем развитии с преуспевающими странами?»³²³

Пока что все говорит о том, что Россия, испробовав различные варианты догоняющего развития, оказалась в уже привычных для себя координатах исторического распутия или, пользуясь терминологией Э. Паина, распутицы³²⁴.

Оценивая условия и обстоятельства проявления социокультурной инерционности в процессах обновления, исследователи и в частности А.В. Глухова в статье «Проблемы российской модернизации в ценностном измерении» справедливо обращают внимание на то, что «термин «модернизация» скрывает в себе различные значения: от индустриальной, энергетической, военной до финансовой, образовательной, политической модернизации. При этом важно понимать приоритетность того или иного измерения модернизационного процесса, обуславливающего совокупное воздействие всего множества факторов на его конечный результат. За этим выбором стоит борьба различных социальных групп и политических сил, соотносящих свои интересы с перспективными проектами руководства страны»³²⁵.

При этом значимой тенденцией социокультурной эволюции становится инерционное взаимодействие традиционализма и архаики, исторически

³²³ Шевелев, В. Н. Антропология модернизации: Россия между Западом и Востоком / В. Н. Шевелев; науч. ред. д.и.н., проф. Нарезный А. И., Юж. федер. ун-т, Рост. межрегион. ин-т обществ. наук. — Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2009. — 351 с.

³²⁴ Пайн, Э. А. Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России / Э. А. Пайн. - Москва : РОССПЭН, 2009. - 269 с.

³²⁵ Глухова, А. В. Проблемы российской модернизации в ценностном измерении / А. В. Глухова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2011. — № 2(14). — С. 49-56.

сложившихся в обществе, с пластами инновационной культуры³²⁶. А в спорах о настоящем и будущем модернизации важную роль играет наше историческое прошлое. «Российская политическая и интеллектуальная элита, – пишет И. Клямкин, – до сих пор не может прийти к согласию относительно желательного будущего страны. Поэтому она продолжает бескомпромиссно спорить и о прошлом, предлагая публике его разные и несовместимые образы. В глазах одних оно светлое и заслуживающее реставрации, в глазах их оппонентов – проклятое и подлежащее не возрождению, а преодолению»³²⁷. И подобные оценки еще раз поднимают вопрос рефлексии модернизации, их диаметральной противоположность, порой непримиримость свидетельствует об актуальности исследования проблемы инерции. Уже само ее осознание, подобно психоаналитической процедуре, позволит выйти на более органичный и рациональный уровень освоения и решения проблемы.

Характеризуя условия и обстоятельства социокультурной инерционности в смысловом контексте российской модернизации, выделим два среза ее проявления – инерцию власти и инерцию среды (общества).

В 1990-е годы наблюдаются кардинальные изменения в обществе, политическом устройстве, экономической политике, жизненном укладе. «За время реформ произошли две революции, – пишет А. Рубцов. – Сначала поменялся сам уклад жизни, и мы незаметно очутились в совершенно другой стране – с другими проблемами и возможностями, опасностями и перспективами, с другими правилами и инструментами выживания. Но в бытовой идеологии для многих все это еще долго оставалось чем-то случайным и временным, ошибочным или просто преступным. Реформы состоялись «физически», но не экзистенциально. Страна

³²⁶ Иванов, А. Г. Социальная мифология и ее роль в развитии общества : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Иванов Андрей Геннадиевич. – Воронеж, 2018. – 46 с.

³²⁷ Ахиезер, А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко ; Фонд "Либеральная миссия". - [2-е изд., испр. и доп.]. - Москва : [Новое изд-во], 2008. – 461 с.

изменялась в эмоциональном надрыве, под стенания о гибели, развале и близкой катастрофе».

Одни в этой новой реальности сумели найти себя; другие, стиснув зубы, приспособились к обстоятельствам; третьи – обреченно примирились. «...Первые годы изменили реальность, следующие – отношение к ней». В идеологии, по словам Рубцова, сник классовый антагонизм, а у «альтернативных реформаторов» отпали претензии доктринального уровня?..»³²⁸

Внутриполитический курс политической элиты отличался противоречивостью и непоследовательностью. Начав в 1990-е годы политическую модернизацию на новой основе, элита была озабочена проблемами формирования государственной политики, которая сумела бы положительным образом повлиять на ситуацию в постсоветской России. Эффективная государственная политика должна быть сформирована, имея в своей основе четко сформулированную стратегию, а также должное идеологическое обеспечение, направленное на консолидацию различных социально-политических сил и слоев на почве наиболее значимых ценностей. Необходимы были также новые подходы, учитывающие глобальные изменения, происходящие не только в России, но и во всем мире, в соответствии со сложившимся менталитетом и традициями народов нашей страны.

Однако инновационно-демократическая модернизация содержала в себе неустранимые стратегические риски для доминирующих групп сформировавшегося политического режима. Отсюда – инерционные практики власти. Как полагает политический философ В.С. Мартьянов, главный парадокс современной России в том, что ее политическая элита всеми силами стремится осуществлять контроль открытого урбанистического общества, используя изжившие себя, патриархальные практики. Интеллектуальная ретроутопия элиты – свидетельство общественного тупика, а постоянное обращение общественно-

³²⁸ Рубцов, А. Призрак свободы : путинская Россия между либеральным и неототалитарным проектами / А. Рубцов // Знамя. – 2001. – № 1. – С. 140-153.

политической мысли к истории, традиции и мифам – это показатель нелегитимности и слабой функциональности актуального политического порядка.

С позиции либерального мышления и представлений о реальности власть все более и более активно восстанавливает архетипические исторические институты и практики, которые возвращают Россию в нелиберальный, патриархальный социум³²⁹. Сама история России с этой позиции – архаика, нуждающаяся в забвении, ничего полезного и позитивного в ней нет, как и в инерции того социокультурного наследия, которое есть. Путь, который предлагается, – это разрыв с прошлым, а значит, с наследием. В теоретических же построениях так настроенных авторов социокультурная инерция признается только в качестве объекта, который нельзя исключить, но хотелось бы.

Возвращаясь к анализу, можно сказать, что инерционным практикам власти соответствовала инерция среды. В России, как и во всякой другой стране, дадут результат только те реформы, которые соответствуют наличному менталитету общества, его социокультурной «почве», «гумусу»³³⁰. С одной стороны, есть модернизация как проект, задуманный элитой, с другой стороны, имеются определенные трансформационные рамки. Шанс на успех имеет та модернизация, которая укладывается в эти рамки, учитывает социокультурные особенности общества. Содержательными характеристиками, определяющими «социокультурный код» или «матрицу», являются универсалии, представляющие собой ту совокупность ценностей, норм, установок, которые и составляют то «поле стереотипов» в системе социометрических координат, содержательный компонент которых насыщен культурными, религиозными и политическими мифами, традиционно-бытовой моралью, психологическими установками, исходя из

³²⁹ Мартыанов, В. С. Инволюция элиты в обществе модерна / В. С. Мартыанов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6, № 3. – С. 34-56.

³³⁰ Яркеев, А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Яркеев Алексей Владимирович. – Казань, 2019. – 34 с.

которых и идентифицируют принадлежность к той или иной культурной матрице³³¹.

Модернизация в России – результат активности социальных субъектов, акторов и авторов «исторической драмы», но этими субъектами выступают не «третье сословие», не «пионеры», осваивавшие североамериканский континент, но фигуры императора и народа, вождя и партии как «руководящей и направляющей силы». Если исследователи либеральной школы сетуют на социокультурные барьеры, сохранившиеся от архаики, то антилибералы, напротив, интерпретируют неудачи модернизационного процесса аналогично, но с обратным знаком: в давлении архаичных пластов они видят только плюсы. Конечно, данная формула весьма условна, но считаться с этим обстоятельством все же приходится.

Реальный выбор из спектра множества потенциально возможных вариантов регулирования при помощи социальных и экономических мер и решений в первую очередь определяется культурой и ментальностью общества, цивилизационными характеристиками и даже такой расплывчатой субстанцией как «национальный характер». Есть немало исследований, авторы которых полагают, что многие черты национального характера противоречат рыночным отношениям. Среди «антимодернизационных» характеристик ментальности россиян, в силу которых сдерживаются рыночные реформы, называются «патерналистские ориентации», представления о социальной справедливости, коллективизм³³².

По мнению философа и культуролога И.Г. Яковенко, российское общество с XVII века находится в процессе модернизации, которая до сих пор не завершена, поэтому наша культура имеет два уровня. Есть традиционная культура, которая возникла в ходе цивилизационного синтеза в XII-XVI веках. Затем более трех столетий модернизация накладывала и накладывает на исходную ментальность другие черты и формирует иные социальные интенции. При этом новое частично

³³¹ Шевелев, В. Н. Антропология модернизации: Россия между Западом и Востоком / В. Н. Шевелев; науч. ред. д.и.н., проф. Нарезный А. И., Юж. федер. ун-т, Рост. межрегион. ин-т обществ. наук. — Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2009. — 351 с.

³³² Гнатюк, М. А. Социальные ресурсы преодоления инерционности в сценариях и практике российской модернизации / М. А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 7. – С. 96-101.

размывает устойчивые моменты, взаимодействует с ними, отодвигает на периферию. Однако эти устойчивые черты не исчезают, они как бы уходят в подпочву. Для того чтобы выделить наиболее важные сущностные черты, многие исследователи вводят понятие «культурный код» или «культурное ядро»³³³.

Другой параметр – это готовность общества к переменам. Л. Бызов, анализируя текущую ситуацию в России с позиции готовности общества к переменам, с одной стороны, фиксирует рост числа россиян, ориентированных на перемены, особенно в рамках среднего класса. С другой стороны, велика и *сила инерции*, стремление к сохранению стабильности любой ценой.

Анализируя содержательную сторону перемен и отношение к ней различных социальных групп и слоев, автор подчеркивает, что к либеральному вектору в решении насущных вопросов современности в России принадлежит часть элиты и бизнеса и городская молодежь. Однако доминирующее большинство придерживаются традиционных взглядов и ориентированы на перемены в виде укрепления государства и усиления «порядка» через силовое подавление коррумпированных и неэффективных управленческих элит. На основе анализа данных ряда социологических исследований (ФНИСЦ РАН, ВЦИОМ, ФОМ) автор выделяет три социально-политические парадигмы перемен, существующих сегодня в массовом сознании: лево-авторитарный сценарий; либерально-авторитарный сценарий; демократический сценарий³³⁴.

В свою очередь, А.В. Рубцов говорит о системных ограничителях и субъективных препятствиях на пути модернизации России, задавшись вопросом – каким образом может быть проведена форсированная модернизация в условиях, когда вся конъюнктура располагает к реализации инерционного сценария?

Парадоксальность и опасность ситуации, в которой Россия оказалась в начале нового столетия, полагает А.В. Рубцов, заключается в том, что страна остро

³³³ Модернизационный вызов современности и российские альтернативы (материалы круглого стола) // Мир России. Социология. Этнология. – 2001. – Т. 10, № 4. – С. 3-58.

³³⁴ Бызов Л.Г. Парадигмы посткризисного развития // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 3 (101). С. 5-17.

нуждается в кардинальных, системных и быстрых преобразованиях. Однако слишком велика инерция сопротивления. Об этом свидетельствуют не только анализ условий, но и реальный ход событий, сама практика начатых (возможно, точнее будет сказать *якобы* начатых) преобразований.

Так, задачи диверсификации и перехода от доминирования сырьевого экспорта (образец инерционного сценария) к высокотехнологичной экономике, наукоемким производствам и массовым инновациям (образец инновационного сценария) стали общим местом стратегических и программных документов, а также текущей аналитики. Однако эта задача решается крайне медленно и совершенно неудовлетворительно и по темпу и по качеству промежуточных результатов³³⁵.

Вполне возможно, к моменту неизбежного начала срыва в сырьевой экономике российское политическое руководство при таких низких и невнятных темпах обновления не сможет удержать геостратегические позиции. Поэтому, полагает автор, когда крупный стратегический план сталкивается с явными, а то и просто катастрофическими пробуксовками, неплохо бы проанализировать как его базовые идеологические основания, так и в особенности практики реализации³³⁶.

Инерционная составляющая модернизации достаточно отчетливо прослеживается по целому ряду параметров.

Так, Л.А. Гришаева говорит о «непреодолимой силе инерции», выделяя несколько системных препятствий в области экономики, стоящих перед Россией, на пути к модернизации. Это, во-первых, замкнутый круг налогового бремени, связанный с тем, что государство не видит смысла в упорядочении и принципиальном изменении системы сбора налогов, когда есть возможность получить доход от продажи ресурсов за рубеж. Это гораздо проще и выгоднее. Ведь

³³⁵ Гнатюк, М. А. Противоречия социокультурных изменений в российском обществе: анализ факторов инерции и инновации / М. А. Гнатюк // Человек. Общество. Инклюзия (Приложение). – 2023. – № 1. – С. 57-63.

³³⁶ Рубцов, А. В. От идеологии к мегапроекту: условия реализации / А. В. Рубцов // Полигнозис. – 2009. – № 4(37). – С. 3-4.

вопрос уплаты налогов гражданами является одним из важнейших стимулов развития как государства, так и общества. Однако активное участие граждан в политической жизни страны противоречит интересам госаппарата: во-вторых, это природная рента; в-третьих, незащищенность прав собственности в России. Как только та или иная отрасль или производство выходит на уровень с приличной рентабельностью, государство стремится объявить их продукцию стратегической в целях постановки потока доходов под контроль. Кроме того, отсутствует действенный механизм конкуренции³³⁷.

Выявление условий и обстоятельств проявления социальной инерционности в смысловом контексте российской модернизации позволяет говорить о факторе инерции в модернизационной риторике.

Л.Г. Бызов выделяет в дискуссии о парадигмах посткризисного развития, развернувшейся в России в 2009–2011 гг., две стороны: стратегическую и конъюнктурную³³⁸.

Согласно Д. Горину, надежды на модернизацию не оправдываются из-за *большой инерции* колоссальной страны и бюрократической машины. К тому же сами модернизаторы не смогли предложить людям очевидные доказательства того, что модернизация нужна, важна и возможна. Любой инерционный сценарий в такой ситуации выглядит малоутешительным³³⁹. Надежды (и опасения) вселяет то, что инерционный сценарий в классическом понимании – как линейное продолжение трендов – вряд ли возможен. Скорее всего, с 2010 по 2012 год он будет так или иначе сломан. И сломать инерционный тренд может как действие, так и бездействие власти³⁴⁰. Конечно, сегодня читать приведенные размышления, с известной долей отстраненности, можно как интересный документ ушедшей эпохи,

³³⁷ Гришаева, Л. Е. Апокалипсис по модернизации / Л. Е. Гришаева // Экономический журнал. – 2010. – № 4(20). – С. 5-16.

³³⁸ Бызов, Л. Г. Парадигмы посткризисного развития / Л. Г. Бызов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – № 3(103). – С. 5-17.

³³⁹ Фаненштиль, Т. В. О некоторых особенностях анализа повседневности и ее характеристик в социальной философии / Т. В. Фаненштиль // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 5. – С. 96-103.

³⁴⁰ Петров, Н. Модернизация: от Горбачева до Медведева / Н. Петров // Московские новости. – 2011. – 11 мая.

а также как свидетельство инерционности мышления. Как мы видим, проект модернизации в целом следует общей логике модерна и был демонтирован на своей «родине», внутри западноевропейской цивилизации. Возможно, что это был некий обратный эффект или ловушка собственных теоретических построений, соединенных с верой в свое геополитическое превосходство, которое будет длиться вечно. Критический взгляд философии позволяет внести коррективы, поскольку для философа ничего вечного нет. А геополитическая победа Запада над Востоком уже стала достоянием прошлого, и теория модернизации стала ее жертвой. Поэтому важно разрабатывать свой концептуальный аппарат и исследовать ошибки с учетом трактовок эпохи 90-х.

Выявление условий и обстоятельств проявления социокультурной инерционности в смысловом контексте российской модернизации выводит на понимание советского прошлого как ее ресурса. По определению И. Калинина, в модернизационной риторике наших элитарных кругов прагматизм выступает в качестве способа рационализации травматической привязанности к прошлому. При этом прошлое выполняет сразу две функции: играет роль объекта иллюзорной идентификации и роль ресурса символической легитимации³⁴¹.

Характеризуя социальную инерционность в смысловом контексте российской модернизации, исследователи обращают внимание на то, что в условиях многообразия информационных потоков трансляция целостной и универсализированной картины мира невозможна. Она становится клиповой и разорванной; для нее характерно поверхностное скольжение по разным дискурсам, а также отход от привычных иерархических схем мышления³⁴².

Социологи обращают внимание на то, что культурная сфера современного российского общества в гораздо большей степени, чем экономическая и политическая, остается областью господства традиционных ценностей, установок

³⁴¹ Калинин, И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт / И. Калинин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 6(74). – С. 6-16.

³⁴² Горин, Д. Г. Поколения модернизации: от обнаружения альтернатив к повторению пройденного / Д. Г. Горин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 6(74). – С. 27-34.

и моделей поведения как проявления энтелехии культуры и воспроизводства культурных инвариантов.

Соответственно, чрезмерная традиционализация социокультурной сферы общества представляет собой серьезное препятствие модернизации, поскольку сдерживает восприятие ценностных норм и поведенческих установок модерна, включая самореализацию и творческую актуализацию, успех и личную независимость³⁴³.

Известный аналитик политолог Д. Орешкин достаточно точно подмечает, что «...модернизация в принципе может идти только через модернизацию среды. Инновации в неволе не размножаются...»³⁴⁴. Российская модернизация сталкивается с серьезными трудностями. Со временем становится все более очевидным, что «приведение к современности» не может носить только экономический характер, а процессы модернизации и порождаемые ими проблемы имеют глубокие связи с антропологической ситуацией, поскольку прецеденты истории заполняются и редактируются человеческой личностью, действующей в конкретной социокультурной среде.

Мировая практика реформ и преобразований свидетельствует о том, что, с одной стороны, есть модернизация как проект, задуманный элитой; с другой – существуют определенные трансформационные рамки, и шанс на успех имеет та модернизация, которая укладывается в эти рамки, та реформа, которая соответствует менталитету данного общества, его социокультурным характеристикам и свойствам.

Социокультурные основания модернизации актуализируются тем обстоятельством, что в ходе «соприкосновения с современностью» неизмеримо усложняется социальная и культурная реальность. Соответственно, в последнее время все больше внимания уделяется социокультурным параметрам

³⁴³ Награльян, А. А. Традиция и модернизация в социальном пространстве современной России / А. А. Награльян ; отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону : Антей, 2012. – 247 с.

³⁴⁴ Орешкин Д. Почему в нынешней России невозможна модернизация / Д. Орешкин // Новая газета. – 2009. – 10 апр.

модернизационных процессов, будь это акцент на культурных детерминантах модернизационных процессов, неoinституциональный подход к экономическим явлениям или же упор на культурно-историческую обусловленность политических структур, тем более если речь идет об оппозиции «инерционность-креативность»³⁴⁵.

И хотя В.И. Пантин считает, что возможности инновационной (креативной) модернизации российского общества практически не реализуются из-за незаинтересованности финансово-спекулятивных структур и коррумпированной бюрократии в инновационном развитии³⁴⁶, такие возможности все же есть, и сегодня уже очевидно, что они реализованы и реализуются, с существенной корректировкой самого понимания модернизации – не как слепого следования западному варианту модерна, а как собственного, органически присущего нации пути социокультурного развития.

В своих работах А.В. Глухова пишет о том, что отличительными чертами российской цивилизации всегда являлись срединность и маргинальность, объединявшие в себе вечно конфликтующие комплексы – инновационность и инерционность. Диссонанс данных ценностных систем вызвал к жизни специфический тип исторического развития России, в виде пульсирующей кривой, особенно ярко проявляющийся в периоды реформаций: проблема выживания, расколы, движение вперед и откаты назад, государственная интеграция и её последующая дезинтеграция³⁴⁷.

Рассмотрение социокультурного измерения модернизации в России через оппозицию инновационных и инерционных социокультурных комплексов, о которых говорит А.В. Глухова, позволяет ввести модернизационный дискурс в

³⁴⁵ Гнатюк, М. А. Социокультурные параметры российской модернизации в контексте оппозиции "инерционность - креативность" / М. А. Гнатюк // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 4(196). – С. 5-9.

³⁴⁶ Модернизация и политика в XXI веке : / Российская акад. наук, Ин-т социологии ; [отв. ред. Ю. С. Оганисян]. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 335 с.

³⁴⁷ Глухова, А. В. Проблемы российской модернизации в ценностном измерении / А. В. Глухова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 2(14). – С. 49-56.

концептуальное поле социально-антропологических и культурологических изысканий. Понять суть и задачи модернизации возможно только через призму российских социокультурных, культурно-исторических и ментальных особенностей.

При осмыслении проблематики модернизации важно учитывать возможности культуры поддерживать производительность выше «критического порога», в случае возникновения водораздела между выживанием и деградацией социума, его жизнью и смертью. Именно в этом моменте видны фундаментальные отличия между теми странами, народами и общностями, которые способны, несмотря на возникающие опасности, продолжать эффективное самовоспроизводство, и теми, которые пошли «на поводу» у истории.

Советский и российский социолог Л.Д. Гудков исходит из того, что главное в модернизации – это изменение системы институтов и возникновение саморегулирующихся систем – представительной демократии, свободной рыночной экономики, независимой судебной системы, институтов, обеспечивающих обмен идеями и тому подобное. Однако увеличивающаяся сложность общественного устройства периодически блокируется, когда накопление довольно значительной массы изменений упирается в базовые структуры, прежде всего в политическую систему³⁴⁸.

Именно в этом русле и срабатывает социальная инерция. К данной позиции близка и точка зрения философа С.Н. Гаврова, который считает, что российская социокультурная система находится в критической близости от зоны бифуркации или в ней самой, сопротивляясь определенности вообще и определенности исторического выбора в частности³⁴⁹. Этот автор обращает внимание на то, что

³⁴⁸ Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола, проведенного Институтом современного развития совместно с московским офисом Института Кеннана на тему: "Социокультурные особенности российской модернизации. Сбылись ли прогнозы Дж. Ф. Кеннана?", Москва, Институт современного развития, 26 мая 2009 года. – Москва : Экон-Информ, 2009. – 151 с.

³⁴⁹ Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультур. аспекты модернизаци. процессов в России : монография / С. Н. Гавров ; Науч. совет Рос. акад. наук по изучению и охране культур. и природ. наследия. – Москва : УРСС, 2004. – 349 с.

культуры, в которых преобладает традиционалистская ориентация, в том числе и культура российская, санкционируют, пусть и в разной степени, социальный фатализм и долготерпение, поскольку существующее вещей определяется социокультурной традицией. В рамках российской культурно-цивилизационной системы государство приобретает выраженные черты амбивалентности, выступая одновременно и как источник космического порядка, и как порождение мирового зла³⁵⁰.

В итоге инерционность представляется сущностной противоположностью креативности. Учет социокультурных параметров и характеристик социальной модернизации в оппозиции инерционность-креативность неизбежно выводит нас на понимание логики образования застойных сфер жизнедеятельности (Н.И. Лапин), связанных с социальной инерцией и являющихся тормозом для подобной модернизации.

Для целого ряда исследователей основными особенностями исторического развития России являются тоталитарное (или авторитарное) государство и патерналистские настроения в обществе, массовое неисполнение закона, недоверие к любой власти, кроме самой высшей. При этом государство всегда стояло выше личности. Исходя из этого, как полагает Э. Паин, «следует признать существование специфических социально- культурных условий страны, но воспринимать их не как рок, а как явление, которое всегда конструировалось и реконструировалось». «Отсутствие традиций парламентаризма, традиций рыночного хозяйства, громадное разрушение как традиций, так и механизма в их трансляции, произошедшее в период советской власти, практически исключает представление о том, что главным фактором исторической инерции являются некие культурные традиции»³⁵¹.

³⁵⁰ Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультур. аспекты модернизаци. процессов в России : монография / С. Н. Гавров ; Науч. совет Рос. акад. наук по изучению и охране культур. и природ. наследия. – Москва : УРСС, 2004. – 349 с.

³⁵¹ Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола. «Сбылись ли прогнозы Дж. Ф. Кеннана», Москва, Институт современного развития, 26 мая 2009 года. – Москва : Экон-Информ, 2009. – 151 с.

К содержательным характеристикам, определяющим «социокультурный код» общества, относят универсальные базовые ценности, включая нормы и установки, всё то, что может быть отнесено к «полю стереотипов» и зафиксировано в социометрических шкалах, содержательное наполнение которых обеспечивают культура, религия, мораль, социально-политические мифы.

Характер общественных изменений имеет во многом предзаданный традицией характер, поскольку в любом обществе история представляет собой уникальное сочетание реальных событий и символического ряда, образы которого выступают ядром коллективной идентичности. Таким образом, традиции служат ограничителем инновационных изменений и главным критерием их легальности.

Характеризуя инерционность традиционного общества, Д. Травин и О. Маргания пишут: «Даже если человек традиционного общества видит, что получает некоторую выгоду, изменяя традициям предков и действуя рационально, он не станет все же менять образ жизни. Рациональные выводы для него неубедительны. Большую ценность имеет для представителя традиционного общества сохранение status quo, нежели обретение богатства, успешная карьера, повышение качества жизни и все прочее, что привлекает человека, принадлежащего к обществу модернизированному»³⁵².

Традиционное общество – это социум с определенным типом жизнеустройства, выстроенным на принципах следования традициям. Традиция выступает в качестве механизма поддержания устойчивости культуры как системы на протяжении всей истории человеческого общества. В относительно стабильные периоды воспроизводство ментальных и поведенческих культурных образцов, соответствующих традиции, их трансляция во времени, а также санкционирование изменений, не затрагивающих сути системы, происходит через культуру повседневности путем ритуализации общественной и личной жизни. Но в периоды социокультурной модернизации, когда традиция не успевает «перекодировать»

³⁵² Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В двух книгах. Том 1. Москва.: АСТ, 2004. – 665 с.

содержание трансформаций, происходит культурный взрыв (Ю.М. Лотман), полная ломка прежней системы установок и представлений. Более того, момент резкого социокультурного перелома может служить стимулом для регенерации весьма архаических культурных моделей и моделей массового сознания. Так, обращаясь к архаическим слоям переходная культура получает в свое распоряжение инструментарий, который соответствует способу организации социокультурного пространства.

Традиционное общество выталкивает в жизнь людей с низким образовательным уровнем и крайне слабо выраженной индивидуальностью, атрофированным чувством собственного достоинства, что принципиально противостоит пониманию креативности как способности индивидов и социальных акторов порождать новые векторы и способы деятельности, идеи и рефлексивные структуры, интеллектуальные и инновационно-технологические ресурсы, новые типы социальности как продукты креативности.

Дело в том, что атрибуты и прецеденты информационного общества требуют от человека высокой интеллектуальной мобильности, умения оперативно принимать квалифицированные решения, адекватные быстро меняющейся ситуации. Нарастающая структурная сложность и изменчивость современного мира, стремительность смены социальных и информационно-коммуникационных технологий вынуждает современного человека оперативно осваивать все более нарастающие объемы культурной информации.

Креативность – это способность актора не повторяться, всякий раз создавая нечто новое, не следовать уже известным алгоритмам, а всякий раз конструировать алгоритмы заново. Недаром профессор американского университета Карнеги-Меллона Р. Флорида пишет, что люди, обладающие повышенной степенью креативности – креативный класс – составляют тот новый общественный слой, который начинает определять не только развитие отдельных компаний, рост и процветание городов, но и мощь держав, конкурирующих в мировом геополитическом пространстве, причем к этому классу относятся как бизнесмены,

так и ученые, архитекторы, дизайнеры, художники и люди других творческих профессий³⁵³.

При этом в обществе доминируют представления и социальные установки традиционного общества, которое в других развитых странах в ходе индустриализации превратилось в постиндустриальное, но которое, по словам И. Харичева, сохранилось в нашей стране стараниями Сталина, жестокими репрессиями, которые осуществлялись по его указанию. Тот страх, который он культивировал, до сих пор жив. Страх определяет многие поступки представителей традиционного общества как части России. Не случайно они любят Сталина, порой даже не отдавая в этом себе отчет, ибо он близок их внутреннему миру³⁵⁴.

Недаром Ю.Г. Волков связывает «...осуществление модернизационного проекта с «ограничением истеблишмента, использованием возможностей креативных слоев и социальных групп, ориентированных на ценности самоактуализации, профессионализма, взаимной ответственности в определении развития России на пути к обществу равных возможностей, синтеза коллективистских и индивидуальных ценностей, принятии модели общественного взаимодействия на основе баланса традиций и инноваций, личностного, группового интереса и общественного блага...»³⁵⁵

Таким образом, социокультурные основания модернизации актуализируются тем обстоятельством, что в ходе «соприкосновения с современностью» неизмеримо усложняется социокультурная реальность. Соответственно, в последнее время все больше внимания уделяется социокультурным параметрам модернизационных процессов, будь это акцент на культурных детерминантах модернизационных процессов, неоинституциональный подход к экономическим явлениям или же упор

³⁵³ Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида ; [пер. с англ. А. Константинов]. – Москва : Классика-XXI, 2011. – 419 с.

³⁵⁴ Харичев, И. Прошлое против будущего/ И. Харичев // Дети Ра. – 2012. – № 11(97).

³⁵⁵ Волков, Ю. Г. Креативное общество как цель российской модернизации / Ю. Г. Волков // Социологические исследования. – 2011. – № 11(331). – С. 25-32.

на культурно-исторической обусловленности политических структур, тем более, если речь идет об оппозиции «инерционность-креативность»³⁵⁶.

Рассмотрение социокультурного измерения модернизации через оппозицию инновационных и инерционных социокультурных и ценностных комплексов позволяет ввести модернизационный дискурс в концептуальное поле социально-антропологических и культурологических изысканий. Адекватное постижение модернизации возможно только через призму учета российских социокультурных, культурно-исторических, ментальных оснований и особенностей, т.е. культурных инвариантов, а следовательно, и инерционных процессов, основывающихся на них.

Особенностью социокультурной инерции в практике российской модернизации также стоит считать специфический дискурсный уровень, сопряженный с ментальным и проектным. Нам представляется, что он спровоцирован достаточно давним, заложенным еще в самом начале российской государственности стереотипом бинарности, противопоставления, иногда доходящего до противостояния России и Запада. Отсюда догоняющий характер модернизации как архетип восприятия модели развития, так же, как болезненное восприятие самой модернизации. Нам представляется, что сегодня можно говорить уже не в модусе выбора и сомнения в нем, а в модальности эффективности развития и блага для народа России.

³⁵⁶ Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, Н. К. Бинеева [и др.]. – Ростов-на-Дону : Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2018. – 412 с ; Волков, Ю. Г. Приватное пространство в российском обществе: новая социальная реальность / Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону - Таганрог : Южный федеральный университет, 2018. – 126 с.

5.2. Вектор и альтернативы социокультурных изменений в российском обществе в координатах специфики проявления инерционных процессов

Отталкиваясь от нашей методологической стратегии, связанной с определением результата модернизации в современной России через характер влияющей на нее социальной инерции и выявление из трех возможных векторов социокультурных изменений того, который может охарактеризовать социокультурную систему российского общества, напомним, что таковые были обозначены как:

- 1) социокультурное развитие (ему соответствует эффективный характер модернизации);
- 2) социокультурная деградация (регрессивная модернизация (демодернизация));
- 3) социокультурная стагнация («нейтральная» модернизация).

Анализ, проведенный в предыдущей части исследования, позволяет сделать вывод о прорегрессивном характере инерционности, детерминирующем социокультурные изменения в современном российском обществе, что не только обеспечивает реализацию модернизационных преобразований в прогрессивном формате, но меняет само ее восприятие. Анализ социальных и культурных реалий современного российского общества позволяет констатировать, что заложенный в 90-е годы конца XX века вектор демодернизации снизил интенсивность своего влияния, которое имеет все основания для того, чтобы смениться устойчивым социокультурным развитием. В его основе находится:

- 1) целенаправленная политика властной элиты, преследующей цели, связанные с сохранением власти в границах органичного соединения элементов прошлого социокультурного порядка (традиции) и новаций;

2) сильная ресурсная обеспеченность общества для противостояния негативному влиянию социокультурной инерции путем артикуляции и активного использования в практике модернизации тех ее инвариантов, которые несут положительный заряд и необходимы для эффективного внедрения инноваций.

На втором обстоятельстве остановимся несколько подробнее, поскольку первое было нами достаточно глубоко проанализировано ранее.

В современном российском обществе воспроизводство и трансформация культурно-антропологических практик происходит в достаточно противоречивых условиях, когда доминирующие практики, традиционные компоненты ценностно-нормативной системы, сложившиеся типы массового сознания, следуя социокультурной инерции, зачастую отторгают нововведения, препятствуют усвоению инноваций и укоренению современных институтов.

Проявление инерционности в российском обществе – это отражение, с одной стороны, его «инстинкта самосохранения» и угроза утраты своих оснований, с другой – подмена модернизации поиском опоры не только в стандартных формах общественного бытия, но и в скрытых архетипах массового сознания. В подобных обстоятельствах важную роль начинают играть ресурсы преодоления инерционности в сценариях и практике модернизации.

Для Ю.Г. Волкова развернувшаяся дискуссия о предпосылках, направленности и целях модернизации отличается тремя особенностями. Первое – это осознание того, что Россия не может развиваться по схеме догоняющей модернизации, что заставляет задуматься об альтернативной модели развития, связанной с использованием социокультурного потенциала, вовлечением в модернизационные процессы социально активных, творчески настроенных слоев общества. Второе – это подход к модернизации в качестве возможного, но не исторически predetermined процесса, что требует не просто обращения к традициям, но прогнозирования вероятных социокультурных достижений и издержек. Наконец, третье – модернизация есть процесс взаимоувязанного решения социальных, социально-экономических, политических проблем и

призвана объединять стремления к экономическому росту и социальной справедливости³⁵⁷.

Предлагаемые сценарии модернизации вызывают серьезный научный интерес. Так, в 2009 году был опубликован доклад «Выбор России: катастрофа или революция сверху?», подготовленный Институтом национальной стратегии (авторы: М. Ремизов, Н. Кричевский, Р. Карев, Д. Верхотуров, М. Фейгин, С. Белковский)³⁵⁸. В нем говорится, что классическая постсоветская модель для России, которая сложилась во второй половине 1990-х гг. и приняла стабильные очертания в 2000-2008 гг., предполагает:

1. Преимущественную ставку правящей элиты на утилизацию и эксплуатацию советского наследства *в противовес модернизации*;
2. Опору на экспортно-сырьевой сектор экономики в ущерб развитию других отраслей;
3. Развивающийся и углубляющийся *авторитаризм* как неизбежный гарант политико-социальной стабильности в условиях данной модели развития³⁵⁹.

Авторы доклада констатируют: Россия нуждается в модернизации позднеиндустриального типа. Попытки провести элитарную модернизацию или повторить отечественный опыт модернизации по имперской модели, нацеленной на создание мощного ВПК, объективно обречены на неудачу. Поскольку в пока еще инертном с существенными элементами архаики обществе отсутствует консенсус по поводу модернизации, то последняя на начальном этапе возможна только как модернизация «сверху», авторитарная. Иного не может быть при отсутствии полноценного гражданского общества и свободного гражданина³⁶⁰. В перспективе

³⁵⁷ Волков, Ю. Г. Креативное общество как цель российской модернизации / Ю. Г. Волков // Социологические исследования. – 2011. – № 11(331). – С. 25-32.

³⁵⁸ Ряд авторов сегодня признаны иноагентами и их позиция приводится в исследовательских целях.

³⁵⁹ Гнатюк, М. А. Преодоление инерционного сценария в практике российской модернизации: ресурсный подход / М. А. Гнатюк // Наука. Образование. Современность. – 2017. – № 3-4. – С. 25-29.

³⁶⁰ Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности / С. А. Кравченко, Н. Н. Зарубина, А. И. Подберезкин [и др.]. – Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. – 274 с ; Горшков, М. К. Институт социологии РАН: 50 лет изучая общество,

же должна быть осуществлена деприватизация государства одновременно с активными усилиями по формированию гражданского общества³⁶¹.

Уже в 1990-е гг. «новые элиты, ядром которых стала бывшая партийно-хозяйственная номенклатура, взялись не за построение «экономики для всех», а приватизацию самых прибыльных предприятий, доставшихся политической власти в качестве «трофеев» советской экономики. Перед новым правящим слоем стояла одна задача – в течение короткого исторического периода стать классом собственников в стране, обладающей огромными природными ресурсами. «....» Большинство же населения, не имевшее адекватных представлений о рыночной экономике и не обладавшее знаниями и навыками, необходимыми для приспособления к новым условиям, проявляло растущее безразличие к общенациональным политическим проблемам и будущему России и сосредоточилось на задачах выживания. В этих условиях не мог сложиться общенациональный консенсус по вопросу перспектив развития страны»³⁶².

Таким образом, в 1990-е годы ведущими в социальной жизни становятся инерция выживания – все это во многом шло от советской эпохи. Повлияли слабость демократического движения и гражданского общества, и кроме того – доминирующая роль, которую продолжала удерживать за собой партийно-советско-хозяйственная номенклатура, несмотря на уже начавшиеся трансформационные процессы. В этой связи переход общества с инерционной траектории на траекторию национального развития требует серьезных социальных ресурсов.

Будем исходить из того, что к социальным и культурным ресурсам относятся все те ресурсы, которыми располагает данное общество, в том числе материальные

жизненные интересы и ценности людей / М. К. Горшков // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7, № 1(25). – С. 7-17.

³⁶¹ Выбор России: катастрофа или революция сверху? Доклад Института национальной стратегии. – URL: <https://www.apn.ru/publications/article21792> (дата обращения 12.08.2024).

³⁶² Рябов, А. «Самобытность» вместо модернизации парадоксы российской политики в постстабилизационную эру / А. Рябов; Москва Центр Карнеги. — Москва : Московский Центр Карнеги, 2005. — 64 с.

и духовные (естественные и созданные человеком богатства). Социокультурные ресурсы – это реальные и потенциальные возможности, которые, актуализируясь в определенных условиях, способны обеспечивать достижение поставленных целей в процессе социального взаимодействия. Среди социальных ресурсов особенно важны ресурсы власти и управления, которые носитель власти (субъект управления) использует для обеспечения повиновения других участников властно-управленческих отношений (объектов власти и управления).

Согласно А.В. Дятлову, в совокупность социальных ресурсов, то есть способность общества к самотрансформации, входят креативные, инновационные, мобилизационные, образовательные, солидаристские устремления и возможности³⁶³.

Исследование ресурсного аспекта социокультурного развития позволяет этому автору сформулировать важные выводы о том, что развитие определяется теми возможностями, которые выбирает общество, а также готовностью к переменам «ради будущего»³⁶⁴. Эти ресурсы функционируют и проявляют себя в условиях новой социальности, которая формируется в процессе выхода из старой системы, в основе которой –запрос на реформаторскую «повестку дня».

В докладе аналитиков Института современного развития (ИНСОР) говорится: «...в современном мире главным ресурсом развития становятся творческие способности человека, его энергия и инициатива. Кардинально перестраивается система отношений. Паразитарно-распределительные ценности замещаются творчески-производительными. Историческим рудиментом становится авторитаризм в политике и управлении, в перераспределении собственности и контроле над экономикой, в идеологии и культуре, в коммуникациях и социальной сфере». То есть, «...В постсоветской России реформирование направлено на институциональные аспекты преобразования плановой экономики в рыночную и практически отсутствовало внимание к

³⁶³ Дятлов, А. В. Социальные ресурсы развития российского общества : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Рост. гос. ун-т. - Ростов-на-Дону, 2005. - 50 с.

³⁶⁴ Там же.

социальной сфере. Трансформация социальной структуры российского общества приобрело в подобных условиях стихийный характер. Соответственно, направленность реформ 1990-х годов выразилась в концентрации наибольшей активности в торгово-финансовой и топливно-сырьевой сферах, где и сосредоточился основной слой современных российских собственников. Следствием стало нарастание кризисных процессов: социальных, культурных, этнических. Сказывается и период предшествующего развития»³⁶⁵. Отсюда можно сделать вывод, что кризисный характер конца прошлого века актуализировал весьма ограниченные потенции отечественной культуры, активизируя специфические паттерны отечественной культуры и общества. Задача же сегодняшнего дня более глобальная, она состоит в том, чтобы актуализировать позитивный потенциал российской культуры на основе позитивно же воспринимаемой социокультурной инерции.

После дефолта 1998 года, приходит к выводу А. Рябов в работе «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в постстабилизационную эпоху», который так драматически завершил целый период экономического развития, «взгляды российской элиты на будущее России претерпели определенные изменения. При этом сказались объективные факторы. К этому времени существенная часть ресурсов «трофейной» советской экономики оказалась исчерпанной, а основная собственность – поделенной. Понадобился переход к более совершенным формам организации социально-экономической деятельности. С теоретических позиций продолжение трансформации общества на рыночных основаниях является необходимым условием для реализации проекта модернизации. Однако российская элита рассматривает эти реформы не столько как стратегию перехода к новому обществу, основанному на принципах открытого рынка и конкурентной демократии, благоприятствующему развитию человеческого капитала, сколько как инструмент *оптимизации* нынешней системы,

³⁶⁵ Рябов, А. «Самобытность» вместо модернизации парадоксы российской политики в постстабилизационную эру / А. Рябов; Москва Центр Карнеги. — Москва : Московский Центр Карнеги, 2005. — 64 с.

ее успешной адаптации к быстро меняющейся реальности, а стало быть, сохранения своего безусловного доминирования»³⁶⁶.

В условиях активизации модернизационных процессов в обществе начинают доминировать законы рынка. Политика также начинает выступать в качестве рынка товаров и услуг, где действуют не персоналии, но конкурирующие брэнды, марки, фирмы-посредники, интернациональные корпорации, СМИ. Сформировавшийся новый, рыночный тип общества показал низкий уровень развития постсоветских политических технологий. В современных условиях влияние предрассудков старого общества на современное развитие государства и его институтов значительно ослабло. Существенную роль в данном контексте начинает играть манипулятивная составляющая российской власти как культурное, технологическое, образовательное наследие советского общества, его политической подсистемы, определявшей модели социально-экономического развития государства³⁶⁷.

Недаром, характеризуя модернизацию как «модель выживания», Н. Петров говорит о том, что политическая система оказалась примитивизированной донельзя, поскольку в период растущих финансовых возможностей оказались демонтированными многие механизмы, казавшиеся ненужными, включая элементы системы сдержек и противовесов, федерализм, блоки прямой и обратной связи между гражданами и властью³⁶⁸. «Российские верхи так и не предложили обществу никакого «проекта будущего» для страны, который позволил бы оптимальным образом организовать социальное, экономическое и политическое пространство России. Стандартный набор мер, рассчитанных на рыночные реформы в экономике и демократические преобразования в политической сфере, практически не учитывал особенностей страны. У российских властей не было

³⁶⁶ Рябов, А. «Самобытность» вместо модернизации парадоксы российской политики в постстабилизационную эру / А. Рябов; Москва Центр Карнеги. — Москва : Московский Центр Карнеги, 2005. — 64 с.

³⁶⁷ Петров, Н. Модернизация как модель выживания / Н. Петров // Московские новости. — 2011. — 11 апр.

³⁶⁸ Там же.

четких представлений о том, какую общественную модель они хотели бы получить в результате масштабных изменений. Да и изменения эти не сопровождались для большинства населения подъемом благосостояния, отчего уже с середины 1990-х годов общество начало их отторгать»³⁶⁹. Переход общества с инерционной траектории на траекторию национального развития требует прежде всего преодоления усложнения управляющего механизма. «Пророческие» слова теоретиков либерального общества не сбылись, и политическая система нашла свои собственные основания в истории и социокультурных традиционных практиках.

Однако ресурсы любой инерционной системы исчерпаемы. И именно в социокультурной сфере данное истощение может проявлять себя, в частности, в снижении легитимности отдельных, как правило, региональных политических элит. На власть надеются в том смысле, что она поможет справиться со вседозволенностью чиновников на местах, но ресурс личного авторитета преходящий³⁷⁰. Г. Михалева увязывает преодоление тоталитарного прошлого с возможностью объективной оценки советского прошлого. По ее мнению, причина активного и постоянного обращения к прошлому, осознаваемая или неосознаваемая, состоит в мучительном поиске основ для новой национальной идентификации, национальной идеи. Обновленные амбиции требуют легитимации, оправдывающей претензии на доминирование на постсоветском пространстве и предлагающей обществу избавление от постсоветского комплекса неполноценности, переоценки тоталитарного и авторитарного прошлого в условиях демократической трансформации. Если авторитарные и тоталитарные тенденции в российском обществе будут нарастать, а демократия подвергнется дальнейшей дискредитации, то объективной оценки советского прошлого ожидать

³⁶⁹ Рябов, А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в постстабилизационную эпоху / А. Рябов. — Москва : Гендальф, 2005. — 64 с.

³⁷⁰ Паин, Э. А. Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России / Э. А. Паин. - Москва : РОССПЭН, 2009. - 269 с.

не придется. Властям при таком сценарии, безусловно, потребуются легитимирующие и мобилизующие фигуры и события³⁷¹.

Сегодня перед нами со всей отчетливостью встает задача преодоления инерции имитационной инновации. Проявление инерционности в российском обществе регрессивного типа – это отражение его недостаточной готовности к полноценной, а не половинчатой модернизации, модернизации, связанной с новыми рисками, которые подменяются стремлением найти опору в привычных формах общественного бытия.

В обществе сохраняются значимые факторы, препятствующие преодолению инерционности социокультурной системы в регрессивном формате. В подобных обстоятельствах важную роль призваны сыграть социокультурные ресурсы преодоления негативной инерционности. Об этом немало говорится в сценариях модернизации. Тем не менее, пока «точка невозврата» не достигнута, сохраняются надежды на изменение ситуации в лучшую сторону. Для политического философа К. Рогова базой возможного подъема и долгосрочной политической устойчивости является новая социальность, которая формировалась в течение ряда лет. При этом важно, что контролируемая информационная повестка дня была подорвана интернетом и тем способом информационного обмена, который там существует. В течение последних лет мы наблюдаем, как интернет диктует повестку дня традиционным СМИ. Сеть подрывает монополию традиционных СМИ, сеть навязывает традиционным СМИ свою повестку³⁷².

В свою очередь, Ю.Г. Волков исходит из того, что «...российскому обществу все еще присуще чувство ответственности, идеи коллективизма, социального оптимизма. «Налицо социальный тренд, который характеризуется

³⁷¹ Михалева, Г. М. Преодоление тоталитарного прошлого: зарубежный опыт и российские проблемы / Г. М. Михалева // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2009. – № 6(68). – С. 146-154 ; Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Бориса Хлебникова. - Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

³⁷² Рогов, К. Что происходит у нас в стране и чем все закончится? / К. Рогов // Русский журнал. – 2012. – 20 июля; Андрамонов, Д. К. Конформизм и неконформизм в обществе постмодерна (социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Андрамонов Дмитрий Константинович. – Самара, 2017. – 22 с.

незавершенностью социальных преобразований, признанием возможности альтернативного пути развития, мучительным, но необходимым поиском диалога между элитой и обществом в целях выбора органичной социальной модели будущего. Речь идет о необходимости пробуждения и раскрепощения социальной энергии масс, об условиях, способствующих творческой самореализации личности, возвращению социального престижа представителям творческих профессий...»³⁷³. Применительно к проекту российской модернизации им предлагается сценарий будущего креативного общества.

В понимании Ю.Г. Волкова «креативность воплощена в координатах творчества, ориентированного на производство нового социального продукта, новых идей и знаний, что необходимо в контексте традиционного понимания творчества, как результата социальной исключительности, возвышенной деятельности, не пересекающейся с массовыми повседневными социальными практиками. «...» Модернизация может быть эффективной лишь в том случае, если будет формировать креативное общество с доминантой социального творчества, формированием индивидно-структурного поля деятельности, включающего институционализацию социальных творческих практик и социальную солидарность общества на основе ценностей самовыражения, самореализации и социального альтруизма»³⁷⁴.

В свою очередь, Э.Р. Григорьян определяет креативность как способность к выдвижению новых идей и принципов, имеющих прогрессивный социокультурный эффект. Слово «прогрессивный» имеет то значение, что создаваемые социокультурные конструкции будут работать и, во-вторых, во благо их социумов. Креативность включает широкое поле способностей: это и теоретическое мышление, способность к планированию, прогностические способности, способность к совместному труду, готовность к кооперации, установлению

³⁷³ Волков, Ю. Г. Креативное общество как цель российской модернизации / Ю. Г. Волков // Социологические исследования. – 2011. – № 11(331). – С. 25-32.

³⁷⁴ Там же. С. 25.

контактов, направленность на достижение успеха, высокий уровень развития концентрации внимания, селективности памяти.

В социологическом контексте креативность можно определить как способность к конструированию идеальных моделей социума, или отдельных его областей, или видов деятельности, вместе с их прогнозируемыми последствиями. С этой точки зрения, созидательная креативность – это конструирование и преобразование идеальных моделей социальной реальности для достижения соответствия идеальной модели реальной структуре потребностей³⁷⁵.

На социокультурные параметры модернизации в контексте оппозиции «инерционность-креативность» одним из первых обратил внимание Ю.Г. Волков, разрабатывая свою концепцию креативного класса и противопоставляя креативность имитационным практикам, во многом связанным именно с социальной инерционностью³⁷⁶. Опыт предшествующих российских модернизаций, продолжает развивать свою мысль Ю.Г. Волков, свидетельствует, о том «...что в силу доминирования имитационных практик, внедрения правовых, политических, социальных образцов на отечественную почву через ассимиляцию к воспроизводимым социальным и политическим диспропорциям имело место воспроизводство социальных диспропорций между элитой и населением, между состоянием общества и ростом государственного аппарата. При этом институциональные и структурные нововведения генерировали возникновение симулякров, позиционируемых как новые социальные институты, но выполняющих и усиливающих традиционные формулы идентификации, социальной ориентации и адаптации»³⁷⁷. Так, имитационность, тесно связанная с социокультурной инерционностью, выступает противоположностью креативности. «Ведь креативность, в отличие от имитационности, основывается на поиске новых

³⁷⁵ Григорьян, Э. Р. Интеллектуальные основания социального порядка: (контуры новой методологии социального познания) : [учебное пособие] / Э. Р. Григорьян ; Ин-т социальных наук. - Москва : Ин-т социальных наук, 2009. - 193 с.

³⁷⁶ Волков, Ю. Г. Креативный класс Versus имитационных практик / Ю. Г. Волков // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 1. – С. 43-58.

³⁷⁷ Там же.

социальных пространств, на предложении обществу социальных артефактов, способных внести в жизнь как отдельного человека, так и общества новации, ведущие к повышению социальных стандартов. Креативный класс получает доступ к социальным ресурсам и становится социально-референтной группой в условиях, когда перестают действовать традиционные стратификационные факторы, и институты власти нуждаются в демократии участия»³⁷⁸.

Следовательно, делает вывод Ю.Г. Волков, креативный класс своим появлением, предстаёт в виде реакции противостояния социокультурным имитациям общества потребления, поскольку он не приемлет в принципе имитационные практики как результат нарочитого индивидуализма, стремящегося возложить ответственность на некие обезличенные социальные силы, видя перспективы развития в повышении именно социальной ответственности, освобождённой от «тусовочного» высокомерия.

Выявленные социокультурные параметры модернизации в оппозиции инерционность-креативность накладываются на ее понимание как пространство изменения с определенным вектором, которое, в свою очередь, предполагает смену идентичности. Однако, указывает А.В. Рубцов, без чёткого представления об изменяемом изменении приведут в следующий тупик: «Персональная идентичность неотделима от памяти. Идентичность общности также связывают с «коллективной памятью» и соответственно утрату идентичности – с забвением собственной истории, корней, заветов предков, традиций. Но до какой исторической глубины мы должны доходить, снимая слой за слоем прошлое в поисках своей идентичности? Кем и по какому праву оцениваются в этом контексте исторические эпизоды? После обвала советской идеологии открытый диалог с прошлым стал залогом духовного и политического раскрепощения. Но теперь историю вновь активно втягивают в идеологию и политику, причем как способ иносказания, позволяющий выражать в исторических образах и нарративах то, что

³⁷⁸ Волков, Ю. Г. Креативный класс Versus имитационных практик / Ю. Г. Волков // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 1. – С. 43-58.

в прямой политической речи пока не выговаривается. Расставание с советской идеологией шло под лозунгом «эмансипировать прошлое от настоящего»: освободить историю от идеологических искажений и политических тайн. Но маятник качнулся в обратную сторону. Сегодня впору ставить вопрос об эмансипации настоящего от прошлого, от новой мифологии»³⁷⁹.

В последнее время аналитики, намечающие маршруты российской модернизации, все чаще обращают внимание на необходимость учета социокультурных параметров в контексте соотношения инновационного или инерционного развития³⁸⁰. Так, размышляя о ситуации, в которой в начале XXI столетия оказалось общество, и учитывая существующие объективные и субъективные обстоятельства, В.Л. Иноземцев предлагает две стратегии модернизации: *инициативно-мобилизационную*, направленную на поиски страной своего особого места в мире и его освоение; *пассивно-эволюционную*, исходящую из признания особенностей геоэкономического позиционирования России и использования его преимуществ. Но в любом случае от элит потребуются существенная корректировка нынешнего курса, резкая смена экономических ориентиров и серьезные организационные усилия³⁸¹.

В основе первого пути лежит использование опыта восточноазиатских стран: признание срочной реиндустриализации России, необходимой для ликвидации увеличивающегося отставания от стран-лидеров и сырьевой ориентации экономики. Началом реализации данного сценария будет ликвидация субъектности сырьевого лобби минимум на 10-15 лет. Именно за этот промежуток можно было бы увидеть первые результаты модернизации. Вторая стратегия ускоренного модернизационного развития основывается на ином наборе предпосылок.

³⁷⁹ Рубцов, А. В. Российская идентичность и вызовы модернизации / А. В. Рубцов // Отечественные записки. – 2012. – № 2(47). – С. 296-320.

³⁸⁰ Дзюба, Л. М. Темпоральность в контексте интерпретации трансформирующегося социума : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Дзюба Любовь Михайловна; [Место защиты: Сев.-Кавказ. федер. ун-т]. – Ставрополь, 2018. – 26 с.

³⁸¹ Модернизация России в контексте глобализации (окончание) / В. Л. Иноземцев, М. А. Чешков, А. Я. Эльянов [и др.] // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 3. – С. 105-117.

В этих рамках изначально допускается, что Россия не способна стать новой индустриальной сверхдержавой, радикально изменить траекторию своего экономического развития, вступить в конкуренцию за привлечение международного капитала и проводить на глобальных товарных рынках столь же наступательную политику, как, например, азиатские «тигры». Рассуждения о «вставании с колен» и возрождении в качестве новой сверхдержавы остаются для торжественных заседаний, а в основу нового курса кладется реалистичная оценка ситуации не только в самой России, но скорее даже вокруг нее³⁸².

Включение социокультурного и человеческого измерений в рамки анализа российской модернизации позволяет, с одной стороны, уточнить и придать новый поисковый импульс теоретико-методологическому когнитивному поиску, а с другой – получить более полную и адекватную картину модернизации. В результате анализа процессов социальной трансформации можно прийти к следующему заключению: они выполняют двойную роль, выступая одновременно и внешним ограничителем и базовой конструкцией модернизационного проекта. То есть, процессы социокультурной трансформации имеют макросоциальный характер, обладают продолжительными трендами, задающими русло потенциальных возможностей развития общества.

Мы полагаем, что знание об изменении, его механизме, в который включены инерционные процессы, крайне необходимо для реализации шанса на успех в модернизационных преобразованиях России. Для этого необходимо ориентироваться не на инновационную модернизацию, а на социокультурную, самым непосредственным образом связанную с социокультурными реалиями, в том числе инерционными, российского общества.

Таким образом, проявление инерционности в российском обществе на современном этапе в формате элементов регрессивности – это отражение его недостаточной готовности к эффективной (прогрессивной) модернизации,

³⁸² Модернизация России в контексте глобализации (окончание) / В. Л. Иноземцев, М. А. Чешков, А. Я. Эльянов [и др.] // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 3. – С. 105-117.

связанной с высоким уровнем субъектности, ориентированности на саморазвитие и социальную ответственность всех субъектов модернизационного процесса и гражданского общества прежде всего.

В подобных обстоятельствах важную роль призваны сыграть социокультурные ресурсы преодоления негативной инерционности, то есть все те ресурсы, которыми располагает данное общество, реальные и потенциальные возможности, которые, актуализируясь в определенных условиях, способны обеспечивать достижение поставленных целей в процессе социального взаимодействия. Среди социокультурных ресурсов особенно важны ресурсы гражданской самоорганизации, власти и управления.

В предлагаемых интеллектуальной элитой сценариях отмечается, что Россия нуждается в модернизации позднеиндустриального типа. Попытки провести элитарную модернизацию или повторить отечественный опыт модернизации по имперской модели объективно обречены на неудачу, поскольку в пока еще инертном с существенными элементами архаики обществе отсутствует консенсус по поводу модернизации.

Обладающая мощным инерционным «зарядом» социокультурная система российского общества становится фактором инновационных интенций и процессов, не сочетающихся в своих ценностных основаниях с культурными инвариантами, формирующими инерционную мощь социокультурной системы прогрессивным вектором любых креативных интенций, укорененных в социокультурных основаниях. Как это не раз было в отечественной истории, под давлением внешних негативных факторов общество включает мобилизационные механизмы и создает позитивные сценарии выхода из кризиса.

По итогам проведенного исследования мы можем констатировать, что российская модернизация как индикатор социокультурной динамики протекает в условиях неблагоприятного внешнего воздействия, инертной социокультурной среды с точки зрения смыслового и практического контекста сценариев модернизации. Эта среда характеризуется мощным влиянием инерционных

процессов как регрессивного, так и прогрессивного содержания, поскольку ориентация на сохранение устойчивости социокультурной системы способствует, с одной стороны, усилению разрушительных тенденций в условиях значительно изменившейся реальности, в которой архаическое уже не может стать основой эффективного социокультурного развития, а современное уже воспринимается как опасное, неопределенное, рискогенное и нестабильное, а с другой – актуализирует креативные потенции и возможности инновационного развития.

Возникший запрос на перемены основывается на коренных преобразованиях социальной и культурной среды. Это запрос на стабильность, а потому тем важнее проникнуть в содержание инерционного механизма в социокультурных изменениях российского общества – этот механизм основывается на глубинных социокультурных пластах – культурных инвариантах, обойти которые невозможно на пути к инновационной модернизации, а потому имеет смысл отказаться (во всяком случае, на современном этапе) от проекта инновационной модернизации и остановиться на социокультурной модернизации, которая будет близка, понята и комплиментарна социокультурной системе общества, в которой на современном этапе динамика социокультурных изменений, в соответствии с форматом прорегрессивной модернизации, приняла характер социокультурного развития.

Вместе с тем, российская модернизация сталкивается с серьезными трудностями. Со временем становится все более очевидным, что «приведение к современности» не может носить только экономический характер, а процессы модернизации и порождаемые ими проблемы имеют глубокие связи с антропологической ситуацией, поскольку прецеденты истории заполняются и редактируются человеческой личностью, действующей в конкретной социокультурной среде. Выявление условий и обстоятельств проявления социокультурной инерционности в смысловом контексте российской модернизации выводит на понимание социокультурного прошлого как ее модернизационного ресурса.

Атрибуты и прецеденты информационного общества требуют от человека высокой интеллектуальной мобильности, умения оперативно принимать квалифицированные решения, адекватные быстро меняющейся ситуации. Нарастающая структурная сложность и изменчивость современного мира, быстрая смена социальных и информационно-коммуникационных технологий вынуждает современного человека осваивать нарастающие объемы культурной информации. Кроме того, условиями эффективности модернизации являются: 1) формирование и развитие креативного общества; 2) формирование социально-ответственного класса, наличие которого только и может обеспечить переход к качественным изменениям; 3) изменение повседневных практик; 4) создание индивидо-структурного поля деятельности, включающего институционализацию социальных творческих практик и социальную солидарность. Социокультурные ресурсы преодоления этих вызовов пока сложно оценить.

Тем не менее, задача предотвращения негативного сценария социокультурной динамики – социокультурной деструкции, остро стоит перед российским обществом, а потому мы полагаем, что необходимо включить в дискурс и практику модернизации анализ социокультурного механизма социальной инерции как системный элемент социокультурной динамики и выразитель субстанциональных признаков социокультурной системы, важных для реализации модернизации прогрессивного типа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инерция в социокультурных изменениях российского общества в тех или иных аспектах изучалась исследователями различных направлений социально-гуманитарного знания, но отсутствие целостного концептуального исследования в обозначенном направлении определило постановку проблемы и ракурс философской рефлексии. В ее границах нами были сформулированы исходные (гипотетические) тезисы, согласно которым социокультурная инерция является системным элементом механизма социокультурных изменений, базирующимся на системе взаимодействия инвариантов и вариантов, порождаемых самой социокультурной системой как имманентно обладающей свойством инерционности. Степень интенсивности, тип социокультурной инерции и характер ее влияния на социокультурные процессы детерминируется конфигурацией культурных инвариантов и вариантов, а также определяет характер модернизации российского общества и формат социокультурных изменений.

Данные позиции включены в методологическую схему исследования, разработанную на основе неоклассической модели научного исследования, включающей ряд базовых подходов, среди которых: неоинституциональная теория, теория модернизации, архаизации и неотрадиционализации, социокультурный подход, теория энтелехии культуры, а также ряда других, сформированных в смежных отраслях социально-гуманитарного знания.

В рамках методологического конструкта была сформирована понятийная матрица исследования.

Социокультурная инерция рассматривается как феномен, включенный в механизм социокультурных изменений как обладающий свойством сохранять в рамках социокультурной системы ее собственные (уникальные) характеристики, препятствуя становлению новых под влиянием эндогенных и экзогенных факторов

и закрепляя тем самым траекторию устойчивого развития в формате актуализированного опыта прошлого.

В этой своей функциональной предзаданности социокультурная инерция предстает как механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления инновациям, не соответствующим социокультурному ядру с его системой ценностей и форм жизнедеятельности.

Под инерционностью социокультурной системы понимается ее свойство сохранять или очень медленно изменять свое состояние в условиях продолжающегося воздействия прошлого социального опыта.

Социокультурные изменения – широкий спектр социальных и культурных процессов, в своей совокупности и взаимозависимости детерминирующих социокультурную траекторию движения общества в пространственно-временных координатах прогресса, регресса или стагнации, в зависимости от характера взаимодействия между культурными инвариантами и вариантами производных социокультурной динамики.

Определение результата модернизации через характер влияющей на нее социокультурной инерции позволяет определить вектор социокультурных изменений, реализуемых в современном российском обществе в пространстве выбора из трех возможных (в рамках нашей концептуальной схемы) вариантов: 1) социокультурное развитие (ему соответствует эффективный характер модернизации); 2) социокультурная деградация (регрессивная модернизация (демомодернизация); 3) социокультурная стагнация («нейтральная» модернизация).

Философское познание социокультурных изменений под влиянием социальной инерции, в свете теории энтелехии, включает:

- выявление субстанциональных оснований социокультурной системы российского общества в форме ее культурных инвариантов, порождаемых в процессе социокультурной динамики в жизненно важных для социокультурного воспроизводства российского общества сферах (социально-политической, экономической, управленческой, духовной, сфере повседневных практик);

- сравнение культурных инвариантов с культурными вариантами, порожденными социокультурной системой в ходе ее изменения (энтелехии) и выявление степени инерционности ключевых подсистем социокультурной системы как фактора социокультурных изменений и их направленности;

- определение характера социокультурных изменений (социокультурное развитие, социокультурная деградация, социокультурная стагнация) через результат модернизации общества как основного индикатора социокультурных процессов и движения общества в траектории развития;

- определение возможных альтернатив социокультурных изменений российского общества в контексте его инерционной составляющей в дискурсах модернизации как ключевого в концепции развития общества.

В рамках авторской стратегии выявление условий и инвариантов воплощения инерционной составляющей в российской реальности проводится в проекции различных исторических эпох. Такой ракурс позволил проследить влияние социокультурной инерции на социокультурные изменения в России в динамике и выявить историческую зависимость в инерционных и модернизационных процессах.

Ключевые выводы, полученные в ходе реализации указанных методологических оснований, сводятся к следующему.

В плоскости исторической реальности российского общества фактор инерционности в социокультурных изменениях наиболее явно активизируется в периоды социальных потрясений и кризисов, и такой «турбулентный» механизм социокультурной инерции как самосохранения и воспроизводства социокультурной системы не содержит в себе ресурсного потенциала стратегического, долговременного развития. Его роль ограничивается «спасательной функцией». В период стабилизации его функциональность резко понижается и может вызвать дисфункциональные проявления – регрессию в социокультурной динамике, поскольку в его структуре не выработался алгоритм работы в условиях стабильности и прогресса как диалог культуры в совокупности

традиционных (культурных инвариантов) и новых (культурных вариантов) форм, ценностей и норм общественного бытия. В этой связи новые фазы турбулентности неминуемы, в чем и заключается сущность и опасность «исторической колеи» как колеи инерционного механизма. Следовательно, ее преодоление видится в познании и перспективах изменения механизма социокультурной инерции.

Проведенный анализ исторической инерции в контексте анализа советского и постсоветского общества показал, что советское общество предстает как продолжение общества имперского периода российской истории в координатах преемственности ментальных характеристик в воспроизводстве социокультурных практик. Советское общество продолжило имперскую традицию государственного строительства и управления, унаследовав многое из старых институций эпохи Российской империи: самодержавное правление, бюрократический аппарат, принудительный труд, а постсоветское общество стало логичным продолжением этой инерционной траектории, но только в неявной (скрытой) форме и явном кризисном формате.

Инерционная сила стереотипов и норм советского прошлого накладывается на усталость современного российского общества от реформ и кризисов, неоправдавшихся надежд и социальной несправедливости, безысходности и чувства бессилия что-либо изменить. И в этой ситуации в обществе оформляется запрос на перемены в модусе перехода к устойчивости, что сформировало не критическое отношение общества к усилению авторитарной составляющей инерции. Но этот запрос слабо коррелирует с инновациями, тем более что тенденция воспроизводства политического авторитаризма как результат стремления общества к устойчивости, безопасности, самосохранению снижает шансы на реализацию инновационной модернизации.

Процессы социокультурных изменений в современных российских условиях отличаются разнонаправленностью, что обостряет противоречия между различными формами предоставления властных отношений, а также между различными уровнями политической активности. Эти противоречия выступают как

проявление нарушения системного характера политической реальности и государственно-управленческой сферы и во многом связаны с проявлением инерционности в организационно-управленческих практиках. В целом процесс возникновения новаций в этой сфере и социокультурного развития осуществляется в условиях глобального противостояния, что накладывает свой отпечаток на социум.

Проявление инерционности в управленческих практиках в условиях общества переходного типа было обусловлено соединением элементов старой и новой политической и правовой систем. Отсюда и пребывание большинства институтов и механизмов гражданского общества в зачаточном состоянии или их отсутствие, и хаотичная смена политических элит, и несовершенство в виде противоречивости и фрагментарности правового законодательства. Очередной виток инерции бюрократизации наложился на новые социально-политические и организационно-управленческие реалии. Вместо былой советской номенклатуры формируется неономенклатура. Бюрократическая система управления начала воспроизводство «под себя» нового типа личности – бюрократизированного индивида. Бюрократизированный индивид характеризуется специфической этикой политического и идейно-морального конформизма, психологией верности существующим порядкам, ориентацией на соответствие мнениям и требованиям непосредственного окружения. Инерция извлечения прибыли из должности заимствована из рыночной сферы в сферу государственного управления, что противоречит и государственным, и национальным интересам: вместо вливания в социальную сферу, производство, поддержки малого бизнеса финансовые потоки направляются на лоббирование, финансирование политических движений и партий.

Анализ практик власти и управления в дискурсе инерционной составляющей социокультурных изменений российского общества выявил высокую степень их инерционности в парадигме зависимости от предшествующего пути развития и опыта прошлого. Однако в ситуации глобального геополитического

противостояния регрессивный тип инерционного движения социокультурной систем гарантированно ведет к уничтожению всей системы в целом. Сегодня мы видим результат большой работы последних десятилетий по эволюционному переходу от регресса к развитию, и за этим стоит не только смена политического вектора, но также и актуализация внутренних социокультурных оснований, позитивных инерционных практик.

Наиболее выраженной является инерция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты. Механизм и инварианты инерционности в социально-политической и управленческой практике проявляются в стремлении их субъектов: а) опираясь на предыдущие социальные практики и элементы прошлого социального и культурного опыта сохранить существующее состояние и перейти к поступательному развитию; б) несмотря на социальную и политическую неопределенности в целях поддержания устойчивости социокультурной системы сохранить социальный порядок.

Проведенный анализ социокультурной инерционности в адаптивных практиках повседневного существования, связанных с повседневной социокультурной средой, выявил кризис субъектности и культуры участия, тенденции упрощения культурно-антропологических практик, зачастую в формате архаизации конца XX века. Эти явления были далеко не случайны и выступали результатом адаптации к кризисной социокультурной реальности российского общества и разворачивающихся по советскому инерционному сценарию алгоритмов конструирования этой реальности. В отношении современности также можно говорить о преодолении этих тенденций и социокультурном развитии, одна из составляющих которого тесно связана с патриотизмом. На данный момент дискурс государственного патриотизма выступает как важнейшая составляющая позитивного инерционного механизма в социокультурной динамике российского общества. Он активно используется в практике социально-политической стабилизации, своего рода фиксации сложившегося социального порядка и социальной консолидации общества, также закрепляющей инерционную

стратегию социокультурной динамики, которая по своему характеру и влиянию на общественные процессы была отнесена нами к типу социокультурного развития.

Соответственно, был сделан вывод о том, что прогрессивный характер инерционности, детерминирующей социокультурные изменения в современном российском обществе, обеспечивает реализацию модернизационных преобразований в прогрессивном формате, а заложенный в 90-е годы конца XX века вектор демодернизации успешно преодолен. Хотя этот вектор характеризует регрессивную социокультурную ситуацию в России прошлого, он был детерминирован слабой ресурсной обеспеченностью общества для противостояния негативному влиянию социокультурной инерции. Исходящая от него угроза всегда актуальна, и противостоять ей возможно путем выявления и активного использования в практике модернизации тех ее инвариантов, которые несут положительный заряд и необходимы для эффективного внедрения инноваций.

В современном российском обществе воспроизводство и трансформация социокультурных оснований происходит в противоречивых условиях, когда доминирующие практики, традиционные компоненты ценностно-нормативной системы, сложившиеся типы массового сознания, следуя логике инерции неприятия перемен, зачастую отторгают нововведения и препятствуют инновациям. В подобных обстоятельствах важную роль призваны сыграть социокультурные ресурсы преодоления инерционности, то есть все те ресурсы, которыми располагает данное общество и культура, реальные и потенциальные возможности, которые, актуализируясь в определенных условиях, способны обеспечивать достижение поставленных целей в процессе социального взаимодействия. Среди социокультурных ресурсов особенно важны ресурсы гражданского общества, власти и управления, и сегодня реформирование в России воспринимается и используется в практиках власти и управления как инструмент совершенствования существующей системы, отвечающей интересам общества, как стратегию перехода к новому состоянию, способствующему развитию

человеческого капитала и основанному на принципах сотрудничества и солидарности власти и общества.

Переход общества с инерционной траектории на траекторию национального развития потребовал преодоления авторитарно-самодержавной инерции, а также инерции имитационной модернизации. Однако в обществе сохраняются факторы, препятствующие преодолению инерционности, а социокультурные ресурсы преодоления инерционности пока что явно недостаточны для окончательного преодоления этих практик.

Таким образом, российское общество в современной реальности представляет собой структуру, способную к самоорганизации и управлению инерционными процессами, заложенными в механизме социокультурной динамики любого общества. Оно развивается по устойчивой траектории, парадоксально сочетая ориентацию на советское прошлое в социальных установках и практиках с запросом на перемены и инновационный прорыв.

В этой связи нами сделан вывод о типе социокультурного развития как доминантном векторе социокультурных изменений в условиях современной российской реальности. Этот вектор способствует социокультурному воспроизводству общества в координатах социокультурного развития как прогрессивного вектора социокультурных изменений. Выход же на этот вектор социокультурной динамики российского общества предполагает разработку такой программы и концепции модернизации, в которой механизм социокультурной инерции будет включен в социальную парадигму как системный элемент управления модернизационными процессами через познание и изменение модели взаимодействия культурных инвариантов и вариантов социокультурной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Ностальгия по СССР». / Левада-центр. – URL: <https://www.levada.ru/2021/12/24/nostalgiya-po-sssr-3/> (дата обращения: 12.08.2024).
2. Абдрахманов, Д. М. Архаизация российских регионов как социальная проблема / Д. М. Абдрахманов, А. М. Буранчин, И. В. Демичев. – Уфа : Казенное предприятие Республики Башкортостан Издательство «Мир печати», 2016. – 404 с.
3. Агамбен, Д. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Д. Агамбен ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. – Москва, Санкт-Петербург : Издательство Института Гайдара, 2018. – 552 с.
4. Алексеева, Т. А. Россия в пространстве глобального восприятия / Т. А. Алексеева // Международные процессы. – 2007. – Т. 5, № 2(14). – С. 52-63.
5. Альпидовская, М. Л. Эволюция института бюрократии в социально-экономической системе : специальность 08.00.01 "Экономическая теория" : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Альпидовская Марина Леонидовна. – Москва, 2009. – 392 с.
6. Аникин, Д. А. Память как социальный феномен / Д. А. Аникин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2007. – Т. 7, № 1. – С. 3-9.
7. Аршинов, В. И. Инновации, традиции и архаика как ценностные компоненты культуры в ее синергетически-сложностном измерении / В. И. Аршинов // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Т. 13, № 2(63-64). – С. 79-89 ; Ламажаа Ч.К. Феномен архаического в организации социокультурного процесса // Новые исследования Тувы. 2014. № 3 (23). С. 112-120.

8. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Бориса Хлебникова. - Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

9. Аузан, А. А. "Колея" российской модернизации / А. А. Аузан // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 54-60.

10. Афанасьев, Ю. Н. Мы - не рабы? / Ю. Н. Афанасьев // Континент. – 2008. – Т. 4, № 138. – С. 161-219.

11. Ахиезер, А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко ; Фонд "Либеральная миссия". - [2-е изд., испр. и доп.]. - Москва : [Новое изд-во], 2008. – 461 с.

12. Ахиезер, А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема / А. С. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 89-100.

13. Ахиезер, А. С. Возможность прогноза социокультурной динамики России / А. С. Ахиезер // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития : Материалы Международного симпозиума, Москва, 17–19 декабря 1993 года. – Москва: Интерпракс, 1994. – С. 287-293.

14. Ахиезер, А. С. История России: конец или новое начало? / А. С. Ахиезер, И. М. Клямкин, И. Г. Яковенко ; Фонд "Либеральная миссия". – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Новое издательство, 2008. – 464 с.

15. Ахиезер, А. С. Россия. Критика исторического опыта : социокультурная динамика России / А. С. Ахиезер ; Российская Акад. Наук, Ин-т философии РАН. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Новый хронограф, 2008. – 934 с.

16. Балацкий, Е. В. Эффект инерции в формировании социальных настроений / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2007. – № 3(83). – С. 85-94.

17. Баранов, Н. А. Современная политическая элита: номенклатурный контекст / Н. А. Баранов // Политические институты в современном мире : Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2010 года / Под общей редакцией С.Г. Еремеева, О.В. Поповой. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 30-32.

18. Безотосный, И. А. Конструирование позитивного имиджа России и репрезентация символической социальной реальности / И. А. Безотосный. – Ростов-на-Дону : Северо-Кавказский научный центр высшей школы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Южный федеральный университет, 2011. – 116 с.

19. Бергер, П. Л. Социальное конструирование реальности : Трактат по социол. знания : [Перевод] / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.

20. Береснева, Ю. В. Тенденции мифологизации современных коммуникативных практик : специальность 09.00.01 "Онтология и теория познания" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Береснева Юлия Витальевна, 2018. – 210 с.

21. Бессонова, О. Э. Институциональная матрица социального государства и демократии в России / О. Э. Бессонова // Экономическая социология. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 50-67 ; Бессонова, О. Э. Контрактный раздаток и солидаризм - новая веха российской матрицы / О. Э. Бессонова // Мир России. Социология. Этнология. – 2019. – Т. 28, № 1. – С. 7-31.

22. Бессонова, О. Э. Образ будущего России и код цивилизационного развития / О. Э. Бессонова ; Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт экономики и организации промышленного производства. – Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2007. – 124 с.

23. Бессонова, О. Э. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России / О. Э. Бессонова // Мир России. Социология. Этнология. – 2008. – Т. 17, № 2. – С. 108-139.
24. Биллингтон, Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры / Дж. Х. Биллингтон; [Пер. с англ. С. Ильина и др.]. - Москва : Рудомино, 2001. - 879 с.
25. Бриленок, Н. Б. Здоровый образ жизни: социально-философский анализ : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Бриленок Наиля Булатовна. – Саратов, 2018. – 145 с.
26. Бугалин, А. В. Почему Россия другая? Часть первая / А. В. Бугалин // Русский журнал. – 2010. – 9 марта.
27. Булдаков, В. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления / В. Булдаков. – Москва : РОССПЭН. – 2007. – 203 с.
28. Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – Москва, 1997. – 373 с.
29. Бурдьё, П. Социальное пространство и генезис "классов" / П. Бурдьё // Социология социального пространства : перевод с французского языка. – Москва : Издательство Алетейя, 2007. – С. 14-48.
30. Бурдьё, Пьер. Социология политики / Пьер Бурдьё ; [сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко ; пер. с фр.: Е. Д. Вознесенская и др.]. – Москва : Socio-Logos, 1993. - 333 с.
31. Бызов Л.Г. Парадигмы посткризисного развития // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 3 (101). С. 5-17.
32. Бызов, Л. Г. Бюрократия при В. Путине - субъект развития или его тормоз? / Л. Г. Бызов // Социологические исследования. – 2006. – № 3(263). – С. 4.
33. Бызов, Л. Г. Парадигмы посткризисного развития / Л. Г. Бызов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – № 3(103). – С. 5-17.

34. Вальдман, И. А. Инновационная деятельность и возможности преодоления имитационной парадигмы / И. А. Вальдман // Философия образования. – 2009. – № 1(26). – С. 44-51.

35. Вахштайн, В. «Куракингейт» / В. Вахштайн // Русский журнал. – 2010. – 16 фев.

36. Веревкин, Л. П. Российская бюрократия - тормоз реформ? / Л. П. Веревкин // Энергия: экономика, техника, экология. – 2010. – № 2. – С. 59-64.

37. Верещагина, А. В. Трансформация семейной культуры молодежи в условиях инерционной траектории социокультурной динамики российского общества / А. В. Верещагина // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. редактор В.А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 3367-3374.

38. Визгин, В. П. Еще раз об энтелехии культуры / В. П. Визгин // Философский журнал. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 5-22.

39. Виноградов, Б. : Мысли, «не отлитые в граните». – Текст : электронный // Агентство политических новостей. – 2011. – 28 окт. – URL: <https://www.apn.ru/publications/article25210.htm> (дата обращения 10.08.2024).

40. Вишневский, А. Г. Историческая эволюция России: догоняющее развитие или особый путь? / А. Г. Вишневский // Мир России. Социология. Этнология. – 2002. – Т. 11, № 3. – С. 13-21.

41. Власов, В. В. Интерактивно-рациональное управление развитием социальной системы российского образования : специальность 22.00.08 "Социология управления" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Власов Владимир Васильевич. – Москва, 2007. – 41 с.

42. Волков, Ю. Г. Креативное общество как цель российской модернизации/ Ю. Г. Волков // Социологические исследования. – 2011. – № 11(331). – С. 25-32.

43. Волков, Ю. Г. Креативный класс Versus имитационных практик / Ю. Г. Волков // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 1. – С. 43-58.

44. Волков, Ю. Г. Приватное пространство в российском обществе: новая социальная реальность / Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону - Таганрог : Южный федеральный университет, 2018. – 126 с.

45. Волков, Ю. Г. Сценарии инновационного развития российских регионов: институционально-управленческое измерение / Ю. Г. Волков, А. В. Верещагина, В. В. Узунов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 2. – С. 35-40.

46. Вольчик, В. В. Институциональная инерция и развитие российской системы образования / В. В. Вольчик, М. М. Скорев // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1, № 4. – С. 55-63.

47. Воробьев, Г. А. Энтропийный рост в российском обществе в проекции социальной неопределенности / Г. А. Воробьев // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 126-134.

48. Воронина, Н. Н. Повторение как предпосылка формирования онтологических представлений : специальность 09.00.01 "Онтология и теория познания" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Воронина Наталья Николаевна. – Нижний Новгород, 2004. – 177 с.

49. Восленский, М. С. Номенклатура : Господствующий класс Сов. Союза / М. С. Восленский; Предисл. М. Джиласа. – 1-е сов. изд. – Москва : МП "Октябрь" : Сов. Россия, 1991. – 622 с.

50. Выбор России: катастрофа или революция сверху? Доклад Института национальной стратегии. – URL: <https://www.apn.ru/publications/article21792> (дата обращения 12.08.2024).

51. Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи : Социокультурные аспекты модернизации процессов в России / С. Н. Гавров ; Науч. совет Рос. акад. наук по изучению и охране культур. и природ. наследия. – Москва : УРСС, 2004. – 352 с ; Колесникова, Г. И. Социальная политика России: концепция развития

личности в 21 веке / Г. И. Колесникова // Международный научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 112-116.

52. Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультур. аспекты модернизаци. процессов в России : монография / С. Н. Гавров ; Науч. совет Рос. акад. наук по изучению и охране культур. и природ. наследия. – Москва : УРСС, 2004. – 349 с.

53. Гавров, С. Н. Модернизация России: постимперский транзит / С. Н. Гавров ; Федеральное агентство по образованию РФ. Московский государственный университет дизайна и технологий; Предисловие Л.С. Перепелкина. – Москва : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Московский государственный университет дизайна и технологий", 2010. – 269 с.

54. Геллер, М. Я. Машина и винтики : История формирования советского человека / М. Я. Геллер. – Москва : МИК, 1994. – 335 с ; Черняева, Е. Н. Формирование идеального образа советского человека в практиках художественной культуры 1920-х годов / Е. Н. Черняева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 26. – С. 163-170.

55. Глебова, И. И. Как Россия справилась с демократией : заметки о русской политической культуре, власти, обществе / И. И. Глебова. - Москва : РОССПЭН, 2006. – 142 с.

56. Глебова, И. И. Образы прошлого в структуре политической культуры России : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Глебова Ирина Игоревна. – Москва, 2007. – 47 с.

57. Глебова, И. И. Образы прошлого в структуре политической культуры России : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Глебова Ирина Игоревна. – Москва, 2007. – 292 с.

58. Глухова, А. В. Проблемы российской модернизации в ценностном измерении / А. В. Глухова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 2(14). – С. 49-56.

59. Гнатюк М.А. Сложность и противоречивость социального мира: редукция через практическую актуализацию и инерционность // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 5-6-1. – С. 158-166.

60. Гнатюк, М. А. Социальная инерция и социокультурные изменения в российском обществе в фокусе социально-философской теоретической рефлексии / М. А. Гнатюк – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. – 48 с.

61. Гнатюк, М. А. Воплощение инерционной составляющей в российском обществе в парадигме зависимости от предшествующего пути развития / М. А. Гнатюк // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 3(195). – С. 9-13.

62. Гнатюк, М. А. Динамика инерционной зависимости настоящего России от Советского прошлого / М.А. Гнатюк // Прорывные научные исследования: проблемы, пределы и возможности: сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Омск, 02 июля 2024 г. – Уфа: OMEGA SCIENCE, 2024. – С. 32-34.

63. Гнатюк, М. А. Изучение проблематики социальной инерции в социально-гуманитарном знании / М. А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 7. – С. 58-63.

64. Гнатюк, М. А. Инерционность социокультурных изменений в адаптивных практиках / М. А. Гнатюк // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты : Сборник статей по материалам LXXXII международной научно-практической конференции, Новосибирск, 01 июля 2024 года. – Новосибирск: ООО "Сибирская академическая книга", 2024. – С. 33-38.

65. Гнатюк, М. А. Иннерционная составляющая в Российской исторической реальности: механизмы и условия воплощения / М. А. Гнатюк // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке : Сборник статей по материалам СП международной научно-практической конференции, Новосибирск, 26 июня 2024 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Сибирская академическая книга", 2024. – С. 100-105.

66. Гнатюк, М. А. Интенция державного величия в политико-идеологических доктринах и практиках российской элиты в контексте социальной инерционности / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 69-76.

67. Гнатюк, М. А. Концепт социальной инерции: функциональные механизмы и проявление в социальности и социокультурных изменениях / М. А. Гнатюк // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 5-6-1. – С. 167-174.

68. Гнатюк, М. А. Механизм и инварианты инерционности в процессах конструирования социальной и политической реальности / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7, № 1. – С. 87-93.

69. Гнатюк, М. А. Механизм и порождающая динамика инерционной зависимости современного российского общества от советского прошлого: социально-философский анализ / М. А. Гнатюк // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 6. – С. 26-28.

70. Гнатюк, М. А. Преодоление инерционного сценария в практике российской модернизации: ресурсный подход / М. А. Гнатюк // Наука. Образование. Современность. – 2017. – № 3-4. – С. 25-29.

71. Гнатюк, М. А. Противоречия социокультурных изменений в российском обществе: анализ факторов инерции и инновации / М. А. Гнатюк // Человек. Общество. Инклюзия (Приложение). – 2023. – № 1. – С. 57-63.

72. Гнатюк, М. А. Проявление инерционности в системе государственного управления современной России в условиях деформированной корпоративной

культуры / М. А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 11. – С. 204-208.

73. Гнатюк, М. А. Социальная инерционность в российском обществе в адаптивных практиках повседневного существования / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 5. – С. 73-81.

74. Гнатюк, М. А. Социальная инерционность в смысловом контексте российской модернизации / М. А. Гнатюк, Г. А. Воробьев // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 7. – С. 125-130.

75. Гнатюк, М. А. Социальная инерция в динамике социокультурных изменений российского общества: специфика научного дискурса и методологические параметры исследования / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 5. – С. 78-96.

76. Гнатюк, М. А. Социальная инерция в динамике социокультурных изменений российского общества: специфика научного дискурса и методологические параметры исследования / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 5. – С. 78-96.

77. Гнатюк, М. А. Социальная инерция в динамике социокультурных изменений: инварианты проявления в Российской реальности / М. А. Гнатюк. – Самара : Самарский государственный университет путей сообщения, 2018. – 228 с.

78. Гнатюк, М. А. Социальная инерция в контексте диалектики общественного развития: исследование российского общества / М. А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 8. – С. 49-52.

79. Гнатюк, М. А. Социальные ресурсы преодоления инерционности в сценариях и практике российской модернизации / М. А. Гнатюк // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 7. – С. 96-101.

80. Гнатюк, М. А. Социокультурные параметры российской модернизации в контексте оппозиции "инерционность - креативность" / М. А. Гнатюк // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 4(196). – С. 5-9.

81. Гнатюк, М. А. Социокультурный механизм проявления инерционной составляющей в российской исторической реальности: социально-философский подход / М. А. Гнатюк // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 2(90). – С. 19-22.

82. Гнатюк, М. А. Тематически-смысловые аспекты проявления инерции прошлого в советском обществе: социально-философский подход / М. А. Гнатюк // Философия права. – 2017. – № 3(82). – С. 7-10.

83. Гнатюк, М. А. Теоретико-методологический конструкт изучения социальной инерции в динамике российских социокультурных изменений / М. А. Гнатюк // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 3. – С. 21-26.

84. Гнатюк, М. А. Трансформация социальности в постсоветской России: роль и влияние социальной инерции / М. А. Гнатюк // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2023. – № 5. – С. 77-81.

85. Гнатюк, М. А. Феномен социального повторения в ходе институциональных и ценностных изменений в российском обществе / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 99-106.

86. Гнатюк, М. А. Феномен социальной инерции как предмет социально-философского изучения / М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 118-125.

87. Головченко, В. И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Головченко Владимир Иванович. – Саратов, 2009. – 51 с.

88. Голофаст, В. Повседневность в социокультурных изменениях (размышления читателя автобиографий и биографических интервью) / В. Голофаст // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2002. – Т. 1, № 1. – С. 67-74.

89. Голубинская, А. В. Диверсификация и унификация культур в глобальном веб-пространстве / А. В. Голубинская // Век глобализации. – 2017. – № 1(21). – С. 98-105.

90. Гончаров, В. В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Гончаров Виталий Викторович, 2018. – 418 с.

91. Горин, Д. Г. Поколения модернизации: от обнаружения альтернатив к повторению пройденного / Д. Г. Горин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 6(74) . – С. 27-34.

92. Горин, Д. Г. Производство смысла и коды социального опыта в России / Д. Г. Горин – Москва : ЛИБРОКОМ, 2011. – 352 с.

93. Горлова, И. И. Культура как фактор модернизации: краткий обзор теорий зарубежных ученых / И. И. Горлова, Л. Л. Пшеничникова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 12. – С. 13-15.

94. Горшков, М. К. Институт социологии РАН: 50 лет изучая общество, жизненные интересы и ценности людей / М. К. Горшков // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7, № 1(25). – С. 7-17.

95. Гофман, А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность / А. Б. Гофман // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 241-254.

96. Григорьян, Э. Р. Интеллектуальные основания социального порядка: (контуры новой методологии социального познания) : [учебное пособие] / Э. Р. Григорьян ; Ин-т социальных наук. - Москва : Ин-т социальных наук, 2009. - 193 с.

97. Гринь, М. В. Трансформация идеологического пространства в условиях глобализации: проблемы и перспективы : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Гринь Максим Валентинович, 2018. – 406 с.

98. Гришаева, Л. Е. Апокалипсис по модернизации / Л. Е. Гришаева // Экономический журнал. – 2010. – № 4(20). – С. 5-16.

99. Гудков, Л. В. Инерция пассивной адаптации / Л. В. Гудков // *Pro et Contra*. – 2011. – Т. 15, № 1-2(51) – С. 20-42.
100. Гудков, Л. Кризис высшего образования в России: конец советской модели / Л. Гудков // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 1998. – № 4. – С. 32-45.
101. Гудков, Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам / Л. Гудков // *Отечественные записки*. – 2002. – № 3. – С. 87-101.
102. Гуськов, И. А. Социальная зависимость в российском обществе (сущность, специфика, формы проявления) : специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы" : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Гуськов Игорь Александрович. – Ростов-на-Дону, 2008. – 308 с.
103. Дауранов, Р. Б. Россия в саях азиатского способа производства: потеря самоидентификации / Р. Б. Дауранов. – Москва : Ридеро, 2001. – 202 с.
104. Дворядкина, Е. Б. Инерционность как свойство экономического развития городов традиционно-промышленного региона / Е. Б. Дворядкина, Е. В. Голошейкин, И. В. Арагилян // *Управленец*. – 2014. – № 5(51). – С. 72-78.
105. Деркач, В. В. Принцип историзма в исследовании современного общества / В. В. Деркач // *Вестник Башкирского университета*. – 2007. – Т. 12, № 3. – С. 142-143.
106. Деркач, В. В. Роль принципа историзма в прогнозировании социальных процессов / В. В. Деркач // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. – 2016. – № 3(17). – С. 163-168.
107. Дзюба, Л. М. Темпоральность в контексте интерпретации трансформирующегося социума : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Дзюба Любовь Михайловна; [Место защиты: Сев.-Кавказ. федер. ун-т]. – Ставрополь, 2018. – 26 с.

108. Дианов, С. А. Социалистическое соревнование в органах советской цензуры в эпоху "сталинизма" (по материалам Урала) / С. А. Дианов // Научный диалог. – 2013. – № 1(13). – С. 35-45.

109. Динабург, С. Р. Современные исследования будущего: между утопией и форсайтом / С. Р. Динабург // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. – 2016. – № 3. – С. 86-97.

110. Доброчеев, О. В. Россия 2006 года – лидер мировой экономики. Оптимистический сценарий национальной истории / О. В. Доброчеев // Независимая газета. – 1994. – 19 авг.

111. Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности / С. А. Кравченко, Н. Н. Зарубина, А. И. Подберезкин [и др.]. – Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. – 274 с.

112. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Книга истории и культуры : альманах: в 5 книгах. Том Книга 1. – Москва : Издательство "Эллис Лак", 1995. – С. 68-78.

113. Дрезинский, К. С. Совершенствование управления вузами в условиях рыночного реформирования российской экономики : специальность 08.00.05 "Экономика и управление народным хозяйством" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Дрезинский Константин Сергеевич. – Санкт-Петербург, 2008. – 18 с.

114. Дубин, Б. В. Российское общество живёт в прошлом / Б. В. Дубин // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения : Материалы XVI симпозиума, Москва, 23–24 января 2009 года. – Москва: ООО "ИД Университетская книга", 2009. – С. 389-402.

115. Дутова, Н. В. Коммуникативные стратегии и тактики в аспекте культурологического параметра "дистанция власти" / Н. В. Дутова //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-3(90). – С. 513-525.

116. Дьяков, А. А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции / А. А. Дьяков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11, № 1. – С. 8-12.

117. Дюжиков, С. А. Архаизация правового поведения как предмет теоретической рефлексии / С. А. Дюжиков, Д. Н. Левашев // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 75-86 ; Левашев, Д. Н. Архаичные идентичности: границы влияния на правовое поведение в российском обществе / Д. Н. Левашев // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 170-181.

118. Дятлов, А. В. Социальные ресурсы развития российского общества : специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы" : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Дятлов Александр Викторович. – Ростов-на-Дону, 2005. – 268 с.

119. Дятлов, А. В. Социальные ресурсы развития российского общества : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.04 / Рост. гос. ун-т. - Ростов-на-Дону, 2005. - 50 с.

120. Ермакова, М. Л. Инновационность и инерционность в развитии трудовых отношений на микроуровне : специальность 08.00.05 "Экономика и управление народным" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ермакова Марина Львовна. – Саратов, 2009. – 29 с.

121. Естрина, О. В. Российское социокультурное пространство и детерминирующие его факторы / О. В. Естрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2009. – № 1(9). – С. 47-51.

122. Жердев, В. В. Корпоративная самозащита бюрократии в системе государственного управления: ресурсы и технологии социального действия : специальность 22.00.08 "Социология управления" : автореферат диссертации на

соискание ученой степени кандидата социологических наук / Жердев Владимир Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2010. – 32 с.

123. Жупник, О. Н. Тренды ценностных ориентаций современной студенческой молодежи : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Жупник Олеся Николаевна. – Симферополь, 2018. – 178 с.

124. Журавский, М. Ю. О воздействии экономического времени на инвестиционную инерцию / М. Ю. Журавский // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 292-2. – С. 322-327.

125. Журавский, Ю. А. Формы проявления инвестиционной инерции / Ю. А. Журавский // Передовые технологии в науке и образовании : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Кемерово, 14 июня 2023 года. – Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью "Западно-Сибирский научный центр", 2023. – С. 36-39.

126. Зарубина, Н. Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества / Н. Н. Зарубина // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 52-62.

127. Зарубина, Н. Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме / Н. Н. Зарубина // Историческая психология и социология истории. – 2013. – Т. 6, № 2. – С. 29-45.

128. Заславская, Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т. И. Заславская // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 2-16.

129. Захаров, В. К. Историческая инерционность самосознания и самоустройства общества / В. К. Захаров // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник, Москва, 12–13 сентября 2018 года / Ответственный редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 1, Часть 2. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 615-617.

130. Захаров, В. К. Историческая инерционность самосознания и самоустроения общества / В. К. Захаров // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник, Москва, 12–13 сентября 2018 года / Ответственный редактор В.И. Герасимов. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 615-617.

131. Зеверт, Д. Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе / Д. Зеверт // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2015. – № 2(2). – С. 103-113.

132. Зиновьев, А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев ; Александр Зиновьев. – Москва : Эксмо, 2006. – 528 с.

133. Иванов, А. Г. Социальная мифология и ее роль в развитии общества : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Иванов Андрей Геннадиевич. – Воронеж, 2018. – 46 с.

134. Иванов, В. Н. Политические аспекты экономической модернизации в Российской Федерации / В. Н. Иванов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13, № 8(353). – С. 1415-1428.

135. Ивашевский, С. Л. Социальные условия развития науки в современной России / С. Л. Ивашевский // Вестник Российского философского общества. – 2011. – № 4(60). – С. 89-94.

136. Ильин, В. И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии / В. И. Ильин // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – Т. 26, № 4. – С. 30-50.

137. Ильченко, М. С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу / М. С. Ильченко // Социум и власть. – 2013. – № 3(41). – С. 20-24.

138. Иноземцев, В. Л. Что случилось с Россией? От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму / В. Л. Иноземцев // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 6(74). – С. 6-16.

139. Исхакова, Г. И. Социальная преемственность (Философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Исхакова Гузель Ильдусовна. – Уфа, 2002. – 162 с.

140. Иткулова, Л. А. Мировоззрение этноса как социокультурное явление: философский анализ : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Иткулова Лэйсян Ахметовна. – Уфа, 2018. – 36 с

141. Ищенко, Н. С. Проблемы теоретического осмысления социокультурных трансформаций / Н.С. Ищенко – Текст : электронный // Философско-культурологические исследования. – 2018. – № 1. – URL: <https://www.fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления/> (дата обращения: 02.08.2024).

142. Каджая, В. Г. Охлос на воле: В октябре 1917-го к власти в России пришла чернь, установившая кровавую диктатуру / В. Г. Каджая // Новое время. – 2006. – № 26(3138) . – С. 34-38.

143. Казакова В.И. Инерция и власть: к вопросу о политических основаниях сопротивления инновациям // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2013. № 1. С. 19-27.

144. Казакова, В. И. Концептуализация "path dependence" в современной социальной науке / В. И. Казакова // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 3. – С. 6-16.

145. Калайков, С. Ю. Взаимодействие традиции и новации как проблема риторического конструирования социальной реальности : специальность 09.00.11

"Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Калайков Станислав Юрьевич. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.

146. Калачева, О. Празднование как индикатор социальных изменений: старые и новые праздники постсоветской России / О. Калачева // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2003. – № 1. – С. 26-29.

147. Калинин, И. Археология национального знания / И. Калинин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2012. – № 1(81). – С. 87-91.

148. Калинин, И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт / И. Калинин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2010. – № 6(74). – С. 6-16.

149. Калинин, А. А. Конструирование социальной реальности: социолингвистический аспект / А. А. Калинин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 52-55.

150. Канарш, Г. Ю. Современный российский капитализм: социологический, политико-экономический и антропологический аспекты / Г. Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 4. – С. 70-85.

151. Кантор, В. К. Есть европейская держава. Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки : Монография / В. К. Кантор. – Москва : Директ-Медиа, 2008. – 845 с.

152. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза ; Сергей Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2006. – 862 с.

153. Каримов, Р. Н. Медиатор коммуникации как фактор перераспределения власти : социально-философский анализ : автореферат на диссертацию кандидата философских наук : 09.00.11 / Каримов Рамиль Наилевич; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2018. - 35 с.

154. Карнаушенко, Л. В. Гармонизация общественных отношений как функция государства: проблемные аспекты / Л. В. Карнаушенко // Общество и право. – 2018. – № 1(63). – С. 80-86.

155. Карнаушенко, Л. В. Институт права в аспекте процессов архаизации и модернизации современного общества / Л. В. Карнаушенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2(32). – С. 88-92.

156. Касавин, И. Т. Язык повседневности: между логикой и феноменологией / И. Т. Касавин // Вопросы философии. – 2003. – № 5. – С. 14-29.

157. Кемеров, В. Е. Социальная обусловленность познания: динамика проблемы / В. Е. Кемеров // Вопросы философии. – 2008. – № 10. – С. 20-32.

158. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Новосибирск : ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. – 305 с. –

159. Клейнер, Г.Б. Системная модернизация экономики России / Г. Б. Клейнер – Текст : электронный // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ВЗФЭИ. – Москва: ВЗФЭИ, 2011. – URL: <http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/12/Sistemnaya-modernizatsiya-e%60konomiki-Rossii.pdf> (дата обращения: 02.08.2024).

160. Князева, Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – Санкт-Петербург : Издательство Алетейя, 2002. – 414 с.

161. Когай, Е. А. Модернизация и культура: ценностное измерение / Е. А. Когай, Т. Л. Прокопчук // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 17(266). – С. 56-63.

162. Колесникова, Г. И. Воздействие на сознание в системе ведения сетевых войн: опыт социально-философского осмысления / Г. И. Колесникова //

Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 3-2. – С. 311-314.

163. Колесникова, Г. И. Национальная и государственная идеи / Г. И. Колесникова // Видеонаука. – 2017. – № 2-2(6). – С. 6.

164. Кондратчик, Ю. К. Преодоление исторической инерции как основа осуществления трансформации социально-экономической системы России / Ю. К. Кондратчик // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2015. – № 1(79). – С. 53-59.

165. Корнеева, Е. А. Царство Путина [Текст] : неосталинизм по просьбам народа / Е. А. Корнеева. - Москва [и др.] : Питер, 2011. – 205 с.

166. Коротченко, Ю. М. Валюативное моделирование интерпретационной активности коллективного сознания : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Коротченко Юлия Михайловна, 2019. – 309 с.

167. Костенко, М. А. Эффекты институциональной инерции в реформировании российской системы защиты детства / М. А. Костенко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2014. – Т. 20, № 3. – С. 165-168.

168. Костюков, А. В. Политическое управление в региональном контексте : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Костюков Алексей Викторович. – Санкт-Петербург, 2001. – 159 с.

169. Кравченко, С. А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) / С. А. Кравченко // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 143-155 ; Кравченко, С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления / С. А. Кравченко ; Институт социологии РАН. – Москва, 2010. – 392 с.

170. Красин, Ю. А. Феномен уличных протестов и колея российского выбора / Ю. А. Красин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 3(109). – С. 92-99.

171. Краснов, М. А. Федерация vs Империя, или Как выпрыгнуть из «колеи» / М. А. Краснов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 1(152). – С. 48-71.

172. Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе / В. В. Кривошеев // Социологические исследования. – 2009. – № 3(299). – С. 57-67.

173. Кривошеев, Ю. В. Русь и монголы : Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. / Ю. В. Кривошеев. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. – 468 с.

174. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / [Н. И. Лапин, В. И. Антонюк, А. А. Игнатъев и др.; Общ. редактирование Л. А. Беляевой, Н. И. Лапина]; Рос. АН, Ин-т философии. - Москва: ИФРАН, 1994. – 243 с.

175. Кулинченко, А. В. Роль человека в процессах социальной самоорганизации и эволюции системы управления обществом: развитие социальной самоорганизации как условие эффективного взаимодействия сфер политики и управления / А. В. Кулинченко // Обозреватель. – 2004. – № 11(178). – С. 108-117.

176. Кульков, Е. А. Антропологические матрицы современного коммуникационного пространства / Е. А. Кульков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 41-2. – С. 61-65.

177. Ламажаа, Ч. К. о. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы / Ч. К. о. Ламажаа, М. Ш. Абдулаева // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3. – С. 68-80.

178. Лапин, Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2011. – № 9(329). – С. 3-18.

179. Лапшин, В. А. Неотрадиционализм в Центральной России: формы, движения, идеология / В. А. Лапшин // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 102-108 ; Ламажаа, Ч. К. о. Архаизация и неотрадиционализм в регионах Уральского федерального округа / Ч. К. о. Ламажаа, Н. Г. Хайруллина // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 29-38.

180. Лапшин, В. А. Проблема источников социокультурных изменений в социальных теориях XVIII–XXI веков / В. А. Лапшин // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 259-264.

181. Лебедев, А. Е. Россия XXI века: образ желаемого завтра. / А. Е. Лебедев. – Текст : электронный URL: <https://www.alebedev.ru/news/media/rossija-xxi-veka-obraz-zhelaemogo-zavtra> (дата обращения: 02.08.2024).

182. Левин, М. Советский век / М. Левин ; [пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской]. - Москва : Европа, 2008. – 675 с.; Муза, Д. Е. Русская цивилизация в фокусе аксиоцентрического смысловедения / Д. Е. Муза // Журнал института наследия. – 2018. – № 2(13). – С. 8.

183. Левин, М. Советский век / М. Левин ; [пер. с англ. В. Новикова и Н. Копелянской]. - Москва : Европа, 2008. – 675 с.

184. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр. – Москва : Strelka Press, 2015. – 432 с.

185. Логинова, М. В. Метафора молчания в современной культуре: теоретический аспект / М. В. Логинова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 4. – С. 111-117.

186. Лубский, А. В. Методология социального исследования / А. В. Лубский. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2017. – 154 с.

187. Магарил, С. А. Модернизация и стратегические риски путинского режима / С. А. Магарил // Ежедневный журнал. – 2010. - 24 мая.

188. Макаренко, В. П. Проблема когнитивного сопротивления / В. П. Макаренко // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2012. – № 2. – С. 79-88.

189. Макаркин, Н. П. Роль организационной культуры в эффективном менеджменте высшего учебного заведения / Н. П. Макаркин, О. Б. Томилин, А. В. Бритов // Университетское управление: практика и анализ. – 2004. – № 5-6. – С. 152-162.

190. Малашенко, И. В. Налоговая политика советского государства в Брянской деревне в первые годы нэпа / И. В. Малашенко // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 2(36). – С. 98-106.

191. Малинова, О. Ю. "Долгий" дискурс о национальной самобытности и оппозиция западничества и антизападничества в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. - М.: Новое литературное обозрение, 2008. - С. 235-256.

192. Малинова, О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке : трансформация дискурса о коллективной идентичности / О. Ю. Малинова. - Москва : РОССПЭН, 2009. – 189 с.

193. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание : Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский; Под общ. ред. Ю. П. Сенокосова; [Предисл. Л. Ворониной]. – Москва : Шк. "Языки рус. культуры" : Кошелев, 1997. – 217 с.

194. Мамардашвили, М. К. Формы и содержание мышления [Текст] / М. К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука, 2011. – 282 с.

195. Мариненко, Я. С. Тенденция архаизации российского общественного сознания в свете акций Александра Бренера и Pussy Riot / Я. С. Мариненко // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 420. – С. 105-107.
196. Марков, А. П. Метафизика инверсии культурно-антропологических матриц европейской цивилизации / А. П. Марков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 40. – С. 33-44.
197. Марков, В. И. Отчуждение в культуре : специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Марков Виктор Иванович. – Кемерово, 2002. – 366 с.
198. Мартьянов, В. С. Инволюция элиты в обществе модерна / В. С. Мартьянов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6, № 3. – С. 34-56.
199. Мартьянов, В. С. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции / В. С. Мартьянов, Л. Г. Фишман. – Москва : ООО "Издательство "Весь Мир", 2010. – 255 с.
200. Марченя, П. П. "Смута" как проблема отечественной истории: чему учат системные кризисы России? / П. П. Марченя // История в подробностях. – 2010. – № 5. – С. 86-91.
201. Матвеева, Н. А. Социальная инерция : к определению понятия / Н. А. Матвеева // Социологические исследования. – 2004. – № 4(240). – С. 15-23.
202. Матюх, Е. Т. Теории "общества риска" в современной гуманитарной науке / Е. Т. Матюх // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 7. – С. 33-37.
203. Медушевский, А. Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания / А. Н. Медушевский // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 70-92.
204. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России / Н. А. Вялых, А. В. Лубский, Л. Ш. Крупеникова [и др.]. – Ростов-на-Дону : Редакция журнала "Социально-гуманитарные знания", 2017. – 452 с.

205. Меркулов, П. А. Демографический фактор модернизации современной России / П. А. Меркулов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2015. – № 4(19). – С. 11-14.

206. Мигуренко, Р. А. Повседневность, здравый смысл и проблема сознания / Р. А. Мигуренко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2(14). – С. 114-121.

207. Миронин, С. С. Экономика царской России / С. С. Миронин // Золотой лев. – 2009. – № 105-106. – С. 22-31 ; Одинаев, А. Н. Аграрная политика царской России в долине Зеравшана в конце XIX - начала XX / А. Н. Одинаев // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2018. – № 1(54). – С. 35-43.

208. Михалева, Г. М. Преодоление тоталитарного прошлого: зарубежный опыт и российские проблемы / Г. М. Михалева // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2009. – № 6(68). – С. 146-154.

209. Мобилизация прошлого: Беседа поэта Андрея Расторгуева с историком и политологом Ириной Глебовой. – Текст : электронный // Урал. Литературно-художественный и публицистический журнал. – URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2009/8> (дата обращения 10.08.2024).

210. Модернизационный вызов современности и российские альтернативы (материалы круглого стола) // Мир России. Социология. Этнология. – 2001. – Т. 10, № 4. – С. 3-58.

211. Модернизация и политика в XXI веке : / Российская акад. наук, Ин-т социологии ; [отв. ред. Ю. С. Оганисян]. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 335 с.

212. Модернизация России в контексте глобализации (окончание) / В. Л. Иноземцев, М. А. Чешков, А. Я. Эльянов [и др.] // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 3. – С. 105-117.

213. Морозов, С. А. О современных модернизационных процессах и опережающей модернизации / С. А. Морозов, А. В. Кудинова // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 4(47). – С. 5-7.

214. Муравьева, М. П. Свойство инерционности в изучении проблемы управления социально-экономическими процессами рынка труда / М. П. Муравьева // Инженерный вестник Дона. – 2013. – № 3(26). – С. 128.

215. Награльян, А. А. Традиция и модернизация в социальном пространстве современной России / А. А. Награльян ; отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов-на-Дону : Антей, 2012. – 247 с.

216. Надеин, В. Лично, здесь и сейчас / В. Надеин. – Текст : непосредственный // Ежедневный журнал. – 2012. – 24 окт.

217. Напалкова, И. Г. Пространственная инерционность России и проблемы перехода к инновационному типу развития / И. Г. Напалкова, А. С. Солдатова // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2011. – № 3. – С. 20-26.

218. Недугова, И. А. Архаизация в культуре: рассмотрение феномена / И. А. Недугова // Credo New. – 2012. – № 1. – С. 15.

219. Неклесса, А. И. Война и постсовременность / А. И. Неклесса // Экономические стратегии. – 2016. – Т. 18, № 5(139). – С. 112-119.

220. Некрасов, В. Л. Path dependence и социально-экономическая трансформация регионов Сибири / В. Л. Некрасов // Экономическая история Сибири XX - начала XXI века : материалы II Всероссийской научной конференции, 27-28 июня 2009 г., Барнаул. – 2009. – С. 236-242.

221. Немировский, В. Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии / В. Г. Немировский. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 200 с.

222. Нерар, Ф. К. Пять процентов правды : разоблачение и доноительство в сталинском СССР (1928-1941) / Ф. К. Нерар ; Франсуа-Ксавье Нерар ; [пер. с фр. Е. И. Балаховской] ; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и др.. – Москва : Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2011.

223. Неугодииков, А. П. Собственность как объект междисциплинарного исследования : опыт социально-философской рефлексии : автореферат

диссертация кандидата философских наук : 09.00.11 / Неугодников Алексей Павлович; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2018. - 57 с.

224. Никитаев, В. В. Субъекты и типология социокультурных изменений / В. В. Никитаев – Текст : электронный // Центр гуманитарных технологий. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6606> (дата обращения: 02.08.2024).

225. Новопрудский, С. В. Инстинкт варвара / С. В. Новопрудский // Новая газета. – 2012.–10 окт.

226. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва : Фонд экономической книги "Начала", 1997. – 180 с.

227. Нуреев, Р. М. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) / Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов ; Российский гос. ун-т им. Иммануила Канта, Балтийский межрегиональный ин-т общественных наук "Россия и Европа: прошлое, настоящее, будущее". – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – 530 с.

228. Орешкин Д, Почему в нынешней России невозможна модернизация / Д. Орешкин // Новая газета. – 2009. –10 апр.

229. Орлов, И. Б. Советская повседневность [Текст] : исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов ; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2010. – 316 с.

230. Орлов, О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен : специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Орлов Олег Леонидович. – Санкт-Петербург, 2004. – 335 с.

231. Павлов, К. В. Инерционность социально-экономических и экологических систем: сущность и оценка / К. В. Павлов, А. С. Самохин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 19. – С. 45-53.

232. Паин, Э. А. Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России / Э. А. Паин. - Москва : РОССПЭН, 2009. - 269 с.

233. Пастухов, В. Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве / В. Б. Пастухов // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 1-29.

234. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, Н. К. Бинеева [и др.]. – Ростов-на-Дону : Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2018. – 412 с.

235. Перов, Ю. В. Историчность и историческая реальность / Ю.В. Перов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 144 с.

236. Петров, Н. Модернизация как модель выживания / Н. Петров // Московские новости. – 2011. – 11 апр.

237. Платт, К. М. Ф. Аффективная поэтика 1991 года: ностальгия и травма на Лубянской площади / К. М. Ф. Платт // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 4(116). – С. 199-215.

238. Пляйс, Я. А. Тотальная системная модернизация – абсолютный императив для России / Я. А. Пляйс // Власть. – 2009. – № 8. – С. 3-10 ; Готово ли российское общество к модернизации : Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.]. – Москва : Институт социологии РАН, 2010. – 179 с.

239. Поддубный, В. В. Рынок как оптимально самоуправляемая инерционная система с запаздыванием / В. В. Поддубный, О. В. Романович // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. – 2008. – № 3(4). – С. 5-18.

240. Пол, Д. Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция. / Д. Пол // 20 лет исследования QWERTY-эффектов и зависимости от предшествующего развития : Интернет-конференция: Электронный ресурс, Москва, 15 апреля – 05 2005 года. – Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2005.

241. Порус, В. Н. У края культуры (философские очерки) [Текст] : [очерки о русской философской мысли от Владимира Соловьева до Густава Шпета] / В. Н. Порус. - Москва : Канон+, 2008. - 463 с.

242. Посухова, О. Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? / О. Ю. Посухова // Власть. – 2013. – № 12. – С. 100-103.

243. Пусько, В. С. Фактор социальной инерции в российских управленческих практиках: региональный аспект / В. С. Пусько, С. А. Ляушева, Г. А. Воробьев // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 11. – С. 39-46.

244. Путрик, Ю. С. Геокультурная матрица российской цивилизации как ресурс пространственного развития России / Ю. С. Путрик // Культурное наследие России. – 2018. – № 3. – С. 93-99.

245. Пушкарева, Г. В. Политический менеджмент : Учебник и практикум / Г. В. Пушкарева. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 365 с. –

246. Райков, В. Н. Феномен театральности (социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Райков Валерий Николаевич. – Саратов, 2010. – 146 с.

247. Резинко, Д. Б. Идеологические практики в контексте советской модернизации (Социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Резинко Дмитрий Борисович. – Москва, 2002. – 32 с.

248. Риски реформирования государственной службы России / А. Г. Барабашев, Т. В. Зайцева, М. А. Краснов, А. В. Оболонский // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2007. – № 2-3. – С. 91-124.

249. Рогинский, А. Чем Сталин жив? / А. Рогинский // Континент. – 2008. – № 138. – С.32-45.

250. Рогов, К. Что происходит у нас в стране и чем все закончится? / К. Рогов // Русский журнал. – 2012. – 20 июля; Андрaмонов, Д. К. Конформизм и нонконформизм в обществе постмодерна (социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Андрaмонов Дмитрий Константинович. – Самара, 2017. – 22 с.

251. Родионова, Л. Р. Инерционность эволюционных процессов в экономической системе / Л. Р. Родионова // Modern Economy Success. – 2024. – № 3. – С. 385-391.

252. Рожков, А. Ю. Молодой человек в советской России 1920-х годов повседневная жизнь в группах сверстников: Школьники, студенты, красноармейцы : специальность 07.00.02 "Отечественная история" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Рожков Александр Юрьевич. – Краснодар, 2003. – 44 с.

253. Розин, М. Д. Современный Северный Кавказ - между системным кризисом и инерционным развитием / М. Д. Розин, С. Я. Суций // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 2(20). – С. 585-594.

254. Рой, О. М. Исследования социально-экономических и политических процессов : Учебник / О. М. Рой. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 369 с.

255. Российская повседневность в условиях кризиса / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, В. А. Аникин [и др.] ; Институт социологии РАН; Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ. – Москва : Издательский Дом "Альфа-М", 2009. – 272 с.

256. Рубцов, А. В. «Национальный лидер» – опасная пародия / А. В. Рубцов // Новая газета. – 2011. – 18 марта.

257. Рубцов, А. В. От идеологии к мегапроекту: условия реализации / А. В. Рубцов // Полигнозис. – 2009. – № 4(37). – С. 3-4.

258. Рубцов, А. В. Призрак свободы : путинская Россия между либеральным и неототалитарным проектами / А. В. Рубцов // Знамя. – 2001. – № 1. – С. 140-153.

259. Рубцов, А. В. Российская идентичность и вызовы модернизации / А. В. Рубцов // Отечественные записки. – 2012. – № 2(47). – С. 296-320.

260. Рябов, А. «Самобытность» вместо модернизации парадоксы российской политики в постстабилизационную эру / А. Рябов; Москва Центр Карнеги. — Москва : Московский Центр Карнеги, 2005. — 64 с.

261. Ряд авторов сегодня признаны иноагентами и их позиция приводится в исследовательских целях.

262. Сабден, О. С. Системный подход к цивилизационному развитию человечества в XXI в / О. С. Сабден // Век глобализации. – 2016. – № 4(20). – С. 23-39.

263. Сакович, Д. А. Современный экономический кризис в контексте проблематики инерционности рынков финансового капитала / Д. А. Сакович // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3-1(15). – С. 95-99.

264. Самарин, А. Н. Духовный кризис постсоциалистического общества. Проблемы и конфликты / А. Н. Самарин // Конфликтология. Теория и практика. – 2004. – №4. – С. 89-102.

265. Самохин, К. В. "Такая разная модернизация!": типологии модернизационного развития в современных российских исследованиях / К. В. Самохин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2017. – Т. 3, № 3(11). – С. 11-17.

266. Самохин, К. В. Войны в истории политической модернизации Российского государства XVIII - первой половины XX века / К. В. Самохин // Манускрипт. – 2018. – № 12-2(98). – С. 253-263.

267. Семенов Е.В. Современное состояние и новая роль гуманитарных и социальных наук// Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 5-6.

268. Сидина, В. Л. Влияние финансовой глобализации на инерционность экономики России / В. Л. Сидина // Финансы и кредит. – 2005. – № 35(203). – С. 25-29 .

269. Сиднина, В. Л. Инерционность как свойство экономической системы : специальность 08.00.01 "Экономическая теория" : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Сиднина Валентина Лаврентьевна. – Энгельс, 2002. – 398 с.

270. Сиднина, В. Л. Проявления инерционности в существовании российской экономической элиты / В. Л. Сиднина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2009. – Т. 9, № 1. – С. 11-15.

271. Ситников, А. П. Архаизация российского общества: культурные детерминанты, формы проявления и перспективы развития : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / А. П. Ситников. – Новочеркасск, 2023. – 307 с.

272. Ситников, А. П. Оценка практик архаизации в сложившейся интеллектуальной традиции российского общества / А. П. Ситников // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 4. – С. 138-144.

273. Скворцов, Н. Г. Инновации в системе социального управления региональным развитием: роль университетского образования / Н. Г. Скворцов, А. В. Верещагина, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 64-68.

274. Слатинов, В. Б. Трансформация приоритетов политического управления государственной гражданской службой России в ситуации режимных изменений: от "реформирования" к "развитию" / В. Б. Слатинов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 3. – С. 164-172.

275. Смолина, Н. С. Советское/постсоветское как объект социально-философского анализа (проблематизация коллективной идентичности) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на

соискание ученой степени кандидата философских наук / Смолина Наталья Сергеевна. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.

276. Смолина, Н. С. Советское/постсоветское как объект социально-философского анализа (проблематизация коллективной идентичности) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Смолина Наталья Сергеевна. – Екатеринбург, 2009. – 221 с.

277. Смолина, Н. С. Советское/постсоветское как объект социально-философского анализа (проблематизация коллективной идентичности) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Смолина Наталья Сергеевна. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.

278. Советское прошлое и культура настоящего : в 2 томах / В. В. Варава, Н. А. Завершинская, О. В. Шабурова [и др.] ; Уральский межрегиональный институт общественных наук. – Екатеринбург : Уральский государственный университет им. А.М.Горького, 2009. – 242 с.

279. Соколов, Б. Г. Гипертекст истории / Б. Г. Соколов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 193 с.

280. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – Москва : Издательство "Астрель", 2006. – 1176 с.

281. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.

282. Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола, проведенного Институтом современного развития совместно с московским офисом Института Кеннана на тему: "Социокультурные особенности российской модернизации. Сбылись ли прогнозы Дж. Ф. Кеннана?", Москва, Институт современного развития, 26 мая 2009 года. – Москва : Экон-Информ, 2009. – 151 с.

283. Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола. «Сбылись ли прогнозы Дж. Ф. Кеннана», Москва, Институт современного развития, 26 мая 2009 года. – Москва : Экон-Информ, 2009. – 151 с.

284. Сусименко, Е. В. Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений / Е. В. Сусименко. – Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2008. – 256 с.

285. Телепень, С. В. Военное командование и инерция сознания: римские военачальники перед лицом императорской власти / С. В. Телепень // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 24-30.

286. Темницкий, А. Л. Социальные и культурные проявления институтов неэкономической зависимости в сфере труда российских рабочих / А. Л. Темницкий // Историко-экономические исследования. – 2007. – Т. 8, № 2. – С. 91-121 ; Кознова, И. Е. Большевики и крестьянство в годы нэпа: мобилизуя память о революции / И. Е. Кознова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3(47). – С. 33-43.

287. Тетерина, Е. В. К вопросу о понятии социальной энтропии / Е. В. Тетерина, С. Ю. Пискорская // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2011. – Т. 2, № 7. – С. 271-272.

288. Ткаченко, С. В. Идеология модернизации постсоветской России / С. В. Ткаченко // NB: Национальная безопасность. – 2014. – № 3. – С. 1-92.

289. Токарева, С. Б. Методологические основания анализа духовности / С. Б. Токарева // Философия и общество. – 2005. – № 2(39). – С. 80-100.

290. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В двух книгах. Том 1. Москва.: АСТ, 2004. – 665 с.

291. Турчин, В. Ф. Инерция страха : социализм и тоталитаризм / В. Ф. Турчин. - Изд. 2-ое. - Нью Йорк : Хроника, 1978. - 296 с.

292. Узунов, В. В. Институциональная инерция в инновационном развитии российских регионов: теоретический дискурс / В. В. Узунов // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 1. – С. 56-66.

293. Узунов, В. В. Социальный опыт советского прошлого в управленческих практиках в регионах Юга России в контексте российской модернизации / В. В. Узунов, Ю. С. Панфилова, В. П. Хоценко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 4. – С. 191-194.

294. Урунова, Х. У. Менталитет нации и глобализационные процессы современности (социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Урунова Хамидачон Умарбоевна, 2019. – 216 с.

295. Уткин, А. И. Вызов Запада и ответ России / А. И. Уткин. — Москва : ЭКСМО, Алгоритм, 2003. — 606 с.

296. Ушакин, С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии / С. Ушакин // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6(100). – С. 760-792.

297. Фаненштиль, Т. В. О некоторых особенностях анализа повседневности и ее характеристик в социальной философии / Т. В. Фаненштиль // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 5. – С. 96-103.

298. Федоров, В. В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян / В. В. Федоров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – № 2(96). – С. 275-287.

299. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида ; [пер. с англ. А. Константинов]. – Москва : Классика-XXI, 2011. – 419 с.

300. Фурман, Д. Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем / Д. Е. Фурман ; Дмитрий Фурман. – Москва : Весь Мир, 2010. – 165 с.

301. Хайруллин, В. А. Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В. А. Хайруллин, С. В. Макара, Э. Н. Ямалова // Дискуссия. – 2021. – № 5(108). – С. 88-104.

302. Хапаева, Д. Очарованные сталинизмом: массовое историческое сознание в преддверии выборов / Д. Хапаев // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 5. – С. 210-215.

303. Харичев, И. Прошлое против будущего/ И. Харичев // Дети Ра. – 2012. – № 11(97).

304. Хоровинников, А. А. Социальная инерция как феномен системных противоречий общественно-экономического развития / А. А. Хоровинников, М. А. Гнатюк, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 7. – С. 63-66.

305. Хоружая, С. В. Архаизация и деградация в социокультурном пространстве / С. В. Хоружая, А. Р. Салчинкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5(79). – С. 194-196.

306. Хоружая, С. В. Социокультурная деградация (Социологический анализ) : специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Хоружая Светлана Владимировна. – Краснодар, 2003. – 171 с .

307. Чекалова, Ю. В. Повседневные практики самопрезентации / Ю. В. Чекалова // Вестник Одесского национального университета. Социология и политические науки. – 2009. – Т. 14, № 13. – С. 191-196.

308. Шалюгина, Т. А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Шалюгина Татьяна Александровна. – Ростов-на-Дону, 2012. – 60 с.

309. Шалюгина, Т. А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления : : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Шалюгина Татьяна Александровна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 333 с.

310. Шарнаускене, Т. В. Прецедент как феномен социокультурной реальности (социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шарнаускене Татьяна Васильевна. – Москва, 2012. – 22 с.

311. Швачкина, Л. А. Ценностные изменения социокультурного пространства России в контексте процессов модернизации и глобализации / Л. А. Швачкина, М. А. Игошева, Е. Ю. Положенкова // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 18, № 2. – С. 131-140.

312. Шевелев, В. Н. Россия: от модернизации к трансформации / В. Н. Шевелев – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. – 307 с.

313. Шевелев, В. Н. Антропология модернизации: Россия между Западом и Востоком / В. Н. Шевелев; науч. ред. д.и.н., проф. Нарезный А. И., Юж. федер. ун-т, Рост. межрегион. ин-т обществ. наук. — Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2009. — 351 с.

314. Шевцова Л. Имитационный смотритель / Л. Шевцова // Новая газета. – 2002. – 4 марта.

315. Широкова, Е. А. Социальная ностальгия как феномен духовной жизни общества : специальность 22.00.06 "Социология культуры" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Широкова Елизавета Александровна. – Екатеринбург, 2006. – 21 с.

316. Шубин, А. В. Вожди и заговорщики / А. В. Шубин. - Москва : Вече 2000, – 396 с.

317. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц ; Альфред Шюц ; Составление, научная редакция и послесловие Н.М. Смирновой. – Москва : Издательство "Политическая энциклопедия", 2004. – 1056 с.

318. Щербинина, Н. Г. Героический миф в конструировании политической реальности России : специальность 23.00.01 "Теория и философия политики, история и методология политической науки" : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Щербинина Нина Гаррьевна. – Москва, 2008. – 295 с.

319. Юревич, А. В. Социогуманитарная наука в современной России / А. В. Юревич // Вопросы образования. – 2005. – № 4. – С. 152-163.

320. Яворская, С. А. Кризис культуры и кризисное сознание в системе социокультурной динамики : специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Яворская Светлана Анатольевна. – Саранск, 2006. – 201 с.

321. Ядгаров, Я. С. Место и роль теории человеческого капитала в новейшей истории экономической мысли / Я. С. Ядгаров // Историко-экономические исследования. – 2016. – Т. 17, № 2. – С. 253-277.

322. Ядрышникова, Л. Г. Культурные практики повседневности: к вопросу о методологических принципах изучения / Л. Г. Ядрышникова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 53, № 14. – С. 194-202.

323. Яркеев, А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Яркеев Алексей Владимирович. – Казань, 2019. – 34 с.

324. Vereshchagina, A. Social Inertia as a Destructive Factor in the Development of the Innovative Economic System in the Russian Federation / A. Vereshchagina, M. Gnatyuk, I.V. Pechkurov, S. Kulikov, N. Osipova // Journal of Applied Economic Sciences. – 2018. – Vol. 13. – №5(59). – P. 1406 – 1421.

325. Vereshchagina, A. Sociocultural Parameters of Demonstrative Consumption in Russian Society: The Effect of Social Inertia. / A. Vereshchagina, M. A. Gnatyuk, I. V. Pechkurov [et al.] // Revista San Gregorio. – 2019. – No. 36. – P. 261-276.